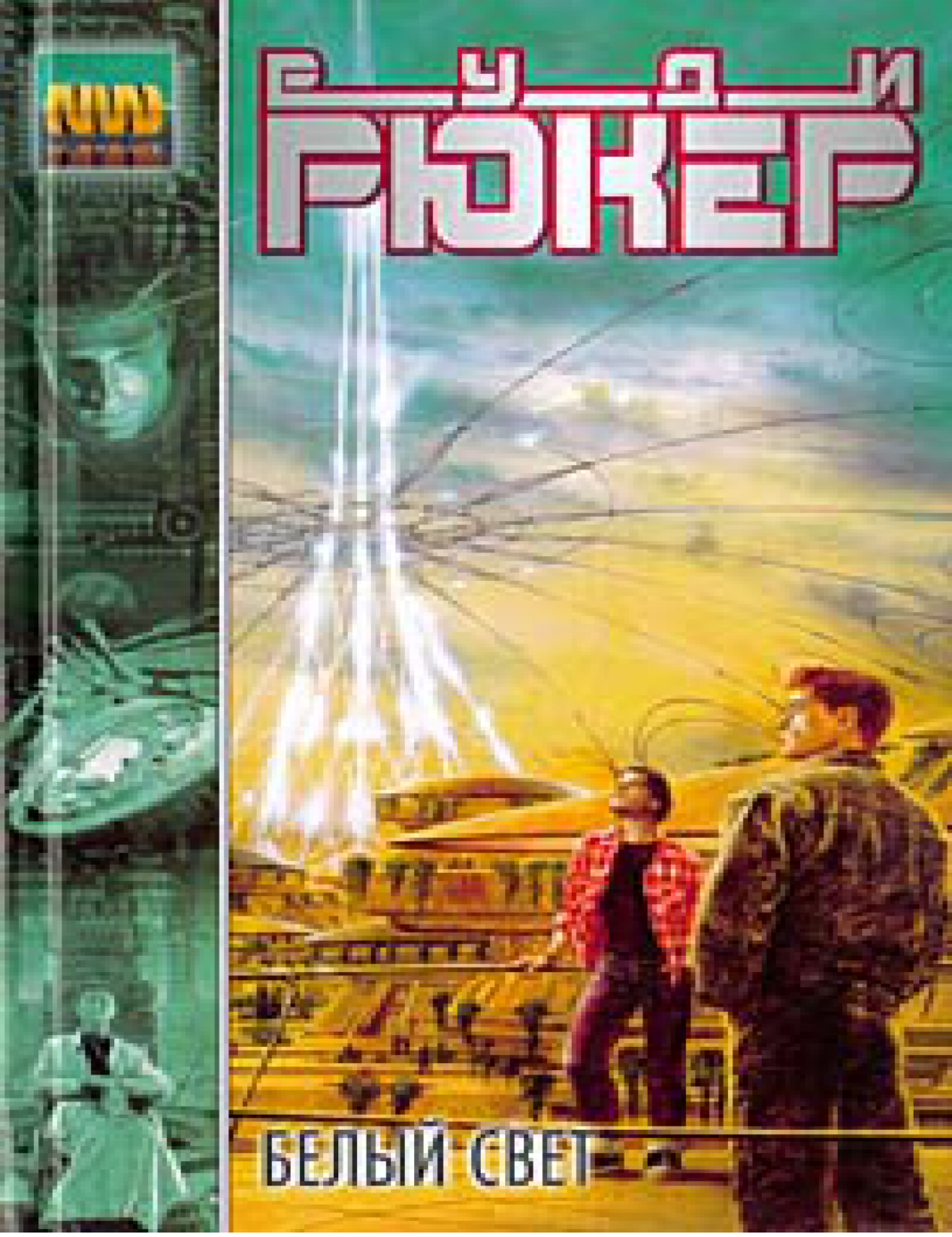
РЭЙДЕР
БЕЛЫЙ СВЕТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Перед вами – АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ФАНТАСТИКА!!!

Острая. Парадоксальная. Забавная. Горькая.

Заставляющая читателей восхищаться – и возмущаться, спорить – и обсуждать прочитанное.

Фантастика, которая не оставит равнодушным НИКОГО!

Однако «альтернативная фантастика» Руди Рюкера – много шире и масштабнее жанра «киберпанк». Лучшее тому доказательство – роман «Белый свет». История математика из захолустного колледжа, попавшего в потусторонний мир, официально считается «метафизическим триллером», но в действительности трудно поддается жанровому определению. Фантастика? Притча? Мистика? Каждый найдет здесь что-то свое.

Лучше всего же сказали об этом романе так: «Эта книга не похожа на другие. Она – это все. Она – Белый свет!»

- Руди РЮКЕР
  - ЧАСТЬ 1
    - 1. НА КЛАДБИЩЕ
    - 2. КАК Я СТАЛ ТАКИМ
    - 3. ЧИСЛО ЗВЕРЯ
    - 4. БЕРНКО
    - 5. ДОНАЛЬД ДАК
    - 6. ИИСУС И ДЬЯВОЛ
    - 7. ДА ПОМОГУТ ВАМ МЕРТВЫЕ
    - 8. СКОРОСТЬ СВЕТА
  - ЧАСТЬ 2
    - 9. ОТЕЛЬ ГИЛБЕРТА
    - 10. ЧТО ТАКОЕ МОЛОКО?
    - 11. ЭПСИЛОН-НУЛЬ
    - 12. БИБЛИОТЕКА ФОРМ
    - 13. ИСТИНА
    - 14. НА АЛЕФ-ОДНОМ
    - 15. ЧАЕПИТИЕ
  - ЧАСТЬ 3
    - 16. НАДУВНАЯ СЕКС-КУКЛА
    - 17. ГОРОДСКОЙ ТЕРРОР
    - 18. СВИНЯЧЬИ СОПЛИ
    - 19. СЛАДКИЕ СЕРДЕЧКИ
    - 20. ГОВОРЯЩИЕ МАШИНЫ
    - 21. АБСОЛЮТНЫЙ НУЛЬ

- ЧАСТЬ 4
  - 22. ХЭЛЛОУИН
  - 23. ИЗЫСКАНИЯ
  - 24. ОБУЧЕНИЕ
  - 25. ДЕЛЕНИЕ ПО БАНАХУ – ТАРСКОМУ
  - 26. КРОВАВАЯ ЖВАЧКА
  - 27. НИКОГДА НЕ БЫВАЕТ СОВСЕМ
- МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ФАНТАЗИИ РУДИ РЮКЕРА

Руди РЮКЕР
БЕЛЫЙ СВЕТ

Эта книга была написана, когда я гостил в Математическом институте Гейдельбергского университета. Я благодарен Фонду Александра Гумбольдта за финансирование моего пребывания.

ЧАСТЬ 1

«Увидеть призрака – это еще не все. Есть еще маски смерти, сложенные стопкой одна на другую, достающие до самого неба».

Нейл Кэссади

1. НА КЛАДБИЩЕ

Дождь шел уже целый месяц. Я снова начал курить.

Шум/информация.., я на улице. В шляпе. Во второй половине дня в среду я пешком поднялся по Центральной улице до кладбища на Темпл-Хилл. Из-за дождя здесь больше никого не было, царил покой. Я стоял под большим искривленным деревом. Это был бук с гладкой серой корой, которая казалась еще более гладкой из-за стекавшего по ней дождя. Ложбинки и складки плоти, одутловатой от преклонного даже для дерева возраста.

Стоя под кладбищенским деревом, поливаемый проливным дождем, я размышлял о проблеме континуума. Отец-основатель нашей страны Георг Кантор откопал эту проблему в 1873 году и потерял рассудок, пытаясь ее решить.

Свет стал мерцающим, и я вполне мог поверить, что вокруг меня собираются призраки. Продам ли я душу за решение проблемы континуума, хотели знать они. Посмотрим, что за решение. Посмотрим, что за душа.

Сперва было непонятно, не простая ли это увертка с их стороны. Четыре года назад у меня была возможность спросить Белый Свет о проблеме континуума. Это было в День памяти во время 'Намской войны. Там было полно парней с тощими шеями и с флагами.., фью-ю…

«Так как насчет континуума?» – спросил я совершенно серьезно, сжав карандаш в сложенных щепотью пальцах.

«Расслабься, ты еще не готов», – таков был ответ, или скорее ощущение, что ответ не будет чем-то таким, что можно записать при помощи символической логики.

Но я продолжал работать над этим, оттачивая свой внутренний взор, чтобы научиться улавливать и давать имена большинству этих ярких мимолетных впечатлений.., кодировать идею в элегантной формулировке, магическом заклятии, способном вернуть озарение. Я был готов. Я стоял под дождем на кладбище, надеясь перехитрить тени.

На Темпл-Хилл мне особенно нравился один надгробный камень. Эпитафия Эмили Водсворт, скончавшейся в 1793 году, гласила: «Помни, что ты должен умереть». Я находил ее живительной.., в ней переливал через край человеческий интеллект, реальность существования. Я впервые увидел этот камень несколько месяцев назад, прочитал надпись и почувствовал себя счастливым. Но тут черное мушиное пятнышко превратилось в муху, спиралью взлетевшую с камня и нацелившуюся в меня. Если я сяду на тебя, ты умрешь… Я

побежал.

Но я вернулся; я стоял под мокрым от дождя буком и всматривался в желоба и Лестницы в глубине моего разума. Мне верилось (почему бы и нет?), что призраки предлагали мне решение проблемы континуума. Узоры становились все фантастичнее, а я цеплялся за них, быстро давая им названия, держась на плаву посреди поднимающегося потопа…

Через некоторое время я замечаю, что дождь стал сильнее. Я озираюсь в поисках более надежного укрытия и выбираю небольшой склеп рядом с участком Водсвортов. Я спешу к нему и пробую дверь. Двойная застекленная дверь с металлической решеткой. Одна половинка открывается, и я вхожу. В пол вделана обычная деревянная дверь. Я срываю ее с петель и сбегаю вниз по ступеням. Еще двери. Я отшвыриваю их за спину. Ступени, двери, черный свет… Я бегу быстрее, все больше увлекаясь. Вскоре я слышу, как этот гроб постукивает и постанывает, скользя по ступеням всего в нескольких шагах впереди меня. Я прыгаю! И приземляюсь в него. Красный атлас, как вы понимаете, сдавленное восклицание…

– Но это же не математика, мистер?..

– Рэймен. Феликс Рэймен, – отвечаю я.

Они одеты в темные костюмы-тройки. Часы на золотых цепочках и остроносые туфли. Международный математический конгресс. Париж, 1900 год.

На трибуну поднимается Дэвид Гилберт. Он говорит о математических проблемах вообще, постепенно подводя к своему личному списку из двадцати трех нерешенных проблем.

Он маленького роста, с остроконечной бородкой и прекрасным стилем речи. Первой в его списке стоит проблема континуума, но мое внимание особенно привлекает его вступительное замечание: «Если нам не удается решить математическую проблему, причина часто заключается в нашей неспособности найти более общую точку зрения, с которой наша проблема предстает всего лишь одним звеном в цепи взаимосвязанных проблем».

Я всматриваюсь в толпу, выискивая в ней Кляйна и Минковского… Я уверен, они здесь. Но лица расплывчаты, а немецкая речь Гилберта становится вдруг неразборчивой, Комок земли падает на меня с потолка, Я встаю и ухожу.

Двери выходят в сумрачный туннель. Катакомбы Парижа. Я иду вперед, держа свечу, и примерно каждые двадцать шагов туннель разветвляется. Я сворачиваю налево, налево, направо, налево, направо, направо, направо, налево.., мое единственное желание – это не начать следовать какому-либо шаблону.

Время от времени я прохожу через небольшие залы, в которых сложены кости. Монахи построили стены из бедренных костей, корды засаленного топлива для вечного пламени, а за эти стенки они побросали более мелкие кости. Стенки из бедренных костей украшены черепами, пирамиды которых складываются в узоры – шахматные доски, географические карты, кресты, латинские слова. Я несколько раз замечаю свое имя.

После почти двух тысяч развилок в лабиринте мой ум ясен, и я могу вспомнить каждый сделанный мной поворот. На каждом разветвлении я старательно нарушаю еще какое-нибудь правило, следуя которому, я мог бы выбирать путь. Если я буду продолжать это бесконечно, то, возможно, смогу пройти путь, для которого не существует конечного описания. И где я тогда окажусь? Одним черепам ведомо.

Я задуваю свечу и сажусь в одном из залов Смерти послушать. Я чувствую слабый неприятный запах и тихий шорох праха, в который неуловимо превращаются кости. В лабиринте, городе Смерти, царит тишина. «Мы спим».

Вероятно, я тоже сплю. Здесь трудно сказать наверняка, но похоже, что я все-таки совершил это бесконечное путешествие по туннелям, что они становились все уже, а я все гибче, что я прошел по пути, который невозможно описать.

К концу пути я был электроном, движущимся по нервному волокну вверх по спинному мозгу в головной, мой мозг. На лицо мне лил дождь, и я попытался сесть. Но мое тело отказывалось двигаться. Оно просто лежало там, остывая под октябрьским дождем.

2. КАК Я СТАЛ ТАКИМ

Мне было не в новинку бодрствовать в безжизненном теле. В течение последних двух недель у меня было несколько случаев довольно странного сна. Сна, после которого я просыпался парализованным и продирался слой за слоем сквозь иллюзии, прежде чем подняться. Все созрело, как нарыв, за день до кладбища.

Я только что окончил аспирантуру и работал преподавателем математики в Государственном колледже в Бернко, штат Нью-Йорк. Какой-то дурак или мизантроп. закодировал название колледжа сокращением КОДЛ. Я был единственным из преподавателей колледжа, баловавшимся наркотиками, и поэтому чувствовал себя здесь абсолютно чужим. По вечерам я спорил с женой и слушал «Изгой на Главной улице» «Роллинг стоунс» через стереонаушники. Днем я спал в своем кабинете на выложенном асфальтовой плиткой полу, мягком от воска, которым его натирали в 40-х годах.

Конечно, моим так называемым студентам и моим самозваным коллегам незачем было видеть меня, спящим на полу. Поэтому я запирал дверь. Во сне меня тревожил страх, что кто-нибудь воспользуется общим ключом, чтобы застукать меня спящим, с мокрой от вытекающей слюны щекой. Часто мое сознание включалось щелчком от звука ударившего по двери кулака, царапанья ключом или когтем, и мне приходилось несколько долгих, томительных минут бороться со своим телом, поднимаясь с пола.

Я делил этот кабинет со Стюартом Левиным, преподававшим в КОДЛе на два года дольше меня. Мы были поверхностно знакомы еще студентами лет восемь назад – мы жили в одном общежитии в Суозморе, когда я только поступил туда, а он уже заканчивал его.

Стюарт был одним из последних поклонников дзен-буддизма и одним из первых маоистов. Он говорил, что собирается стать дзен-социалистическим драматургом, и действительно сочинил пару странноватых пьес, поставленных в студенческом театре. Одна мне запомнилась особенно. Она называлась «Слава Богу за Юбивазу»

Очевидно, она была основана на комиксе, рекламирующем один из видов дзюдо, и продолжалась тридцать восемь секунд. Я пропустил ее, потому что по дороге в зал зашел в туалет, и с тех пор постоянно сожалел о потере.

Что меня больше всего восхищало в те времена в Стюарте,

так это его настенные плакаты с портретами Мао и Д.Т. Судзуки. Председатель был кнопками приколот к двери стенного шкафа, а Судзуки держался на противоположной стене при помощи скотча. Толстый китаец вдохновенно простирал руку, а тощий японец в наряде буддийского монаха криво сидел на камне. Стюарт дорисовал к их ртам пузыри со словами. Председатель кричал: «Ты НАПИСАЛ сегодня что-нибудь, Стюарт?» А монах зыркал ему навстречу и бормотал: «Сегодня свинья – завтра ветчина».

Я наткнулся на Стюарта в нашем кабинете в первый день занятий. Прошло восемь лет, и он выглядел человеком среднего возраста. Худее, волосы покороче, стандартная преподавательская бородка.

«Тебе придется следить за тем, что ты говоришь здесь, Рэймен», – было первым, что он мне сказал.

Я вошел в кабинет и осмотрелся, пока он дергано и порывисто говорил:

– Я только что летом услышал, что мой контракт не будет продлен. – Он изогнул шею и посмотрел на меня, как мне показалось, осуждающе.

– Ты хочешь сказать, что тебя уже уводили? – спросил я, садясь.

Стюарт темпераментно закивал;

– Но они дают год на поиски другой работы. Я собираюсь разослать 1200 писем. – Он вручил мне одно из стопки на столе. В третьей строке была опечатка.

– А что ты вообще тут делаешь? – спросил я. – Преподаешь математику в нью-йоркской глухомани… Что за дела? Что случилось с дзен-социализмом?

Его улыбка походила на трещину в булыжнике, а голова больше подошла бы человеку вдвое крупнее его.

– Это была идея Бернардины. Она сказала, что мы должны вести подкоп изнутри.., встроившись в Систему.

Поэтому я решил получить докторскую степень по математике. Когда они хотят лишить тебя человеческого облика, они пользуются цифрами вместо имен, так? Статистика вместо души. Поэтому я изучал статистику. Но единственная преподавательская работа, которую я смог найти, оказалась здесь, в этом коровьем краю. А теперь я и эту работу теряю. – Левин со вздохом упал в свое кресло. – Я никогда и представить не мог, что все закончится такой чертовой нищетой.

– Да, – ответил я. – Я поступил в аспирантуру только ради того, чтобы увернуться от призыва. Меня все равно чуть не призвали. Но через какое-то время я действительно увлекся математикой. Это красивая штука.., как настоящее абстрактное

искусство.

Левин фыркнул.

– Если она такая красивая, так почему на нее никто не смотрит? Считай, что тебе повезло, если хотя бы три человека прочитают твою диссертацию. – Он подал мне математический журнал. – Посмотри сюда. Плод пятилетнего труда.

Журнал назывался «Труды Американской статистической ассоциации». Примерно в середине оглавления я прочитал: «Асимптотическая теория регрессии погрешностей в пуассоновских процессах… Стюарт И. Левин». Я пролистал журнал до этой статьи. В ней было страниц десять и россыпи незнакомых символов.

– Видно, что статья интересная, Стюарт, – солгал я. – Конечно, я больше ориентирован на логику и на теорию множеств. Но когда у меня будет время… – Я решил сменить тему:

– Как это вышло, что ты, имея степень по статистике, не нашел себе сытной работы в промышленности? Вот уж где ты действительно мог подрыть систему.

Он забрал у меня журнал и какое-то время, не отвечая, разглядывал свою статью.

– Мои преподаватели хитростью заставили меня увлечься математикой. Когда я написал вот это, я думал, что вся статистика сразу же переменится. Я решил, что статья такая замечательная, что мне уже больше не придется горбатиться где-нибудь с девяти до пяти. Я думал, мне сразу дадут профессорскую должность в Принстоне или Беркли. Нести факел. Пф-ф. Я сделаю еще одну попытку, а потом пойду учиться на юриста, как это надо было сделать с самого начала.

После того дня я не часто видел Левина. У него было предчувствие, что ни одно из его 1200 писем не будет прочитано с интересом или симпатией. Поэтому все свое свободное время он тратил на выполнение домашних заданий по юриспруденции, которую изучал на двух вечерних курсах.

Мне удалось не сообщить студентам, где находится мой кабинет, так что после занятий я мог рассчитывать на мирное безделье, омрачаемое лишь моим чувством вины перед Эйприл за ее несчастливую жизнь. Когда бы я ни вернулся домой, Эйприл всегда лежала на диване, уставившись в телевизор с выключенным звуком. Она так и лежала в тишине, пока я не подходил и не спрашивал, как она. Ответ был всегда одним и тем же: ей все осточертело, все достало и она сыта по горло. Захолустный городишко, непрерывный уход за ребенком, покупки в неприглядных магазинчиках, неполадки в машине, что сегодня

сказала соседка, и так далее, и тому подобное.

Послушать ее, так ей жилось еще хуже, чем мне, хоть я, конечно, никогда не признался бы в этом. Вместо этого я напирал на мою исследовательскую работу (бессистемную и бесцельную), подготовку к занятиям (одного часа в неделю вполне хватало) и факультетские собрания (после первого же я поклялся, что второго у меня не будет). По четвергам у меня не было занятий, и я обычно проводил этот день дома с малюткой Айрис, чтобы хоть немного облегчить груз вины.

Но это чувство вины не казалось таким уж страшным, когда я находился в своем хорошо натопленном кабинете с навощенным полом. Все уроки заканчивались к полудню, и, наскоро заглотав свой бутерброд, я садился, чтобы немного позаниматься математикой. Я специализировался в области теории множеств: пытался разобраться в нескольких недавно напечатанных важных статьях и надеялся, что смогу под иным углом взглянуть на Канторову проблему континуума, а именно на то, какова величина бесконечного множества точек в пространстве.

Там, в Бернко, я был оторван от других специалистов по теории множеств, а такие статьи трудно читать в одиночку. Довольно скоро мной овладевали утомление и чувство безнадежности, и я ложился на пол, твердя себе, что я это делаю, только чтобы расслабиться и таким образом яснее визуально представить какое-нибудь сложное множественно-теоретическое построение.

Если судить по часам, мой дневной сон мог длиться два, три или даже четыре часа. Но ментальная продолжительность этого сна не могла быть измерена никакой системой из шестеренок и рычагов. Мой сон длился многие световые годы, килограммы, квантовые скачки, гиперобъемы… Пространство и время разбивались на куски, их слои тасовались и складывались по-новому в эти осенние дни наедине с шипением батарей и медленным угасанием серого света.

Вам когда-нибудь приходилось проснуться во сне?

Все выглядит так, будто сон продолжается, как обычно, только вдруг вы чувствуете, что вы бодрствуете в Стране Снов. В обычных снах человек просто скользит сквозь сон, как пьяница в отключке. Но в редкие моменты прояснения человек обретает память и пытается прибегнуть к сознательному контролю. Эти моменты странной темной просветленности редко длятся подолгу. Потому что в путешествии по Стране Снов тебя ожидают тысячи ложных поворотов, каждый из которых возвращает в ткань сна, в зримую, но бессмысленную манипуляцию надеждами и страхами. Как только сон полностью захватит тебя, начинает

действовать привычный гипноз, и на этом просветление заканчивается.

Во время своих сеансов сна в Бернко я наткнулся из метод продления таких промежутков светлого сна. Фокус заключался в том, чтобы ни на что не смотреть пристально и при этом все время поглядывать на свои руки и тело.

До тех пор, пока мне удавалось сохранять свое тело в целости в Стране Снов, я мог сохранять сознание. Иногда мне даже удавалось перемещаться среди светящихся теней, пока не найду именно тот сон, который хотел.

В октябре начал складываться странный эффект. Во время светлых снов я привык путешествовать по Стране Снов в самородном астральном теле. Но теперь все чаще и чаще я с трудом возвращался в свое физическое тело.

Я приходил в себя на полу в кабинете, но не мог открыта глаза, не мог вообще пошевелиться. Из коридора вплывали то вспухающие пузырем, то искривленные, как на неисправном магнитофоне, звуки. А я лежал там парализованный, борющийся за контроль над своим телом.

В понедельник, за два дня до той прогулки на кладбище, началась новая фаза. Я проснулся в параличе, а когда попробовал пошевелиться, моя астральная рука отделилась от моей физической руки. Я лежал на полу под окном, большая часть меня находилась в ловушке инертной плоти, но та рука была свободна. Я пошарил вокруг и нащупал трубу отопления. Она была горячей, но не да боли. На задней стороне трубы я нащупал место, где краска облупилась. Пятно по форме напоминало полумесяц с зазубренным краем.

Как раз в этот момент в кабинет вошел Левин, и я проснулся.

– Хорош валяться, Феликс, пора домой, – сказал он, собирая свои книги. – Ты только что пропустил классическое факультетское собрание. Мы целый час спорили о том, ставить или не ставить на голосование поправку к регламенту номер три устава факультета. Воистину вдохновляющее занятие.

Я с трудом поднялся, будто выбираясь из могилы двухметровой глубины. Только на следующий день, во вторник, я вспомнил о странном сне. Когда я прикоснулся к трубе отопления, она оказалась слишком горячей.

Но прислонившись щекой к стене, я смог рассмотреть зазубренный полумесяц облупившейся краски. Однако он изгибался в направлении, противоположном тому, которое я запомнил.

Когда я прилег поспать днем во вторник, мне снились ужасные, путаные сны. В конце концов я снова проснулся в

параличе. Как и в прошлый раз, я сначала освободил одну руку, а потом и вторую. Я осторожно пощупал свою грудь и скрещенные на ней руки. Я опустил астральные руки на пол и попытался вытянуть все свое астральное тело из физического. Возникло чувство, будто я куда-то проваливаюсь и мои руки погрузились в пол. Я немного пощупал вокруг – провод, загнутый гвоздь – и вытянул руки обратно, решив попробовать что-нибудь другое.

На этот раз я помахал астральными руками взад-вперед, набирая инерцию, а потом неуклюже выкатился из своей плоти. Я лежал на полу лицом к своему спящему физическому телу. Я находился вне его, в своем астральном теле, которое было обнаженным зеркальным отражением моего физического тела.

Целую бесконечную минуту я ничего не предпринимал.

Комната выглядела нормально, если не считать нескольких, напоминающих комки теста пузырей, дрейфующих у окна.

Мое физическое тело все еще дышало. Я немного расслабился и оглядел комнату в надежде заметить что-нибудь такое, что я смог бы потом проверить. Мне нужно было знать, насколько реально происходящее.

Я вспомнил, что ко всей мебели в комнате прикреплена маленькая металлическая бирка с инвентарным номером КОДЛы на ней. Я знал на ощупь, что на нижней стороне выдвижного ящика моего стола была такая же, но я никогда не читал, что на ней написано. Я решил прочесть этот номер и запомнить его.

Я подполз к письменному столу, не сводя взгляда со своего спящего тела. Мне было ужасно страшно, что оно умрет без меня. Но я твердо нацелился прочесть тот номер и выяснить, было ли это чем-то большим, чем просто безумный сон.

Когда я засунул голову под стол, что-то случилось с моим восприятием пространства. Там, где я рассчитывал найти кубический метр пустого места для ног, оказался длинный темный коридор, уходивший в стену и далеко за нее. В мою сторону по этому коридору двигалась пара тусклых красных огней, и я слышал натужное дыхание.

Я быстро посмотрел вверх на донышко ящика. Там была та самая металлическая бирка. Опасливо взглянув на приближающиеся красные глаза, я тянул шею все выше и выше, чтобы прочитать номер.

На бирке шестизначное число. Но каждый раз, когда я читаю его, оно изменяется. Очертания комнаты поплыли, и я знаю, что умру от страха, если еще раз увижу, как эта штука приближается ко мне. Я добрался по полу до своего тела и кое-как закатился в него. Черная тварь с кожистыми крыльями выползает из-под моего стола. Я пытаюсь закричать, но не могу – я снова

парализован…

Вздрогнув, я проснулся. Вторник, день, половина четвертого. Я надел плащ и заспешил домой под проливным дождем.

3. ЧИСЛО ЗВЕРЯ

В среду утром я вышел из снимаемого нами дома в, состоянии суицидальной депрессии. Еще одна ссора с Эйприл. Недавно она начала жаловаться, что никак не может выспаться, поэтому сегодня я превозмог свое тревожное забытье, чтобы покормить малютку Айрис, когда она расплакалась в половине седьмого.

Малышка так обрадовалась, увидев меня, что я уже не жалел о раннем подъеме. Она широко открыла ротик, приветствуя меня, и я разглядел оба ее зубика. Она отпустила край кроватки, замахала обеими ручками и шлепнулась на пеленку. Подгузник промок, и я поменял его, тихонько передразнивая все это время ее воркование и гуканье.

Когда Айрис была одета, я поставил ее на стол перед зеркалом так, чтобы наши головы были рядом. Удивительно, как растет голова. Мое лицо удивило меня. Я даже не подозревал, каким зомби я выгляжу. Но Айрис не возражала. Она говорила «ба-ба», «да-да» и посмеивалась пухлым смехом.

Когда я посадил ее в высокое кресло, она расплакалась. Я размял банан и подогрел кашицу, а потом стал загружать массу ей в рот, соскребая остатки с щек и подбородка маленькой ложечкой после каждых нескольких порций. Вскоре она уже сосала свою бутылочку, а я мог заняться едой. Вчера я почти не поужинал и теперь дрожал от голода.

Когда я стал жарить глазунью, на кухню пришла Эйприл.

– Надеюсь" ты не кормил ее бананом в этой одежде, – сказала она. – Эти пятна не выводятся.

Я стиснул зубы и перевернул глазунью. Желток лопнул. Я выругался и вытряхнул яичницу в мусорное ведро.

– Чего ты такой дерганый? – резко спросила Эйприл.

– Возвращайся в кровать, – прорычал я, разбивая новое яйцо в сковородку.

– Не понимаю, почему ты должен начинать день в таком настроении, – запричитала Эйприл. – Это моя кухня, и если я себя чувствую бодрой и хочу встать, то я имею право. Ты не помер бы, если бы хоть раз поговорил со мной по-человечески. Вчера вечером ты мне вообще ни слова не сказал.

Я едва не проболтался, что я выпал из своего тела и меня чуть не поймал Дьявол, но тут желток снова лопнул. Я превратил яичницу в неопрятную мешанину, положил ее на неподжаренный ломтик хлеба и, давясь, проглотил эту дрянь, запивая молоком. На лице Эйприл застыло то кислое выражение, которое

появлялось всегда, когда она была по-настоящему несчастна. Я подумал, что надо сказать что-нибудь приятное, но получилось лишь:

– Мне сегодня надо пораньше а школу, Эйприл. – Больше всего на свете мне вдруг захотелось оказаться вне дома. Я принялся собирать свои вещи.

– Ну правильно, – заорала Эйприл. – Испортил мне утро, а теперь бросаешь меня одну в этой дыре.

Почему ты не можешь найти настоящую работу в городе? Ты такой безвольный и ленивый. Если бы ты не сидел всю ночь с трубкой и наушниками…

Айрис смотрела на нас печальными глазами. Я поцеловал ее, вытер рот и выскочил за дверь. Эйприл сидела на стуле и плакала. «Вернись к ней, – сказал я себе. – Ну же». Но не сделал этого.

Я не дошел еще до конца квартала, как боль стала вполне терпимой. Дойдя до угла, я уже мог нормально видеть. Похоже, начинался еще один дождливый день. Хмурое небо выглядело так, будто до него было не больше сотни метров. Но в этом освещении без теней была своя красота. Это было почти похоже на восточную акварель с превосходно выписанными деревьями и листвой на них. Я решил, что после обеда погуляю подольше. После вчерашних переживаний мне совершенно расхотелось спать днем.

Я пробыл в своем кабинете больше часа до начала первого урока – математики для специальности «Начальная школа» – в девять часов. Я немного нервничал, ставя ноги под стол, но, разумеется, ничего не случилось.

Я решил, что мои переживания – не более чем кошмарный сон.

Мне все еще не верилось, что пять лет аспирантуры привели меня в КОДЛу, поэтому я просматривал утреннюю почту в надежде на какое-нибудь чудесное предложение, отправленное в последнюю минуту одним из настоящих университетов. Но сегодня в почте была только реклама новых учебников да тоскливое, малопонятное информационное письмо от комитета факультета факультету в целом. Я пожалел, что не играю на бас-гитаре в какой-нибудь рок-группе.

Я швырнул почту в мусорную корзину и взял в руки книжку по дифференциальной геометрии, недавно одолженную мной в библиотеке колледжа. По-настоящему с уютным чувством я взялся за формулы Френе для движущегося трехгранника в искривленном пространстве. , Через несколько минут что-то на поверхности стола привлекло мой взгляд. Это оказалось

треугольным клочком бумаги, на котором незнакомым почерком было что-то написано. Наверное, он лежал под книгой. Я попытался подавить в себе ощущение, что эта бумажка как-то связана с моим кошмаром, и взял ее в руку. Бумага была толстой, похожей на пергамент. Два края – прямые, а третий – неровный. Похоже на уголок, оторванный от страницы в старой книге. Чернила были красно-бурыми.

Высохшая кровь, безнадежно подумал я. Надпись четкая, но алфавит какой-то другой. Вдруг я понял, что смотрю на зеркальное письмо. Я попробовал расшифровать его, но был слишком расстроен, чтобы понять, что к чему. Я подбежал к шифоньеру и приставил клочок к зеркалу на двери. «Возведи в квадрат мое число для бирки», – прочитал я.

– Все из-за таких парней, как ты, Рэймен, – быстро произнес чей-то голос.

Я вздрогнул и обернулся. Это был Джон Уилдон, профессор. Он был скромным, но при этом очень неприятным человеком. Мне редко когда удавалось понять, к чему относятся его лаконичные остроты. Я тупо посмотрел на него, маскируя замешательство и неприязнь покашливанием.

– Рекомендации по зарплате и ценам, а такая книжка обходится библиотеке в тридцать баксов.

Он шагнул вперед и показал на книжку по дифференциальной геометрии, оставленную мной на столе. Он что, не хотел, чтобы я пользовался библиотекой?

– Это довольно хорошая книга, – неуверенно произнес я, засовывая клочок бумаги в карман. – Картинки хорошие.

– Только не говори мне, будто ты не знал, что Стрюйк красный! – потребовал Уилдон, прихлебывая кофе из своей кружки. У него на кружке было его имя и имена известных математиков. Я надеялся, что однажды он ее выронит из рук. – Доллары налогоплательщиков достаются красным, и это при том, что графство на 90 процентов республиканское. – Уилдон покачал головой. – Даже преподаватель логики не мог бы до такого додуматься. – Неожиданно он бросил на меня пристальный взгляд:

– Ты зарегистрировался?

– Для голосования? – спросил я, и он кивнул. – Конечно… – Я все еще отставал от него на много прыжков. Что, автором книги, которую я читал, действительно был Стрюйк?

– Демократ? – вкрадчиво спросил Уилдон. Я кивнул, и он поднял свою кружку в безмолвном тосте. – Нам, либералам, нужно присматривать друг за другом. – Он пошел из комнаты. У двери он остановился:

– Мы соберемся вместе с женами и опрокинем по чуть-чуть.

– Прекрасно, – сказал я. – Это было бы здорово.

Когда Уилдон ушел, я закурил сигарету и долго смотрел в окно. В окно были видны лишь кирпичная стена да кусок неба над ней. «Возведи в квадрат мое число для бирки», – говорилось в бумажке. Чей номер.., для чьей бирки?

Я мысленно вернулся к вчерашнему кошмару. Мне приснилось, что я покинул свое тело и заполз под письменный стол, чтобы прочитать номер на инвентарной бирке КОДЛы. Я пощупал нижнюю поверхность стола. Бирка была на месте. С определенным нежеланием я опустился на пол и вывернулся кверху. На бирке стоял номер 443 556. Возведи в квадрат мое число, чтобы получить бирку. Чему равен квадратный корень из 443 556? Я достал карандаш и бумагу.

Через несколько минут я получил результат. Квадратный корень из 443 556 равен 666. Согласно Откровению, 666 – это число Зверя, то есть Дьявола, то есть того существа с кожистыми крыльями, которое выгнало меня из-под стола днем во вторник. Все сходилось.

Я вынул клочок бумаги из кармана и внимательно рассмотрел его. Может быть, я сам написал это? Может быть, у меня действительно было астральное тело, я прочитал бирку, подсознательно извлек квадратный корень, по ассоциации вспомнил о Дьяволе и сам написал эту записку своим зеркально отраженным астральным телом.

Я крепко вцепился в бумажку. Если бы она исчезла, я бы точно знал, что сошел с ума. Это было второй возможностью. А третьей? Это было немыслимо.

Когда я услышал колокол, отбивающий девять часов, я встал и направился через квадратный двор колледжа в корпус Тодда. Сыпал мелкий дождь. Повинуясь импульсу, я скомкал бумажку и бросил ее в урну. «Ты все напридумывал, – сказал я себе. – Все дело в постоянном стрессе».

Подходя к каменным ступеням, ведущим к дверям Тодда, я снова впал в привычное перечисление своих жалоб. Это что, моя настоящая жизнь? Как там сказал Левин? «Я никогда и представить не мог, что все закончится такой чертовой нищетой». Двадцать семь лет учебы, надежд и стремлений привели вот к этому, преподаванию арифметики в КОДЛе.

Я поднимался по ступеням. Взгляд утыкался в обтянутый джинсами зад студентки, шедшей на несколько ступеней впереди. Вдруг она испустила пронзительный крик, лягнула правой ногой и свалилась в припадке. Ее голова экстатически кивала в такт этой древней музыке больных нервов.

Мое чувство отчуждения от КОДЛы было так сильно, что я просто обошел ее. Найдутся другие, жаждущие помочь. Одной из самых популярных специальностей в колледже было «Специальное образование». Когда я почти достиг верхних ступенек, открылась дверь и из нее вышел слепой студент. Я посторонился, и он простучал палочкой мимо, но тут же споткнулся об эпилептичку и упал на нее.

Было немного больно смотреть, как они бьются на каменных ступенях, и я было заколебался на грани того, чтобы помочь им. Ее каштановые волосы паутиной покрывали измазанное слюной лицо, она колотила рукой по его жалко белеющей спине, согнутой и выставленной на обозрение в том месте, где пузырем задралась дешевая клетчатая рубашка. Он, не переставая, громко извинялся.

Дюжая блондинка прибежала с другого конца двора, поскользнулась, подвернула лодыжку и страшно грохнулась у подножия лестницы. Я вошел в Тодд с чувством вины и подавленности.

– Я уже на пять минут опаздывал на урок, и коридоры были практически пусты. Я спеша миновал двери, за которыми уже трудились вовсю мои коллеги – собирали тетради с домашней работой, раздавали тесты, читали по своим конспектам. Уилдон заметил меня и демонстративно посмотрел на часы.

Подходя к своему классу, я пытался вспомнить, что мы делали на предыдущем уроке, и подумал, о чем мы будем говорить сегодня. У входа в класс меня поджидала моя глухая студентка.

– Здыхассе, – сказала она.

Я улыбнулся и кивнул.

– У мехья пхобхема, – продолжала она, задрав ко мне лицо.

Она была трогательна, но не понимала почти ничего из пройденного материала. Конечно, она сдаст. Я улыбнулся и снова кивнул, стесняясь заговорить.

– Фам хадо хе деххать хуку воххе хта, – сказала она и закрыла лицо руками, изобразив, что она хотела сказать. – Мхе хата фитть фафы хуфы.

– Я постараюсь, – отчетливо сартикулировал я, и мы вошли в класс.

Группа состояла из тридцати девушек и трех унылых особей мужского пола, включая меня. В этой группе было три ключевых студентки. Одна, по имени Мелани, была очень похожа на молодую, смущенную своей прорывающейся сексуальностью Мэрилин Монро. Карина, вторая, выглядела так, как выглядела бы развращенная Эйприл в свои семнадцать лет. У Фины, моей главной опоры, был искусственный зуб, и она была так

великолепно непристойна, что я на прошлой неделе зашел весьма далеко и выпил с ней чашку кофе.

Сегодня на месте была только Карина, и ее толстые пухлые губы, казалось, шептали голосом Эйприл: «Я так несчастна. Ты меня не любишь. Я хочу жить своей собственной жизнью». Да, веселого урока ожидать не приходилось. Я радовался хотя бы тому, что выбросил бумажку. Лучше уж быть сумасшедшим, чем получать письма от Дьявола.

Я подошел к окну, открыл его "и высунулся, чтобы посмотреть, как там поживает большая куча мала. Я все еще не мог в это поверить. Три человека сразу. Что я тут делаю, в этом зверинце? На ступенях никого уже не было. Но пока я смотрел, студент с черными жирными волосами вбежал на лестницу, сильно поскользнулся и разыграл подробнейшую пантомиму, изображающую шок от этой неприятности. Он даже посмотрел на подошвы туфель.

Я втянул голову в класс и посмотрел на часы. Прошло десять минут. Даже если я отпущу их на пять минут раньше, все равно нужно убить еще 35 минут.

– Так, – сказал я, садясь и листая учебник. – Есть какие-нибудь вопросы по домашней работе?

Мертвая тишина. Класс тупо смотрел на меня, и в их глазах даже не мелькали обычные искорки похоти или презрения. Никто из нас не мог припомнить, задавалось ли вообще в этом курсе хоть одно домашнее задание, Зачем мы здесь?

В отчаянии я предложил:

– А не написать ли нам вскорости контрольную работу?

И таким образом само собой решилось, чем нам заниматься оставшуюся часть урока. Мы назначили контрольную на понедельник, и вопросы полились потоком.

Подчиняясь требованию момента, я придумал и методику контроля, и структуру курса. Наконец-то нам стало ясно, зачем мы здесь. Они выходили из аудитории совершенно довольными.

На следующем занятии я преподавал исчисление второго порядка и получал от этого настоящее удовольствие.

Есть что-то красивое в науке, позволяющей вычислять объем яйца или площадь поверхности бутылки. Студенты реагировали хорошо, и я рассказал несколько смешных анекдотов.

У меня была еще одна группа, изучавшая основы геометрии, утром по вторникам и пятницам. Но сегодня была среда, поэтому в 11.00 я уже освободился. Снова лил дождь, и мне пришлось бегом бежать через двор, чтобы попасть в свой кабинет. Левин сидел за своим столом и ел бутерброд, просматривая при этом стопку толстых книг.

– Привет, Стюарт, – сказал я. – Как там законы?

– Законы справедливы, – ответил он. – Я смог бы их терпеть за тридцать штук в год. Я все твержу себе, что не продаюсь, а, наоборот, покупаю себе вход. – Он коротко хмыкнул. – А ты как? Готов к своему знаменитому сну?

– Нет, – быстро ответил я, – Нет-нет, больше никаких снов. Со вчерашнего дня. – Я рассказал ему о своих явственных снах, о своем астральном теле, о существе, которое я вчера увидел, и о записке, которую нашел сегодня утром. Пока я говорил, Левин тихо доедал свой бутерброд. – Ну, – заключил я, – какое это облегчение, вот так выложить все. Полагаю, это звучит совершенно безумно, если услышать все сразу.

– Еще как, – сказал Левин, глядя на меня с сочувствием. – Мне кажется, будь я на твоем месте, я бы постарался переключиться на что-нибудь другое. Может, даже к психиатру сходил бы. Если ты не остановишься, то доведешь себя до сердечного приступа. Умрешь от страха во сне.

– Умеешь ты обнадежить, Стюарт. А тебе не кажется, что это может быть взаправду? Как быть с числами?

Он пожал плечами:

– Должен заметить, ты избавился от записки, прежде чем показал ее кому-либо. Навскидку я сказал бы, что у тебя едет крыша. С другой стороны, – он на минуту задумался, – я как-то видел книжку про такие сны.., у какой-то подруги Бернардины. Ее написал парень по имени Монро, и она называлась «Путешествия вне тела». Когда ты немного успокоишься, можешь попробовать найти ее.

Я записал автора и название. Тут мне в голову пришел другой вопрос.

– Ты бываешь здесь во второй половине дня по вторникам? – Левин кивнул, и я продолжил:

– Ты вчера тут ничего странного не заметил?

– Ну, – сказал Левин, и его голова раскололась в длинной улыбке. – Тут был этот парень с красными глазами и кисточкой на хвосте. Он хотел видеть тебя, но я сказал ему, чтобы он оставил записку.

Мне пришлось посмеяться:

– Ладно, ладно. Я схожу с ума. Можно подумать, что тебя это беспокоит. – Я надел кожаную куртку и старую фетровую шляпу, доставшуюся мне от отца. – Пойду пообедаю. А потом прогуляюсь под дождем.

– Думай о математике, Феликс, – серьезно посоветовал Левин, когда я выходил. – Это отвлечет тебя от твоего нервного срыва.

4. БЕРНКО

Я с трудом поднимался по крутому асфальтированному переулку, ведущему к главной улице Бернко, которая называлась Главной улицей. Дождь все еще лил, и вода стекала по улице мятой холстиной. Я решил поесть в «Сэммиз», закусочной, принадлежащей нынешнему мэру Бернко. Он царил в клубах сигарного дыма в конце стойки бара, в то время как толстая женщина с бородкой и усиками обслуживала посетителей. Эта женщина выглядела точь-в-точь как Сэмми, вплоть до набриллиантиненных волос. Работая, она все время что-нибудь жевала.

Мой завтрак давно усвоился, и по пути сюда я уже запланировал себе идеальный сандвич. Я сел за стойку рядом с грилем и продиктовал толстой женщине свой заказ:

– Я хочу сандвич из рубленой ветчины на поджаренном ломтике белого хлеба с маслом и майонезом, с листком салата и ломтиком швейцарского сыра. И чашку чаю.

– М-м, звучит аппетитно, – сказала она голосом, сладким от набежавшей слюны.

Она подала мой чай, отпустила кому-то чизбургер и жареную картошку, а затем принялась сооружать мой сандвич. Я неотрывно наблюдал за ней, испытывая при этом гордость архитектора. Наконец он был приготовлен, положен на маленькую картонную тарелочку с гофрированным краем, украшен длинной тонкой долькой соленого огурца и пригоршней картофельных чипсов. Предвкушая удовольствие, я с улыбкой откинулся на спинку стула.

Но тут эта толстая официантка повернулась ко мне спиной, наклонилась над моим сандвичем и весь его съела – торопливо и молча. Меня, словно туманом, окутала ярость.

Безо всякого выражения я проглотил, давясь, поданную мне в конце концов безжизненную картонную копию моего сожранного шедевра. Даже не поведя от удивления бровью, я пронаблюдал за тем, как некто завел свою собаку за стойку, чтобы ее угостили сырым гамбургером. Толстая женщина покормила собаку с той же лопатки, которой она раскладывала порции. В тупом оцепенении я оплатил счет в вышел.

Собака лаяла, требуя добавки.

Дождь лил с такой силон, что я целую минуту простоял под онингом «Сэммиз».

На просевшем тротуаре стояла лужа, к жирные капли гирями шлепались в нее. Возникали быстрые круги, потом они сминались

и разглаживались. Я не отрываясь глазел на лужу, увлеченный узорами на ней.

Ниже, в этом же квартале, находился книжный магазин. Им заправлял кучерявый хиппи, называвший себя Солнечным Рыбом. Сегодня в магазине было безлюдно.

Хозяин сидел у окна в старом, видавшем виды садовом кресле, изображавшем две створки раковины гребешка.

Вид у него был подавленный.

– Как ты собираешься удержать их на ферме. Солнечный Рыб?

– Феликс! Принес заказы на учебники? – В его выцветших, налитых кровью глазах блеснул деловой азарт.

– Нет, я просто…

– Паразит бесполезный! – с жаром воскликнул Солнечный Рыб, В гораздо большей мере Нью-Йоркец, чем хиппи, он имел привычку ссориться с покупателями. Это вносило в его жизнь яркие ощущения.

– Не понимаю, почему никто не хочет считать мою работу настоящей, – пожаловался я. – Да одна только мысль о том, что я стану делать, когда меня выпрут…

– Вы только его послушайте! У него на следующей неделе будет язва желудка.

Я вздохнул и отвернулся, чтобы посмотреть на полку с фэнтэзи. Солнечный Рыб любил фэнтэзи. Вдруг я почувствовал, что он стоит прямо у меня за спиной.

– Вон хорошая, – сказал он, доказывая пальцем из-за моего плеча. У него было собачье дыхание.

– Слушай, как это получается, что ты стоишь ко мне ближе, чем я к тебе? – резко огрызнулся я.

Солнечный Рыб вскинул руки и вернулся к креслу.

– Ах какие мы чувствительные!

Мне стало стыдно.

– Извини. У меня полно проблем.

– Не сомневаюсь.

– У тебя есть книги о путешествиях в астрале? Одну такую написал парень по фамилии Монро.

– Имеются, – сказал Солнечный Рыб, махнув рукой в глубь магазина. – Последняя полка справа. – Он снова принялся созерцать дождь.

Я провел в глубине магазина почти час. За это время заглянуло и ушло несколько посетителей, в основном студенты, разыскивающие рекомендованную литературу. Солнечный Рыб с ними быстро управился.

Я прочитал кое-что из книги Монро, особенно те разделы, где говорилось, как нужно возвращаться в свое тело, если уж из него

вышел. Но похоже, он не испытывал с этим тех проблем, что были у меня. Там стояло три экземпляра книги Монро, и я чуть не пропустил задвинутую за них тонкую брошюру. Я выудил ее оттуда, дивясь ее странному титульному листу:

САЙМИОН И КАК ТУДА ПОПАСТЬ. Ф. Р.

И все. Ни названия издательства, ни даты. Страницы были тонкими и скользкими. Значение инициалов тоже не ускользнуло от меня, и я заглянул в брошюру с мистическим чувством предвосхищения. «Саймион – это страна снов и отошедших душ», – гласила первая фраза.

Подробное описание и схемы Саймиона составляли всю первую часть брошюры. Столько я усвоить не мог, но схемы до сих пор у меня в памяти. Одна напоминала термометр. В голове у меня все плыло, когда я добрался до второй части. Я уже полчаса стоял неподвижно, и ноги стали неметь.

«В обычном пространстве, – начиналась вторая часть брошюры, называвшаяся „Как туда попасть“, – Саймион находится бесконечно далеко. Для спящего человека это не представляет никаких проблем, но для полностью бестелесного…»

– Ты еще там, Феликс? – дружелюбно крикнул Солнечный Рыб.

Мне нужна была передышка, и я подошел к нему с брошюрой.

– Сколько за эту?

Он с минуту разглядывал ее.

– Что такое Саймион?

– Она стояла за книжками Монро.

Он вернул ее мне.

– Считай, что она твоя, амиго. Я первый раз ее вижу.

– Тогда как она туда попала? – Я подумал про бумажку, которую нашел сегодня утром на своем столе.

Солнечный Рыб закончил зевок и откинулся в своем бледно-зеленом садовом кресле.

– Разные извращенцы все время что-нибудь подбрасывают. А может, доставка подкинула. – Он помолчал, потом заметил:

– Завтра в городе выступают «Мертвецы».

Единственное, что Солнечный Рыб по-настоящему любил, так это ходить на концерты «Благодарных мертвецов».

– Поедешь?

Он кивнул с улыбкой:

– Они будут играть всю ночь. В честь Хэллоуина.

Тебе стоит сходить.

Я мотнул головой и, сложив пополам, засунул брошюру в карман плаща.

– У меня и так мозги вываливаются.

Дождь был все еще слишком силен для прогулок" поэтому я решил заглянуть в «Каплю». У меня оставалось денег как раз на пару пива. «Капля» находилась на единственной в Бернко нежилой боковой улице и пользовалась определенной дурной славой. Здесь выпивали все городские наркоманы, и еще оставалось достаточно места для случайно забредших отщепенцев.

Единственным посетителем, кроме меня, был тощий работник с ближней фермы в резиновых сапогах до колена. Барменша поставила пластинку Джексона Брауна и, как и все остальные в Бернко, созерцала дождь.

– Вы, случайно, не преподаватель математики? – спросила она, когда я заказал большую кружку темного.

– Не знал, что это так заметно.

Она улыбнулась:

– Я – Мэри. Мой приятель изучает у вас геометрию.

Том Перчино. Он говорит, что это просто обалденно.

Я еще не знал студентов по именам, но попытался прикинуть, чьей подружкой могла быть эта девушка. У нее были прямые темные волосы и доброе овальное лицо, некрасивое из-за того, что подбородок был на сантиметр смещен набок. Что-то в ее облике навевало на мысли о Великой депрессии и пироге из крекеров «Ритц». У меня был только один студент, похожий на оки.

– Твой дружок – высокий парень с черными усиками? – Когда Мэри кивнула, я добавил:

– Да, я знаю его. – В своем курсе геометрии я довольно много говорил о четвертом измерении, а Перчино хотел писать курсовую по НЛО. Он утверждал, что этим летом видел один в Бернко. Пиво пощипывало язык, – Он увлекается НЛО, да?

Мэри наклонилась над баром:

– Он говорит, что вы сказали, будто они все прилетают из четвертого измерения.

Я осторожно хмыкнул:

– Не помню, чтобы я именно так говорил. – Мое положение здесь было достаточно шатким и без слухов о том, что я будто бы учил про НЛО. – Вообще-то я не очень люблю НЛО, – продолжал я. – Они слишком материалистичны. В смысле то есть, в реальности есть не только это… – Я жестом обвел бар, дождь, землю. – Но взять идею чего-то более высокого и свести ее к парню в машине, машине из космоса. Это жалкий материализм. Потустороннее все время рядом… – Я провел рукой по полированной поверхности стойки, разглядывая рисунок древесины. Голова стала совершенно легкой.

Барменше нравилась эта болтовня, но так сразу ее было не переубедить.

– Ага, – сказала она, – Точно. Но только вот мы с Томом действительно видели один этим летом. На Темпл-Хилл.

– На кладбище, что ли?

Она кивнула и продолжала:

– Мы увидели его, когда решили поспать там на свежем воздухе. Сначала он был как гриб, а потом вырос большой-большой и улетел. – Она вскинула руки. – Это было так красиво.

Я подтолкнул вперед свою пустую кружку, и она принесла еще пива.

– Это не самое достоверное свидетельство из тех, что мне приходилось слышать, – сказал я. – Может быть, вы действительно видели что-то, но почему это обязательно еще одна проклятая машина? Почему это не мог быть Бог, или Ангел, или живая энергия из измерения Зет?

– Но звук был как от машины, – сказала она и изобразила жужжание.

Мы оба рассмеялись. Зашла группа студентов, и она направилась их обслужить. Старый фермер все еще опирался на стойку бара и, уставившись в рюмку с виски, периодически поджимал свои тонкие губы. Я взял свое пиво и отошел к одному из столиков.

Первая порция согрела мой желудок, и мозг тикал, как часы. Я вспомнил совет Левина и решил подумать о математике, о проблеме континуума – проблеме, чье столетие мы вот-вот будем праздновать.

13 декабря 1873 года двадцативосьмилетний Георг Кантор извлек проблему континуума на свет Божий, доказав, что в пространстве имеется больше точек, чем натуральных чисел. Вопрос в том, насколько больше.

Любой непрерывный участок пространства называется континуумом, протяженностью. Отрезок линии, поверхность воздушного шарика, внутренний объем черепа, бесконечная вселенная – все это протяженности. Кантор установил, что если их рассматривать как множества точек, то все протяженности имеют одну и ту же степень бесконечности, которую он назвал "с". Степень бесконечности множества всех натуральных чисел называется алеф-нуль, а следующая, более высокая, степень бесконечности называется алеф-один. В 1873 году Кантор впервые доказал, что "с" больше, чем алеф-нуль. Даже если жить бесконечно плюс один день, невозможно приписать натуральное число каждой точке пространства. Проблема континуума заключается в том, чтобы выяснить, на сколько именно "с"

больше, чем алеф-нуль. Кантор считал, что "с" должно равняться алеф-одному, то есть следующей бесконечности. Но никто не знает, прав ли он.

Сидя в «Капле», я рассматривал мысленные образы алеф-одного и "с", пытаясь сравнить их между собой, Сегодня алеф-один выглядел как целая уйма лестниц, каждая из которых была круче предыдущей, а "с" – как полый цилиндр. Я представлял, как лестницы выдвигаются из оси цилиндра, и пытался увидеть, смогут ли они его заполнить. Чего я только не поместил в этот цилиндр, все, что только можно, сделал поперечные сечения, а на каждом ломтике нарисовал концентрические круги. Я представил себе непрерывно растущий пузырь, какими на карикатурах изображают мысли человека, библиотеку с бесконечно длинными стеллажами. Я надеялся, что смогу найти доказательство тому, что "с" больше, чем алеф-один.

Через некоторое время я заметил, что дождь несколько ослаб. Я допил пиво, прикурил сигарету и вышел на улицу. Поля шляпы защищали сигарету от капель. Я некоторое время просто брел по городу, практически не замечая, куда иду. Мне показалось, что я напал на хороший подход к проблеме континуума, и постарался закрепить его, хотя мысли все время убегали к Эйприл и к кошмарному сну про Дьявола.

Если бы мне удалось продвинуться в решении проблемы, я смог бы найти хорошую работу. Если бы я смог найти хорошую работу, Эйприл и я были бы счастливы.

Если бы я был счастлив, я и думать забыл бы о том, чтобы покидать свое тело.

Эйприл хотела, чтобы я снова съездил на ежегодную Ярмарку вакансий Американского математического общества. Гостиничный зал для балов, полный зануд за ломберными столиками. Просители были странными, причудливыми интеллектами, превратившими себя в сухари, а счетные машины. Зал бейсбольной славы. Всем интервьюирующим были нужны прикладные математики. Что бы это ни означало, оно не означало теорию множеств.

Впервые я задал себе вопрос, в чем, в сущности, заключалась проблема континуума. В сравнивании двух разных вещей – "с" и алеф-одного. Очевидно, было бы справедливым утверждение, что имеется "с" возможных мыслей, а алеф-один является первым уровнем бесконечности, до которого мы не можем додуматься. Таким образом, эта проблема сводится к вопросу: что больше. Все или Бесконечность?

Воздух вокруг был мягким и светящимся. Я чувствовал лежавший во внутреннем кармане «Саймион и как туда попасть».

И "с", и алеф-один казались метафизическими Абсолютами. Существует ли только один Абсолют? Сколько конечных реальностей – Одна или Много?

Я заметил, что иду по Центральной улице к Темпд-Хилл. Бернко стоит на холме, сбегающем к узкому серому озеру. На вершине холма находится кладбище, под ним – город, под городом – колледж, под ним – тачальная школа, а под ней – воды.

Каким-то образом я умудрился заснуть на кладбище,

5. ДОНАЛЬД ДАК

После безумного сна с бесконечными подземельями я снова проснулся в парализованном теле. Я изо всех сил попытался крикнуть, лягнуть ногой или махнуть рукой.

Если бы я мог хотя бы хрюкнуть, хотя бы пошевелить пальцем.., но я не мог. Я сдался и расслабился.

Хотя шел довольно сильный дождь, мне было тепло и уютно. Мне стало интересно, не умираю ли я. Мои мысли снова потянулись к увиденному сну. Я выбрал совершенно произвольный, абсолютно не поддающийся описанию путь в лабиринте. Там было бесконечное множество выборов, ни один не был окончательным, но теперь я разделался с ними всеми. Каким-то образом я увидел во сне свой путь в обход алеф-нуля. Интересно, каково это было бы – достичь алеф-нуля, а затем продолжить путь все дальше и дальше через все уровни бесконечности и еще дальше, к недостижимой Абсолютной Бесконечности?

Но мне нужно было проснуться! Со сверхчеловеческим усилием я перекатился с боку на бок, и это помогло.

Я встал и неуверенно побрел прочь с кладбища, озираясь в надежде увидеть мавзолей из своего сна. Впереди его видно не было, поэтому я обернулся к буковому дереву.

Мое настоящее тело все еще лежало под деревом. Я снова был в своем астральном теле. Дождь падал прямо сквозь меня, а я этого не замечал. Некоторое время я колебался между страхом и любопытством. Я еще никогда раньше не отходил так далеко от своего физического тела. Я боялся, что оно умрет, и при этом мне было жутко интересно, на что мое астральное тело способно на открытом воздухе.

Я подпрыгнул над землей и не упал. Я мог летать!

Может быть, мне стоит смотаться домой, посмотреть, что делает Эйприл, примчаться обратно, разбудить свое тело, пойти домой и спросить Эйприл, прав ли я. Тогда бы я точно знал, насколько это все реально.

Но именно так ты и влип вчера, напомнил я себе. Я парил метрах в пяти над землей. Темнело, и я видел людей, возвращающихся пешком с работы. В большинстве домов горел свет. Тепло-желтые освещенные окна излучали домашний уют. Я подумал об Эйприл и Айрис, только и ждущих возможности любить и быть любимыми. Этому сумасшествию пора было закончиться.

Легким усилием воли я заставил свое астральное тело

подплыть к моей инертной плоти. Вялое тело лежало навзничь возле самого букового ствола. Дождь падал сквозь голые ветви и брызгами разбивался на жирном лице. К, счастью, голова была повернута набок, и вода не могла залить кривые ноздри и полуоткрытый рот. Тело выглядело совершенно непривлекательно, но я стал пытаться влезть в него обратно.

Мне никогда раньше не приходилось так долго оставаться снаружи. Мое астральное тело начало приобретать более округлую и удобную форму, которую трудно было совместить с моим старым скелетом. Пространство" занимаемое моей плотью, было на ощупь влажно-холодным и липким. Оно напоминало размороженную тушку индейки – массу пупырчатой кожи, похожих на щепки костей и скользких потрохов. Но Эйприл нуждалась во мне, и я натянул на себя эту тленную оболочку.

Я тогда все перепробовал. Я давил себе на веки – никакого эффекта. Я выждал несколько минут, а потом ударил по нервам разрядом накопленной энергии – бесполезно. Одну за другой я перепробовал все мышцы моего тела. Я попытался задержать дыхание, обмочиться, вызвать эрекцию. Ничто не срабатывало. Существовало только ритмичное сплетение автоматических телесных процессов. Похоже, у меня была нарколепсия.

Я резко отпрянул основа воспарил в своем восхитительно-послушном астральном теле. «Ну и черт с тобой, – подумал я, глядя на свое старое тело. – Выспишься – проснешься. А пока что…»

Я принялся испытывать способности моего астрального тела, которое, похоже, было сделано из какого-то зеленоватого светящегося желе. Эктоплазма. Я мог по своей воле менять размеры. То я возвышался над буком, то брел по трещине в его коре.

Моя светочувствительность в зависимости от желания перемещалась и вверх, и вниз по электромагнитному спектру. Стоило захотеть, и я смог бы видеть при свете шипящих брызг космических лучей.

Но это было еще не все. Я начал замечать вещи, которые не вписывались ни в одну физическую теорию, о которой я когда-либо слышал. Повсюду вокруг меня плыли по воздуху комки.., чего-то. Малюсенькие пузыри с булавочную головку и воздушные шары, которые просачивались сквозь окружающие меня предметы. Темные морщинки и глупое кивание больших пузырей напомнили мне картинки в детских книжках Айрис про доктора Севса.

Я решил называть их колобошками, как это делал добрый доктор Севе.

Рядом с кладбищем стоял дуговой фонарь, который теперь зажегся. Мелкие колобошки заструились из него, как пузырьки со дна фужера с шампанским. Вероятно, они имели какое-то отношение к энергии. Они были почти прозрачными и едва осязаемыми. Мне стало интересно, не улучшились ли мои мыслительные способности, и я переключил свое внимание на проблему континуума.

Мой разум, несомненно, был активнее, чем обычно. Я ©разу же представил себе три-четыре новых способа расположения множества из "с" точек в пространстве. Но мое воображение оказалось слишком живым для математического мышления. Мои идея зажили своей собственной жизнью и не хотели стоять на месте, чтобы я мог их как следует обдумать. У новых способов организации пространства отросли ноги, и они принялись гоняться друг за другом вокруг бука. Я решил отложить их рассмотрение до другого раза.

Эти мысли вызвали неприятное воспоминание: некоторое время назад я вообразил, будто продаю душу за решение проблемы континуума.

– Я это не всерьез, – прошептал я пустынному кладбищу. – Я ничего не подписывал. – Никакого ответа.

Мне захотелось немного полетать. Наилучшим вариантом показалось навестить Эйприл. Уже почти совсем стемнело, и колобошек стало заметно меньше. Я почему-то не боялся, что мое тело умрет. Но меня тревожило, что его может найти полиция и упрятать в тюрьму. Однажды это случилось со мной в студенческие годы. Я как раз допивал литровую бутылку бурбона, и было это в конце многонедельного запоя. Я был один. Занимался рассвет. Я сидел на ступеньках библиотеки и наблюдал, как становилось все теплее и все светлее. Пастельные тона плавно переходили в белый, и тут я побежал навстречу существу из света. Иисус. Мы уже долго разговаривали без слов, когда два копа стали грузить меня в воронок. «А где тот, другой парень?» – спросил я. Они переглянулись и ответили: «Он не пил».

В тот раз меня временно исключили из колледжа. Мне вообще-то было все равно. Но если полиция найдет меня сегодня, это уже будет другое дело. Даже если я не был пьян и не обкурился, вид у меня был именно такой. И я уже не был студентом. Я был двадцатисемилетним преподавателем, а в кармане моего плаща валялась пара старых бычков с марихуаной. Я по меньшей мере потерял бы работу, а по большей загремел бы в Аттику. Заявка Рокки на президентство обошлась штату Нью-Йорк в самое строгое антинаркотическое законодательство в

стране.

Уже стало по-настоящему темно, и я был далеко от дороги. Сегодня полиция меня не найдет. Я надеялся, что Дьявол во второй раз тоже не придет за мной. Я взмыл кверху прямо сквозь толстую ветвь бука. Она была полой, и я разглядел внутри пару прижавшихся друг к дружке белок. Меня соблазняла мысль, сжаться до беличьих размеров и остаться. Но я соскучился по Эйприл. Я взлетел высоко над деревьями. В двух кварталах был виден наш дом на Тунцовой улице. Я помчался к нему.

Пока я летел, я перестал обращать внимание на форму моего астрального тела, и оно приняло более удобные очертания. Я наискосок прошил крышу и приземлился в прихожей у зеркала.

Размером и формой я был похож гриб. Я взмыл к потолку и оттуда слышал, как Эйприл чистит пылесосом в детской. Там было ярко и жизнерадостно. Вокруг лампы висела гроздь желтых колобошек. Айрис сидела в своей кроватке, а Эйприл тянулась щеткой пылесоса к паутине под потолком. Она казалась такой красивой. Ее лицо стало ненапряженным, она улыбнулась, когда малышка издала какие-то звуки. Малышка меня видела.

«Ба, га ба», – сказала она, обнажая в улыбке десны и размахивая пухлыми ручонками в мою сторону.

Я подлетел поближе к Эйприл, а она откинула назад прядь волос и посмотрела сквозь меня. Здесь, в детской, все казалось таким правильным, таким разумным и добрым. Это было мое настоящее место, это был желанный моему сердцу мир. А не было ли какого-нибудь способа просто остаться здесь? Может быть, мне и в самом деле все это снится, а сам я дремлю на диване в гостиной? Я пожелал этого изо всех сил, очень отчетливо представив себе, как бы я выглядел, калачиком свернувшийся во сне, в этом неудобном, но таком устойчивом положении, на этих пурпурных подушках. Удерживая в воображении эту картину, я выплыл из дочкиной комнаты и направился по коридору в гостиную.

Когда я оказался в ней, кто-то юркнул из входной двери, захлопнув ее за собой. Встревоженная неожиданным звуком Эйприл вбежала в гостиную.

– Феликс? – вопросительно произнесла она. – Феликс? – Но ответа она не услышала.

Она открыла входную дверь и выглянула, но было явно слишком темно, чтобы она что-нибудь разглядела. Вернувшись, она вдруг издала тревожное восклицание и склонилась над столиком в прихожей. На нем лежала ее сумочка, и кто-то все из нее вытряхнул и очистил кошелек.

Паря бесформенной субстанцией под потолком, я наблюдал

за тем, как она сложила все обратно в сумочку, закурила сигарету и присела. Мне стало интересно, почему она не позвонила в полицию. Она выпустила сердитую струю дыма, посмотрела на часы и, схватив газету, увлеклась чтением. Кто же это выскочил из дома? Грабитель? Или у Эйприл был любовник? Я легко мог слетать и выяснить, но мне ужасна не хотелось покидать это место.

Спустя несколько минут Эйприл отложила газету, закурила новую сигарету и невидящим взглядом уставилась на темное окно. Вползла Айрис, улыбнулась мне и стянула со стола стопку журналов. Мое внимание привлек раскрывшийся свежий комикс, и я подлетел поближе, чтобы хорошенько рассмотреть его.

Неожиданно я уже иду по красивой улице в мире простых красок и целостных форм. Гладкий тротуар сияет безукоризненной чистотой, лужайка однотонного зеленого цвета обсыпана желтыми цветами, а мой белоснежный живот выглядывает из-под сине-черного матросского костюма.

Я поворачиваю голову и восхищаюсь тем, как мой хвост с аккуратно уложенными перышками виляет влево-вправо в такт моей деловитой походке. Моя синяя машина на больших надувных шинах стоит у тротуара. Я подбрасываю ключ высоко в воздух, а сам перепрыгиваю дверку и оказываюсь на своем месте. С довольным кряканьем я ловлю ключ рукой в перчатке.

Я плавно трогаю машину и сразу же припарковываю ее перед деньгохранилищем Дядюшки Скруджа. Я достаю из багажника чемодан, торопливо бормоча что-то писклявое, что я сам не могу разобрать. Что-то про яхту.

Дядюшка Скрудж сидит за своим письменным столом.

– Капитан Дак явился для прохождения службы, – отрапортовал я, изогнув клюв в длинной улыбке, Вокруг головы Скруджа появляется дымок, и он подпрыгивает в воздух.

– Давно пора, ты ленивый бездельник! – Он выхватывает карманные часы и сует их мне прямо в морду так, что я чуть не падаю. – Ты опоздал на два часа!

Мой соперник Мак-Скряга собирается обогнать нас в поисках сокровища Затерянной Пирамиды!

– Я лишь пытался закончить этот кроссворд, – объяснил я, доставая книжечку. – Вы, случайно, не знаете слово из восьми букв, начинается на "д" и означает умозаключение?

Скрудж разъярен больше обычного.

– Да, – дымится он, поднимая свою трость. – ДЕ-ДАК-ЦИЯ!

Он гонит меня из здания. В одной руке у меня книжка с кроссвордами, в другой – чемодан. Мои ноги сливаются в полупрозрачное круговое мелькание, а Скрудж несется по пятам.

Хьюи, Дьюи я Луи держат корабль наготове, и вскоре мы уже в открытом море.

Я тружусь над своими кроссвордами, мальчишки рыбачат, а Скрудж стоит у штурвала и разглядывает горизонт в подзорную трубу.

– А что это за слово из девяти букв, начинается на "д" и означает воздушное судно? – выкрикиваю я.

– ДИРИЖАБЛЬ! – вопят мальчишки.

Я продолжаю трудиться над кроссвордом, а над нашим кораблем зависает стратостат. Мак-Скряга высовывается, чтобы поддразнить Скруджа.

– В это время года на Юкатане прекрасная погода.

Скрудж выбегает на палубу с гарпунным ружьем и стреляет в дирижабль. Мак-Скряге приходится вылезти из кабины, чтобы залатать дыру.

– Пока! – кричит Скрудж, и мы уносимся прочь.

– А что это за слово из девяти букв на "д", означающее вкусные вещи? – спрашиваю я, подняв наконец глаза. Скрудж и три мальчика молча смотрят на меня поверх горы косоглазых рыбин. Я вспоминаю, что я не только капитан, но и кок, и принимаюсь за работу. Вскоре мы сидим откинувшись за столом, заваленным великолепными рыбьими скелетами.

– Деликатес, – замечаю я и достаю свою книжечку из поварского колпака.

На следующее утро мы увидели землю. Мы бросаем якорь невдалеке от берега, и мальчишки на веслах, под моим руководством, доставляют нас на сушу. Ради этой поездки я надел капитанскую фуражку, Скрудж сидит на корме шлюпки и беспокоится. Как только нос шлюпки уткнулся в песок, а мы вылезли из нее, из джунглей во весь опор примчался человек-пес.

– Мистер Мак-Дак, здесь нельзя оставаться, – говорит он и, не переводя духа, сталкивает шлюпку в воду.

– Постойте, – кричит Скрудж. – Вы нашли пирамиду?

Человек-пес не отвечает. Он уже гребет прочь. Из джунглей вылетает стрела и выбивает книжку с кроссвордами у меня из руки. С пальмы спрыгивает обезьяна, хватает книжку и удирает с ней. Я начинаю злиться и бросаюсь за ней в джунгли. Скрудж и мальчики рассматривают стрелу.

– Ацтекская, – говорит Скрудж и несется в джунгли за мной по пятам. Мальчики достают лупу и рассматривают стрелу повнимательнее. На стреле наклейка с надписью «Made in Japan».

– Подождите, – кричит Хьюи.

– Дядюшка, – кричит Дьюи.

– – Скрудж, – кричит Луи.

Тем временем Скрудж и я упорно стараемся заблудиться в джунглях. Наконец, мы присаживаемся отдохнуть у ручья, замаскированного хаотическим нагромождением лиан и корней.

– Океан должен быть в этой стороне, – говорит Скрудж, указывая вниз по течению.

– Но я слышу прибой вон в той стороне, – говорю я, показывая в противоположном направлении.

Скрудж склоняет голову набок и прислушивается. Наконец он придвигается ко мне близко-близко и шепчет:

– Это барабаны, Дональд. Ацтекские церемониальные барабаны.

И сразу же – БЛЮМП – нас накрывает сетью.

Тем временем мальчики нашли тропу и подкрались на расстояние полумили к Затерянной Пирамиде. Они залезают на высокое дерево и наблюдают за происходящим, а происходит какое-то торжественное празднество.

Пока они наблюдают, Скруджа и меня, связанных и извивающихся, несут вверх по ступеням пирамиды. На вершине за залитым кровью алтарем стоит верховный жрец.

По какой-то причине на нем темные очки и европейский деловой костюм.

– Что это за плаха? – шепчу я Дядюшке Скруджу. – Это не по правилам!

Но Скрудж потерял свои очки и не видит ни шиша.

Я пытаюсь рассказать ему про жреца, стоящего там с обсидиановым ножом в вытянутых руках, но Скрудж просто шикает на меня.

– Мак-Скряга спасет нас, – уверенно говорит он. – Мальчики приведут его к нам. Дирижабля еще не видно, Дональд?

Помощники жреца кладут нас на землю за алтарем.

Подо мной что-то вроде сливного отверстия. Я не могу сказать ни слова, потому что жрец одной рукой сдавил мою шею. Своим каменным ножом он вскрывает меня так ловко и спокойно, как другой вскрыл бы письмо. Я не могу на это смотреть. Мне почему-то не больно. Когда я в конце концов открываю глаза, я вижу свое высоко поднятое сердце, пульсирующее в лучах заходящего солнца.

Меня хватают грубые руки и сбрасывают с тыльной стороны пирамиды. Я, как мячик, прыгаю со ступеньки на ступеньку, пока не замираю в папоротниках у подножия.

Я лежу на спине и не могу пошевелиться.

Мои остекленевшие глаза прикованы к темнеющим небесам. Мне интересно, что со мной будет дальше. У меня никогда не было знакомых среди мертвецов. На фоне тусклого неба темнеет

силуэт. Это дирижабль Мак-Скряги. Мальчики как-то сумели подать ему сигнал, и "теперь они на борту, «Ацтеки» в ужасе разбегаются, а Скруджа на веревке втягивают в кабину.

Я в последний раз слышу милые голоса мальчишек.

Почему я никогда не говорил им, что любил их? «Где Дядюшка Дональд? – спрашивают они. – Мы видели. как он исчез за этим алтарем».

– Я не видел, – говорит Скрудж. – Но не стоит беспокоиться об этом пройдохе. Он объявится.

Дирижабль дрейфует прочь, и их голоса затихают.

Начинается обычный для джунглей ночной дождь, а я лежу на сырой земле в сгущающейся тьме.

6. ИИСУС И ДЬЯВОЛ

Прошло некоторое время. Медленно-медленно я припомнил, что я не Дональд Дак. Но осознание этого не внесло никаких изменений в то, что происходило вокруг.

Было темно и шел дождь. Я обострил свои чувства и осмотрелся. Рядом со мной возвышался кипарис, виднелись надгробия и свежая могила, похожая на кучу грязи.

Я вновь оказался на кладбище Темпл-Хилл.

Рывком я поднялся и обернулся. Я все еще был в своем полупрозрачном зеленом астральном теле. Я высмотрел бук, возле которого оставил свою плоть, и направился к нему, твердо решив оставаться рядом с ним, пока не проснусь или пока не придет полиция и не заберет его.

Бук изгибался надо мной словно арка, а его ветви были похожи на пальцы утопленника. Мое тело исчезло.

Я просканировал окрестности, до предела напрягая свое могучее восприятие. Но единственным необычным объектом, который я заметил, было зеленоватое свечение, приближавшееся ко мне с другого конца кладбища. Сначала я принял это за еще одного колобошку, но неожиданно свечение рвануло ко мне. Я сжался в плотный шар, и оно обволокло меня. Это было единственное, что я мог сделать, чтобы не раствориться. Эта штука, этот призрак окружал меня со всех сторон, сжимал, толкал, ощупывал завитками эктоплазмы.

Я все еще был единым целым, и все же я находился внутри другого астрального существа, плавно бултыхаясь в нем, как зародыш в матке. Я попытался нащупать какие-нибудь признаки разума и стал вылавливать психические вибрации. Слепое горе, недоуменное одиночество, безотчетный страх. Крупным планом – улыбающееся мужское лицо. Белые занавески. Ритмические приступы боли, яркий блеск полированной стали, перекрывающая горло сладость. Визжащий желтый череп, приближающийся с каждой схваткой.

Я попытался припомнить, кто в Бернко умер за последние несколько недель. Вдруг я вспомнил, как Эйприл рассказывала мне о женщине, недавно умершей в родах.

Ее звали Кэти Как-то Там. Должно быть, это ее призрак.

Как только я пытался немного распрямиться, щупальца снова охватывали меня. Мы приближались к той свежей могиле. Я чувствовал страстное желание призрака устроиться со мной в гробу, как в гнездышке.

– Пойдем, малыш, – ворковал он. – Пора бай-бай.

Я решил, что мне пора сделать свой ход. В том месте, где это окружавшее меня создание было тоньше всего, я выбросил ложноножку и перетек по ней на землю. Став на ноги, я принял образ человекоподобного существа с красными глазами и большими черными крыльями. Я знал, каким пугающим может быть это видение.

Призрак, словно пчелиный рой, снова приближался ко мне. Я раскатал крылья вперед, вытянул сложенные горстью руки и издал ужасающий вопль. Призрак что-то пролепетал и убежал в свою могилу.

Я на минуту испытал чувство покоя. Сквозь меня мягко веял ночной бриз. Дождь перестал. Луна плыла среди клочковатых облаков, как древнеегипетская ладья мертвых. Что это за звук я издал? Какой-то визг, переходящий в пронзительный смех, а затем соскальзывающий в кашляющее ворчание. Очень эффективно. Но мне стало жаль призрака, напуганного мною. Надо было попытаться поговорить с ней, вернуть ей рассудок. Она была вроде тонущего пловца, хватающегося за меня среди глубин, а я повел себя с ней, как смертельная угроза.

Я услышал позади какой-то звук и успел переместить лицо на затылок как раз вовремя, чтобы увидеть Дьявола, плавно заходящего на посадку. Черные крылья расправлены, красные глаза пристально смотрят на меня. Я напрягся, готовясь бежать.

– Стой, где стоишь, Рэймен, – скрипучим голосом сказал Дьявол. – От меня не убежишь. – Он медленно оглядел меня и снова заговорил с нарастающим гневом:

– Изображаешь Дьявола. Покидаешь свое тело.

Пытаешься толкнуть свою душу на черном рынке. Развлекаешься психокинетическими опытами над детишками там, на лестнице. Орешь на людей. Ты думаешь, ты лучше всех и для тебя правила не писаны?

Я робко попытался протестовать, но он лишь страшно улыбнулся и впился когтистой рукой в мое плечо.

– Ты отправишься в ад, Феликс, – сказал Дьявол, придав своему голосу насмешливую легкость. – Ты отправишься в ад прямо сейчас.

– Погоди, – судорожно выдохнул я. – Так нельзя.

Я еще не умер.

– Если ты не умер, то где же твое тело? – словно выплюнул Дьявол. Он щелкнул пальцами, и перед нами в земле разверзлась щель. Далеко внизу я разглядел языки пламени и терзаемые души, извивающиеся, словно кучи червей. До нас вместе с нагретым воздухом донеслись вопли и легкое зловоние.

Только Бог мог помочь мае сейчас. В отчаянии я взмолился:

– Дорогой Иисус Христос.., пожалуйста, спаси мою ничтожную задницу. – Я потянулся к Богу той серединной точкой моего сознания, которая иногда могла до него достать. – Дорогой, милый Иисус, вытащи меня из этого.

Дьявол ослабил свою хватку и подошел к расщелине.

– Давай сюда, Феликс, – сказал он мягко. – Пошли. Иисус не собирается отвечать тебе.

Я продолжал молиться, все больше и больше растворяясь, все меньше и меньше находясь там. Я сконцентрировал все свое внимание на этой центральной точке, изъяне, источнике, особенности, затаившемся страхе, крике, узле, яйце, никогда мной не виденном.., я вложил туда всю свою энергию и вытолкнул ее. Все стало белым, и в послесвечении я увидел Иисуса, говорящего мне.

– Я здесь, Феликс, – сказал Иисус. – Я позабочусь о тебе.

Я открыл глаза. Дьявол стоял у разверстой им пропасти с сердитым, но смущенным видом. Рядом со иной был Иисус. Как и Дьявол, он явился в облике, который я всегда воображал себе. У него были длинные волосы, борода, сандалии и коричневый хитон. Я не мог встретиться с ним взглядом.

Наступила долгая тишина. Луна вышла из-за туч, Я йог бы пересчитать все жилки на листве у моих ног.

– Он не мертв, – сказал Иисус Дьяволу. – Ты сам это знаешь.

Я облегченно вздохнул, потому что я в сам уже не был уверен.

– Где мое тело? – спросил я напряженным шепотом. Иисус и Дьявол многозначительно переглянулись, но ни один не ответил.

– Мы с тобой еще увидимся, Рэймен, – внезапно прорычал Дьявол. – Твоя задница принадлежит мне.

Он спрыгнул в расщелину. Вверх взметнулся язык пламени, и земля снова соединилась.

Я повернулся к Иисусу. Я весь дрожал, и у меня начали прорываться рыдания. Он положил руку мне на плечо, и силы стали вливаться в меня, как живая вода.

– Теперь назад дороги нет, – тихо сказал он. – Ты будешь восходить на гору Он, и я хочу, чтобы ты взял с собой Кэти, ту женщину, что умерла в родах. Ты теперь за нее в ответе.

Я несколько раз кивнул:

– Конечно, Иисус. Безусловно. Но о каких горах ты говоришь? И как насчет моего тела?

Иисус улыбнулся. Я наконец-то набрался мужества взглянуть в его глаза, исполненные ужасающего покоя.

– Твое тело.., у друзей. Гора Он находится в Саймионе. Она бесконечна, Абсолютно Бесконечна, но ты дойдешь до конца. – Он

снял руку с моего плеча и повернулся, чтобы уйти, потом задержался, глядя на могилу, в которую от меня скрылся призрак. – Кэти нужен кто-то, кто помог бы ей оставить Землю. Проследи, чтобы она не вернулась с тобой назад. Для твоего же и для ее блага.

Он пошел прочь.

Я, спотыкаясь, бросился за ним. Мне нужно было задать так много вопросов.

– А что мне делать потом? – крикнул я ему. – Что мне делать всю оставшуюся жизнь?

– Просто не забывать обо мне, – донесся ответ. – Я всегда здесь.

И он исчез.

Мои мысли обратились к Абсолютной Бесконечности. Это было побольше, чем алеф-нуль, больше, чем алеф" один.., больше любого вообразимого уровня. От меня ожидалось, что я отправлюсь в Саймион и залезу на гору высотой с Абсолютную Бесконечность. Я пожалел, что со мной нет той брошюры, найденной у Солнечного Рыба.

Кто мне подсунул ее? Может быть. Дьявол, желая снова выманить меня из моего тела?

Гора Он! Я догадался, что на вершине должен находиться Бог. Мне не терпелось отправиться в путь. Может быть, мне удастся по пути решить проблему континуума. Но сперва мне надо было подружиться с этим сумасшедшим призраком. Внезапно помрачнев, я поплыл к ее могиле. Мне совершенно не хотелось спускаться в этот гроб. Но я сурово сказал себе, что Иисусу, вероятно, тоже не особенно хотелось именно сейчас навещать Бернко.

А он сделал это спокойно и с любовью.

Я постепенно вызвал в себе чувство любви к людям.

Эта бедная женщина.., умерла в родах, сошла с ума от шока. Я зажал себе нос, уменьшился до размеров куклы и нырнул в землю.

Как только я проник в гроб, призрак с криком набросился на меня. Я снова превратил себя в сферу, и ее хищно сжимающиеся щупальца соскользнули с меня. Пока истеричная тень трудилась надо мной, я немного огляделся. Мне было довольно хорошо видно в неравномерно мерцающем «свете» космических лучей.

Гроб был выстелен простеганной тканью, мягкой на ощупь. Безусловно, одна из самых дорогих моделей. Тело было не в таком плохом состоянии, как я опасался. Оно было хорошо набальзамировано и испускало едва заметное инфракрасное излучение, вызванное разложением.

Конечно, плоть во всех местах как бы промялась складками, губы оттянулись назад, а глаза.., ну…

Я перестал осматриваться. Призрак на мгновение кончил царапаться. Я вылепил себе рот и произнес – Кэти, Кэти, Кэти. Расслабься. Я здесь, чтобы помочь тебе.

Призрак замер, и я повторил свое сообщение:

– Я – Феликс, – добавил я. – Феликс Рэймен.

– Доктор, скоро я смогу пойти домой? – спросила она странно звонким голосом. Она снова влезла в свое тело. Я кинулся в наступление.

– Я возьму тебя туда, где живет Бог, – сказал я. – На вершину большой горы.

– Почему вы так говорите, – простонала она. – Принесите мне моего ребенка. Почему я до сих пор не видела своего ребенка?

– Твой ребенок дома, – сказал я. – Твой ребенок в порядке.

– Так я могу уже пойти домой? – снова спросила она.

– Ты умерла, – глухо ответил я. – Твой дом теперь рядом с Богом, и я должен отвести тебя к нему.

– Кто сказал, что ты должен? – спросила она более нормальным голосом. – Я хочу остаться здесь.

– Послушай, сам Иисус велел мне доставить тебя.

Можешь считать меня ангелом Господним.

– Ты – не ангел. У тебя были черные крылья. У ангелов белые крылья.

– Я сожалею, что я так поступил, – сказал я, – Я тебя испугался. Я – просто человек. Но ты-то теперь должна знать, где находишься, если ты помнишь черные крылья.

– Вот если хочешь знать, что я думаю, – практичным тоном произнесла она, – так это самый дурной сон в моей жизни. Я тут лежу и жду, когда смогу проснуться.

– Это не сон, – коротко ответил я. Зажатый в этом гробу, я начинал страдать от сенсорного голода.

Вокруг плясали причудливые, ни к чему не относящиеся образы. Какой-то крокодил орал на меня в мегафон, а я в это время ласкал ковер из нагих грудей. Мне ни за что не хотелось снова соскользнуть в сон. И все еще было не по себе из-за несчастного Дональда Дака. – Пошли, Кэти, – торопил я. – Давай поднимемся и глотнем свежего воздуха.

Я молнией вылетел на поверхность и принял свой основной вид обнаженного Феликса Рэймена. Луна висела над горизонтом, и небо было чистым. Я прикинул, что уже около четырех часов утра. Нерешительно приблизилась Кэти. Как и прежде, у нее была аморфная форма.., пузырь с несколькими щупальцами.

– Тебе нравится мой гроб? – спросила она, использовав

изогнутую морщину вместо рта. – Он розовый, а внутри красный атлас.

– Смотрится он дорого, – вымолвил я наконец.

– Он и стоил дорого. Я наблюдала, как его покупали.

Фрэнк хотел простой сосновый ящик. А отец настоял, чтобы был самый лучший из их ассортимента. В похоронном бюро даже не оказалось готового такого. – Она издала звук, который можно было принять за смех. – Им даже пришлось задержать похороны на три дня, чтобы успеть доставить гроб с фабрики. Фрэнк просто бесился из-за этого.

Мне нравился ее голос. Услышав про ее отца и мужа, я вдруг застеснялся своей наготы. Я скромно втянул пенис и мошонку в туловище.

– Как ты это сделал? – с интересом спросила Кэти. – И куда делись твои крылья?

– Я могу принять любую форму, какую захочу. Ты, наверное, тоже. Попробуй!

У нее изо рта высунулись длинные клыки с каплями яда на концах, а двумя огромными крабьими клешнями она потянулась ко мне. Я попятился.

– Хватит! Перестань изображать чудовище.

– А почему бы и нет? – спросила она. – Я же призрак.

– А тебе никогда не приходилось слышать истории, в которых призраки – прекрасные дамы в белом? – Я показал на соседний памятник, увенчанный женской статуей. У нее был римский нос и длинные волосы, ниспадающие на соски твердых грудей. – Как насчет чего-нибудь в этом роде?

– Если я мертва, я покончила со своим статусом объекта сексуальных притязаний. На этот раз я сама выберу себе форму. – Она втянула клешни обратно и некоторое время парила в задумчивости.

Затем она начала меняться. Сначала она сжалась в компактную массу. Затем из нее выдвинулись четыре языка. Два удлинились и стали плоскими, один стал коротким и заостренным, а один – коротким и клиновидным. Ее эктоплазма перетекала, отливая мелкие детали, пока наконец я не увидел, какую же форму она выбрала.

– Чайка, – сказала она, склонив голову набок и уставившись на меня ярко-зеленым глазом. – Совсем, как в той замечательной книжке.

– Я не читал эту книгу, – сказал я. Мне было душно, и я чувствовал себя глупо в своем выхолощенном теле. Я вернулся к грибовидной форме, которую использовал раньше. Я сделал себе полуметровый рост и рот в виде щели на верхушке. – Наверное, я

побуду этим, – пропищал я.

– Пенисом? – весело воскликнула Кэти. – Сначала он у тебя исчезает, а теперь это все, что осталось!

Она со смехом взлетела. Я капитулировал и вернул себе некастрированный облик Феликса Рэймена.

7. ДА ПОМОГУТ ВАМ МЕРТВЫЕ

Несколько минут спустя Кэти прилетела обратно и уселась на ветке передо мной.

– Здорово было, – сказала она. – Я еще никогда не забиралась так далеко от Своего гроба. Хорошо, что ты заглянул, чтобы убедить меня, что я умерла. Пока я думала, что это сон, я хотела оставаться рядом с телом, чтобы заботиться о нем.

– Но теперь ты готова двинуться в путь?

– Наверное. Что ты там говорил насчет встречи с Богом? Я что-то не уверена, что мне этого хочется. Он всю меня вберет, и ничего не останется. – Она расправила одно крыло и стала его рассматривать. – Не знаю, почему бы мне не попутешествовать немножко самой. Я даже ни разу не была в Нью-Йорке.

– Да брось ты, – сказал я. – Нам предстоит забраться на гору, которая выше всех бесконечных чисел.

Я уже прикинул, как за это взяться.

– Звучит, как математика. Ненавижу математику.

Ты, случайно, не преподавал в колледже?

Я кивнул, потом спросил:

– А ты чем занималась?

– Я изучала американскую литературу. Я прочитала все, что когда-либо написал Джек Керуак. И я даже ни разу не выезжала из северной части штата Нью-Йорк.

– А что твой муж?

– Он занимается строительством. Кухни, ванные, реконструкции. Еще он охотится, но никогда не берет меня с собой в отпуск. А как ты умер?

– Я не думаю, что я на самом деле умер. Иисус сказал, что мое тело где-то ждет меня.

Кэти хрипло рассмеялась:

– Вот это здорово. Ты тут выступаешь, будто ты мне старший брат или вроде того, а сам даже не смирился с собственной смертью.

Мне совершенно не хотелось обсуждать эту тему. Я боялся, что она убедит меня.

– Забудем об этом. Сейчас у нас другие проблемы.

Веришь или нет в мои объяснения, но я должен быть рядом с тобой и помочь тебе добраться к Богу. Но тебе хочется посмотреть на Землю. Отлично. Отправимся в путешествие и посмотрим все, что тебе захочется. А потом отправимся за Предел. О'кей?

– Видно будет.

Мне стало интересно, как она выглядела при жизни.

Наверное, она была довольно хорошенькой, если такое упрямство сходило ей с рук.

– Давай начнем с Нью-Йорка, – сказала она, перелетая на ветку повыше. – Как мы туда попадем?

– Поднимемся на пару миль и полетим на восток.

Когда долетим до побережья, будем двигаться вдоль него на юг.

Солнце как раз всходило, и небо было прекрасно.

Множество колобошек всех цветов радуги деловито двигались вдоль изгибов искривленного пространства. Было весело и радостно лететь среди них к сияющему солнцу.

Для того чтобы лететь, я просто тянул себя вперед какой-то частью своего сознания. Это было похоже на то, как если бы во мне – от макушки до кончика большого пальца на ноге – было натянуто невидимое волокно. Напрягая те или иные части позвоночника, я мог наращивать скорость сколько угодно. Ослабив напряжение, я просто продолжал скользить в пространстве с той же скоростью, не испытывая никакого сопротивления. Кэти без труда поспевала за мной. Ее крылья не служили никакой практической цели, и она редко утруждала себя взмахами. Сначала мы гнали, но потом стабилизировались на нескольких сотнях миль в час. Я перестал тревожиться о том, что будет дальше, и наслаждался полетом.

Достигнув побережья, мы повернули направо.

Вскоре мы увидели дым и сверкание стекол большого города. Я пытался распознать башни-близнецы Центра всемирной торговли, но не мог их найти. Потом мы оказались над городом, который выглядел совсем не так, как должен был выглядеть. Манхэттен – это остров, а этот город стоял на реке, пересекавшей его.

– Где Пятая авеню и Виллидж? – осведомилась Кэти.

– Что-то здесь не так.

Мы медленно дрейфовали к высокому стеклянному зданию с несколькими недостающими окнами. Тут до меня дошло.

– Это – Бостон.

– Ничего страшного, – отозвалась Кэти. – Тут я тоже еще не бывала. Где здесь приличные магазины?

– Только не говори мне, что ты хочешь посмотреть на наряды. Если ты думаешь, что я собираюсь таскаться по десяткам…

– А тебя никто не заставляет, – перебила она. – Мы можем разделиться, а потом встретимся на верхушке этого здания.

Я заметил поблизости башню с часами. Было около девяти утра.

– Давай встретимся в полдень, – предложил я. – Все большие

магазины тут рядом, а в Кембридже много такого, что тебе наверняка понравится.

Я указал ей на Массачусетский технологический институт и Гарвардский университет, и мы разделились.

Я влетел в Бостонский музей изобразительных искусств, рассчитывая полюбоваться Моне. Сначала картины выглядели не так, как надо – пятнисто. Я видел слишком много ультрафиолета. После того как я подсократил свое зрение до нормальной человеческой чувствительности, картины стали выглядеть так же красиво, как всегда, но, разглядывая их, я вдруг потерял терпение. Мне показалось напрасной тратой времени заниматься, находясь в астральном теле, обычными туристскими делами.

Мне стало любопытно, почему я не видел других призраков. Зато повсюду были колобошки. Может, это опасно – быть привидением? Я вздрогнул от страха, когда мимо меня, кивая, проплыл очередной колобошка. Я принялся носиться по залам музея в поисках какого-нибудь призрака.

Я нашел одного в зале с греческими мраморными изваяниями. Он изображал традиционную летающую простыню, и я сперва принял его за еще одного колобошку.

Но светло-зеленое свечение выдало его.

– Вверх или вниз? – спросил он, когда я приблизился. – Вверх или вниз?

– Привет, – сказал я. – Меня зовут Феликс.

– Без разницы, как тебя зовут. Вверх или вниз?

Я не совсем понял, чего он хочет, но попытался ответить:

– Ну, сначала я вернусь в центр города, а потом рассчитываю подняться в Саймион. До конца.

– На это никого не хватает. Вверх или вниз. Вверх или вниз. – Он принялся дрейфовать к выходу, но я пристроился за ним.

– А других ты много видел? – спросил я. – Других призраков – много?

– Да сотни. Тысячи. Вверх или вниз.

– Что-то заставляет их уходить? Как вышло, что ты остался?

Мы уже были на ступенях музея. Тощий студент прошел прямо сквозь меня. Старый призрак неприятно хихикнул.

– Вы все думаете, что подниметесь до конца. Но это совсем не просто. Ты пугаешься и начинаешь цепляться за это место. А потом тебя сцапают. – Он вытянул вялую руку с двумя похожими на пальцы отростками.

Знак Дурного Глаза.

– Ты хочешь сказать, что Дьявол ловит…

– Тс-с! – перебил меня старый призрак, нервно озираясь. – Серого помянешь, а серый… – Ничего не произошло, и мой

собеседник снова ожил. – Я проторчал тут пятьдесят лет.

– Как тебе это удается? Ты много молишься?

– Сосунки пускай молятся, – презрительно сказало привидение. – Я не направляюсь наверх, и я не направляюсь вниз. Я веду себя тихо и скромно, и он… – снова имитация рожек, – ..он не тратит время на поиски меня.

Он ловит тех, кто гоняется за известностью. – Привидение замолкло и неодобрительно посмотрело на меня. – Как ты светишься, так… – Ему не было нужды договаривать.

– Ну, я отправляюсь наверх сегодня, – повторил я.

У меня вдруг возникла параноидальная убежденность, что этот призрак служит Дьяволу наводчиком.

– А откуда вы стартуете? – спросил он, как бы нарочно подтверждая мои подозрения.

– Тебя не касается.

– Вот так и надо. Пора научиться играть без риска. – В голос привидения вкралась умоляющая нотка. – Почему бы тебе не забыть этот вздор насчет Саймиона и не остаться здесь со мной? Я показал бы тебе все ниточки…

– Может быть, в другой раз. Все равно спасибо.

Удаляясь от него, я слышал, как старый призрак бормочет: «Вверх или вниз. Вверх или вниз».

До встречи с Кэти мне нужно было как-то убить еще около часа. После разговора с привидением нервы были вздернуты. Интересно, сколько мы еще сможем тут продержаться? Все-таки нам лучше, наверное, двигаться дальше.

Я вернулся назад в центральную часть города и стал носиться взад-вперед по улицам, полным колобошек. Там и сям я замечал старые потрепанные привидения, а один раз свеженький призрак бросился ко мне, словно за помощью. Я побоялся, что это ловушка, и скрылся от него, просочившись в многоквартирный дом. Я по диагонали пересек этот дом, пронизывая полы и потолки. На верхнем этаже я попал в ванную комнату, где женщина как раз собиралась принять душ. У нее были длинные, с медным отливом, волосы, широкие бедра и налитые груди. Ей было за тридцать пять, и ее тело казалось на вид мягким и разношенным. Я уменьшился и последовал за ней в душевую кабинку. Пока она мылась, я осмотрел ее со всех сторон и наконец устроился у нее между колен.

Оттуда я уставился вверх – на ее лобок, на волосы, с которых стекала вода, на большие и малые изгибы. Она терла себя намыленной рукой, и я напряг всю свою волю, чтобы заставить ее не прекращать это занятие. Похоже, она почувствовала мои похотливые вибрации. Она прислонилась спиной к стене и стала

пользоваться обеими руками. Повинуясь внезапному наитию, я принял ее форму и втиснулся в ее тело. Когда она кончила, я как будто и сам кончил. Потом она принялась намыливать шампунем голову. Я покинул ее через потолок. В течение следующего часа я умудрился найти еще несколько привлекательных женщин в постели или в ванной. Давлением своей бестелесной воли я сумел двух из них заставить – мастурбировать, а сам нежился в их возбужденной плоти.

Определенно привидение могло влиять на человеческое поведение. Я мог легко представить себя в роли профессионального инкубуса.

В полдень я ждал Кэти на верхушке Административной башни. Прошло полчаса, час, а она все не появлялась. Может быть, она решила улизнуть от меня? А может быть, она просто потеряла счет времени.

Я пролетел над Кембриджем, задержался немного, чтобы полюбоваться многогранными колобошками, лившимися потоком из корпусов МТИ, а затем принялся прочесывать улицы, высматривая зеленую чайку в толпе людей и колобошек.

Ничего.

Я решил попробовать иначе. Я поднялся на несколько сот футов и сконцентрировался на том, какими были голос и вибрации Кэти. Я заблокировал свою чувствительность ко всем иным импульсам и просканировал Кембридж. По-прежнему ничего. Настроившись исключительно на волну Кэти, я носился туда и обратно над Бостоном.

А потом я услышал что-то вроде сдавленного вопля.

Запеленговав это ощущение, я проследил его до фасада магазинчика в Южном Бостоне. В витрине красовалась написанная от руки вывеска: "Мадам Жанна Делакруа.

Излечение души, психическая хирургия. Тайные любовные проблемы. Да помогут вам мертвые!"

Большое окно позади витрины было завешено грязно-кремовой портьерой. Можно было разглядеть, где соскоблили надпись «Продукция Джанелли». Вдоль одного тротуара стояли потрепанного вида машины. В полуквартале оттуда находились бар и винный магазин. На замусоренном пустыре между баром и мадам Жанной несколько худых чернокожих мужчин пили вино на скамейке, которую они сделали, вытащив заднее сиденье из автомашины. Солнце лилось на них потоком.

Кэти определенно находилась внутри заведения мадам Жанны. Я теперь отлично чувствовал ее вибрации.

Она была в отчаянии, чувствовала себя пойманной в западню. Я попытался связаться с ней, но она слишком паниковала, чтобы

услышать меня. Я зашел на пустырь и осторожно просунул голову сквозь стену мадам Жанны.

Крупная негритянка в пурпурном балахоне и грязном розовом тюрбане сидела за карточным столиком спиной ко мне. У нее на шее висели в несколько рядов четки, а на столике перед ней лежал черный петух с вырванным горлом. Кровь петуха была собрана в миску. Было что-то очень привлекательное в этой теплой крови. Я испытывал сильное желание искупаться в ней.

Я чувствовал, что Кэти заперта в круглой коробке, стоявшей на столе. Она была украшена христианской символикой. Я догадался, что это дароносица, украденная из какой-нибудь церкви. Она явно не могла из нее выбраться. Мне, а возможно, и мадам Жанне, вся комната казалась наполненной неистовыми звуками, издаваемыми трепещущей Кэти.

Напротив мадам Жанны за столиком сидела стройная молодая негритянка с вяло повисшим на ее руках ребенком – мальчиком примерно лет трех. По его виду можно было предположить, что он находится в коме или кататоническом ступоре. Дышал он ровно, и глаза были открыты, но все мышцы были расслаблены.

– Я владею необходимым драйвером души для твоего перворожденного сына, – произнесла мадам Жанна с сильным островным акцентом. – Возложи его на алтарь Ваала.

Молодая женщина положила сына на карточный столик, который прогнулся под весом, но устоял. Мадам Жанна готовилась вложить душу Кэти в тело мальчика. Она обмакнула длинный шелковый шнур в петушиную кровь.

При помощи пары пластмассовых палочек для еды она заправила один конец шнура в левую ноздрю мальчика, протолкнула его в носоглотку, а затем вывела обратно через рот и прикрепила концы шнура к противоположным местам на рамке круглого двустороннего зеркала.

Напевая что-то немелодичное, мадам Жанна зажгла свечу между дароносицей и головой мальчика, затем, держа оба конца шнура, подняла зеркало над свечой. Растянув шнур в две тугие горизонтальные линии по обе стороны зеркала, она начала перекатывать его между пальцами.

Зеркало завертелось. Отражение свечи заплясало внутри вращающегося зеркала, как светлячок в стеклянном шаре.

Предполагалось, что Кэти влетит в зеркало и будет навсегда поглощена телом маленького мальчика. Почему-то я не сомневался, что это получится. У мадам Жанны был такой вид, будто она знала, что делает. Мне явно нужно было что-то предпринять.

Я был уверен, что мадам Жанна увидит меня, но она пока еще не смотрела в мою сторону. Я буду прятаться до того критического момента, когда она откроет дароносицу.

Мадам Жанна снова обратилась к молодой мамаше:

– Ты займешься кристаллом излучения, сестра. – Она передала ей зеркало. – Делай то же, что делала я, или что-нибудь в этом роде.

Молодая женщина принялась раскручивать зеркало над пламенем свечи. Я целиком вошел в комнату и притаился за спиной мадам Жанны.

Теперь она медленно раскачивалась и бормотала:

– Аминь. Веки во слава и сила и царство есть твое ибо. Лукавого от… – Она читала «Отче наш» задом наперед. Я уменьшился и метнулся из-за ее спины, спрятавшись в пламени свечи.

– Небеси на еси иже, наш Отче, – завершила она и потянулась, чтобы открыть дароносицу. Зеркало над свечой непрерывно вращалось. Невозможно было не смотреть на него, оно притягивало к себе. Я беззвучно взмолился о помощи.

Когда дароносица открылась, было мгновение, в течение которого ошеломленная Кэти не могла двинуться с места. Я быстро вылепил из себя стену между ней и зеркалом.

«Уходим, Кэти, уходим».

Она начала двигаться сквозь меня, но тут мадам Жанна меня заметила и завизжала. Я тут же вытянул в ее сторону устрашающие когти, чтобы ее визг стал еще громче.

Этот шум удивил женщину, державшую зеркало. Вращение прервалось, а влажный шнурок выскользнул из пальцев. Зеркало упало на столик и разбилось. Кэти летала вокруг пламени свечи, как мотылек. Я все время пытался говорить с ней, но до нее ничего не доходило.

Мадам Жанна все еще визжала, но теперь это уже были слова:

– Черный отец, ха, я говорю тебе, о да, я говорю, наездник моря, наипревосходнейший цветок, будь со своей слугой, ха, у алтаря, о да, я жрица ночи…

Я увидел, как рядом с ней что-то начинает материализовываться. Она тоже это увидела и завопила еще громче и еще быстрее:

– Я желаю этого, о да, великий, приходящий в жилище свое…

Очертания становились четче, как фотоснимок, проявляющийся в ванночке с реактивом. Кэти застряла в пламени свечи. Я окружил ее собой и потянул.

– Фрэнк? – еле проговорила она. – Мне уже можно домой?

– Кэти! – взорвался я. – Дьявол идет. Лети прямо вверх!

И тут он возник рядом с мадам Жанной. Он наклонился, чтобы понюхать миску с кровью, а потом заметил меня. Его толстые губы медленно раздвинулись.

– Кэти, за мной, – пронзительно крикнул я и ракетой взмыл к потолку. Я не оглядывался и долгое время мчался без остановки.

8. СКОРОСТЬ СВЕТА

Кэти догнала меня где-то на краю земной атмосферы.

Когда я услышал, что она зовет меня, я остановился.

Я был напряжен и готов продолжить бегство. Женственная чайка уселась мне на плечо. Я взглянул вниз сквозь мили пустого пространства под моими ногами. Ничего, кроме колобошек, тянущихся друг за другом вдоль невидимых силовых линий. Видимо, Дьявол не стал утруждать себя погоней за нами.

– Я туда не вернусь, Кэти.

Она едва уловимо вздрогнула.

– Что будет с этим несчастным мальчуганом?

– Мадам Жанна найдет другую душу. Или его мать найдет другого доктора. Не знаю. – Она отвлекла меня от мысли. – Мы не вернемся на Землю, – сказал я твердо.

– Мне не следовало ей доверять, – тихо сказала Кэти.

– Кому?

– Она была желтой. Желтым колокольчиком, а у ее голоса было эхо. Я встретила ее в Кембридже, и мы полетели в Южный Бостон вместе. Она хотела показать мне, где она живет. – Голос Кэти доносился откуда-то издалека. – Она привела меня к мадам Жанне, а потом они перерезали петуху горло. Мне так хотелось пить…

Я перебил ее:

– Я не видел никакого желтого духа у мадам Жанны.

– Она живет внутри мадам Жанны. Она сказала, что для призрака гораздо безопаснее находиться в живом человеке.

Я рассказал ей про разговор в музее.

– Похоже, – заключил я, – что, если ты дух, тебе положено покидать Землю и лететь на Саймион.

– Как?

– Саймион находится в алеф-нуль милях от Земли.

Алеф-нуль – это первое бесконечное число. Это совсем как раз-два-три-.., алеф-нуль. Это многоточие означает «всегда».

– И как же мы собираемся пролететь это «всегда»? – нетерпеливо спросила Кэти. – Как бы быстро мы ни летели, мы не сможем улететь бесконечно далеко от Земли.

– Мы будем непрерывно ускоряться. Первый миллиард миль мы пролетим за два часа. Следующий – за час. На третий миллиард миль потребуется полчаса. На каждый последующий миллиард миль будет требоваться вдвое меньше времени, чем на предыдущий. Мы можем пролететь алеф-нуль миллиардов миль за 2 + 1 + 1/2 + 1/4 +.., часов. В сумме это составит четыре

часа.

– Я думала, никто не может лететь быстрее света, – попыталась озадачить меня Кэти.

– И мы не полетим. Мы будем только непрерывно ускоряться до скорости света.

– Как же тогда получается, что мы полетим настолько быстрее?

– Это из-за релятивистского растяжения времени.

Об этом не тревожься.

Кэти сомневалась.

– Через четыре часа мы будем бесконечно далеко от Земли? Километровый столб алеф-нуль?

Я кивнул.

Кэти устроилась у меня на спине и распростерла крылья. Ее тело трепетало, как натянутый лук. Я вытянул перед собой руки, подражая Супермену. Мы придавили газ и рванули в направлении центра Галактики.

Первая часть путешествия была скучной. Хотя мы непрерывно наращивали ускорение, нам все же потребовался час на то, чтобы выйти за пределы Солнечной системы. А потом было полтора часа пустоты до следующей звезды.

Спустя три часа стало интереснее. Объективно мы летели со скоростью, равной 0,7 скорости света. Из-за наших искаженных стандартов времени и длины казалось, что наша скорость втрое выше этой. Начали проявляться странные релятивистские эффекты.

Казалось, что мы выглядываем из пещеры. Повсюду позади и вокруг нас было мертвое абсолютное ничто, называемое в теории относительности «Где-то-в-другом-месте».

Каким-то образом все звезды умудрились разместить свои изображения впереди нас. Мы еще ускорились.

Путешествие в тысячу световых лет по Галактике заняло всего полчаса. Но каких полчаса. Я смотрел из нашего конуса скорости на обширный диск из звезд, лежащий впереди. Большинство звезд жались к краям. Медленно одна из звезд отделялась от сгустка у края и, увеличивая скорость, мчалась по гиперболической орбите к центру, потом – ЗЗУМ – она стремительно мчалась мимо нас и по дуге возвращалась на свое место у края нашего поля зрения.

В мелькании пролетающих мимо звезд был свой ритм, и я начал улавливать его. Это напоминало слушание стука вагонных колес. Я не обращал внимание ни на что, кроме налетающих на нас световых импульсов. Я поднажал, чтобы это мелькание стало еще чаще.

В сгустках мелькавших мимо нас звезд тоже был свой ритм…

Когда ускорение еще возросло, я начал замечать ритмы второго и третьего порядка. Вдруг звезды замерли. Мы вырвались из Галактики.

Наше поле зрения сузилось настолько, что мне показалось, будто я выглядываю из бойницы. Со всех сторон была тьма, и я познал страх. Вместо спины у меня был сгусток боли, но я заставлял себя ускоряться все сильнее.

Чтобы бойница становилась все уже и уже.

Несколько сплюснутых дисков света вывалились из бесконечности и прошелестели мимо. Потом все больше и больше их стало пролетать мимо, они летели, изгибаясь. Галактики. Я чувствовал себя мошкой в снегопад.

Нам пришлось пролететь некоторые галактики насквозь.

Внутри было веселенькое смазанное мелькание. Мы двигались слишком быстро, чтобы успевать разглядеть отдельные звезды, проносящиеся мимо.

Мы давили сильнее и сильнее. Теперь мы попадали в новую галактику каждые несколько секунд, и, как и раньше, я начал угадывать ритмы более высокого порядка в этих стробоскопических вспышках.

С этого момента больше ничего нельзя было разглядеть – мерцающие вспышки, которые нарастали и нарастали, превращаясь в почти непрерывное свечение, потом частота резко падала и снова начинала нарастать. В конце каждого цикла мы достигали все более высокого уровня группировки, а свет становился ярче.

Я уже чувствовал себя на зазубренной грани изнеможения. Вспышки света вызывали в моем сознании какие-то остроконечные ландшафты. Ясность восприятия быстро меркла по мере того, как я, не отрываясь, смотрел на все более и более закручивающееся воронкой мелькание света перед собой. Я попытался ускорить его еще больше. Рисунок из световых пятен еще имел какую-то глубину, но я заметил, что чем сильнее я давлю на газ, тем мельче и двухмернее становилась разворачивающаяся передо мной сцена. Я сосредоточился на том, чтобы сделать ее совсем плоской.

Появилось ощущение, что энергия движения больше не проистекала от меня или Кэти. Это было похоже на то, как если бы я наподобие турбины самолета засасывал в себя встречный свет, только чуть-чуть смещая перспективу, чтобы заставить нас двигаться еще быстрее.

– Давай же, Кэти, – крикнул я покоробленным, растянутым голосом. – Чуть-чуть осталось. Один мощный рывок!

Последним усилием мы превратили вселенную в единое

ослепительное световое пятно. Я перестал давить, и пятно развернулось в плоский вертикальный пейзаж. Бесконечная полуплоскость. Нижний край представлял собой море, а верхний – бесконечную гору. Это напоминало гигантскую картину, напоминало Брейгелево «Падение Икара». Мы врезались в этот пейзаж, как скворец в рекламный щит. И приземлились на зеленом склоне холма. Земля была мягкой, и когда мы ударились о нее, ©на хихикнула. Шлеп. Гли-гли-гли-хи-хи.

Мое тело стало твердым. Я сел. Кэти соскочила с моей спины и неуклюже перепорхнула на землю в нескольких футах от меня. Теперь ей необходимы были крылья. В непрерывно дующем бризе чувствовался привкус соли. Вдалеке была видна поблескивающая полоса синей воды. Море. А это колючее пятно – залив?

Было в здешней перспективе что-то забавное. Море будто бы понижалось, удаляясь от нас. Как будто оно было продолжением склона, на котором мы оказались.

Я повернулся и посмотрел назад, наполовину ожидая увидеть черную пустоту. Но вместо этого там была гора.

Гора Он. Зеленые и желтые долины громоздились одна на другую, уходя в небеса. Там и сям в траве лежали огромные валуны. Еще выше скальные породы проступали сквозь зелень долин, которые становились все круче и круче. Я всмотрелся ввысь. Далеко-далеко я рассмотрел зубчатые пики, такие острые, что на них больно было смотреть. Они громоздились один поверх другого. Гора бесконечно тянулась в сияющее синее небо.

Слева и справа было еще море, еще холмы и еще гора.

Общая перспектива была очень странной. Казалось, что весь ландшафт был плоским, а все эти пики и скалы – лишь иллюзия. И только сила тяжести тащила все к морю.

Выше по склону, в миле от нас, я заметил здание.

Оно напоминало эти огромные старинные отели-санатории Европы. Разглядывая его, я улавливал все больше и больше деталей. Террасы, балконы, крашеные оконные переплеты и побеленные стены. Что-то в верхних этажах казалось необычным. Как будто их там было слишком много. То же самое я заметил в рисунке скал, травы и горного склона позади него. Стоило пристально посмотреть на то или иное место, как тут же начинали проявляться все новые и новые подробности.

– Пойдем посмотрим на тот отель, – предложил я Кэти. Она не отрываясь смотрела вниз по склону на далекое море, и мне пришлось повторить свои слова, чтобы привлечь ее внимание.

– Чайки в горы не ходят, Феликс, – мягко ответила она. – Мой путь лежит туда, вниз. Я это чувствую… – Ее голос угас в шепоте, которого я не разобрал.

Я снова прокрутил в памяти разговор с Иисусом.

Неужели прошло всего двенадцать часов? Я пообещал спасти Кэти, привести ее сюда с Земли. Я собирался взойти на Гору Он. Требовалось ли от меня тащить ее с собой?

Я погрузился в мысли и вскоре нашел ответ. Избежавши Дьявола, ты все же должен был найти свой путь к Богу. Но путей много. Я протянул к Кэти руку, она вспорхнула и села на нее. У нее были сильные лапы, а острые когти вонзились в меня. Я прижал ее к груди, погладил перья и почувствовал быстрый стук ее сердца.

– Я буду скучать по тебе, – произнес я наконец. Я собрался сказать что-то еще, но только издал какое-то бульканье и замолк.

Она потерлась клювом о мое плечо.

– Мы встретимся снова, – сказала она нежно. – За морем, за горой.., мы встретимся снова. Спасибо тебе, Феликс. Не забывай меня.

Я поднял ее вверх, и она полетела, сначала неуклюже, а потом все грациознее и грациознее. Она сделала круг и подлетела ко мне, приспустила крылья в салюте, описала надо мной круг и мощно полетела к морю. Я наблюдал за уменьшающимся пятнышком, пока оно не слилось вдали с синей дымкой. Я остался совсем один.

ЧАСТЬ 2

«Действительная бесконечность в ее высшей форме создала и поддерживает нас, а в своей вторичной, безграничной. форме встречается повсюду вокруг и даже обитает в нашем сознании».

Георг Кантор

9. ОТЕЛЬ ГИЛБЕРТА

Я попробовал долететь до отеля, но обнаружил, что здесь для полета нужны крылья. Обходя крупные валуны, я зашагал по лугам, плавно поднимающимся к нему.

Я был наг.

Трава в лугах была короткой и упругой. Было приятно ступать по ней босыми ногами. С момента приземления я не слышал больше ни одного смешка и решил, что земля все-таки не живая. Все напоминало какую-нибудь альпийскую долину на Земле, разве что солнца не было видно. Свет шел отовсюду.

Я заметил на лугу извилистую ложбинку и подошел к ней. Как я и надеялся, там оказался узенький ручеек. Я опустился на колени и напился. Вода была чистой и такой холодной, что я почувствовал весь ее путь до желудка. 1 де-то там, выше, наверняка были ледники.

Я с трудом взбирался на становящийся все более крутым склон где-то около часа, но к отелю нисколько не приблизился. Воздух был совершенно чист. Я обернулся.

Мы приземлились в нескольких тысячах футов над уровнем моря, но Кэти наверняка уже была на месте. Ей повезло, что она обзавелась крыльями.

Я снова озадаченно задумался над тем, почему ландшафт казался таким плоским. По ощущениям склон становился все круче, но по виду он лежал вровень с окружающей поверхностью. Я прошагал еще полчаса. Отель нисколько не стал ближе. Я присел отдохнуть, жадно всасывая в легкие разреженный воздух.

Вокруг меня в траве росли крохотные желтые цветочки.

Я нагнулся, чтобы получше рассмотреть один из них. Сначала он показался похожим на простую пятиконечную звезду. Но потом я разглядел, что на каждом лучике звезды находилась звездочка поменьше. Я всмотрелся пристальнее.

На кончике каждого луча вторичной звездочки было по еще меньшей звездочке, увенчанной еще более крохотными звездочками, на которых… Вдруг как вспышка высветила мне весь этот бесконечно регрессирующий рисунок.

Трепеща от возбуждения, я поднял перед глазами травинку. Где-то на половине ее длины травинка раздваивалась на травиночки. В свою очередь, каждая травиночка ветвилась и снова ветвилась, и снова, и снова. Мой разум моментально ухватил всю эту бесконечную структуру. Неудивительно, что трава была такой упругой.

Я новыми глазами посмотрел на окружающий пейзаж. Мы с

Кэти пролетели мимо алеф-нуля. Здесь бесконечность была не менее реальна, чем торт, запущенный в лицо. И тело, которым я располагал, было достаточно оснащено, чтобы справиться с этим. Я мысленно вернулся обратно к умственному выверту, позволившему мне разглядеть бесконечную сложность цветка и травы. Может быть…

– Ля, – сказал я. – Ля, ля, ля… – Я снова проделал это со своим сознанием и позволил голосу слиться в комариный писк. Через несколько секунд я закончил произносить «ля» алеф-нуль раз.

Затем я попробовал сосчитать все натуральные числа, но застрял, пытаясь произнести 21787623411089972012365012312468785 7. Я решил воспользоваться более простой системой и начал сначала.

– Один. Один плюс один. Один плюс один плюс один… – Через минуту я закончил. Я досчитал до алефнуля.

Я критично взглянул на расстояние между мной и отелем. Я заострил свое зрение и принялся считать валуны, точками усыпавшие долину. Можно было не сомневаться – мне предстояло пройти мимо алеф-нуля валунов. Ничего удивительного, что я не почувствовал приближения к цели. Пройди я мимо еще десяти или мимо еще тысячи валунов, их все равно оставалось бы впереди алеф-нуль штук.

Но мой язык сумел назвать алеф-нуль вещей, когда Я считал вслух. Почему бы и моим ногам не суметь сделать то же самое? Я встал и побежал. И снова нужно было сделать головой какой-то фокус, который позволил бы мне все время прибавлять скорость. Бесконечная энергия, необходимая мне, чтобы двигаться быстрее и быстрее, вливалась в меня из окружающего ландшафта. У меня появилось ощущение, будто гора притягивает меня к себе, что воздух расступается, чтобы пропустить меня, что земля ступеньками укладывается мне под ноги, создавая дополнительную опору.

Минута до следующего валуна, полминуты до следующего за ним, четверть минуты до третьего… Спустя две минуты я, чуть-чуть запыхавшись, стоял на площадке перед отелем. Это оказалось похоже на путешествие сюда с Земли, но без релятивистских искажений. Я находился в мире, где земная физика не действовала.

Отель был построен из камня. Наружные стены покрывала грубая кремового цвета штукатурка, а оконные переплеты были выкрашены темно-красной краской. Хотя отель был всего двести футов в высоту, он имел бесконечное множество этажей. Трюк заключался в том, что верхние этажи становились все ниже и

ниже. Каждый следующий слой комнат был сплющен как раз настолько, что занимал лишь одну двадцатую оставшейся части высоты отеля – таким образом, всегда оставалось место еще для девятнадцати этажей.

Разумеется, у здания не было крыши. Она и не требовалась, поскольку каждый этаж был защищен от непогоды находящимися выше этажами. Я внимательно посмотрел на щелочки верхних окон и подивился, как может кто-нибудь пользоваться комнатой с потолком на расстоянии одного дюйма от пола. Я уж не говорю о комнате с таким низким потолком, что электрону пришлось бы пригнуться, чтобы войти в нее.

Лужайки позади отеля были на виду, и я разглядел несколько групп гуляющих. Приподнятая терраса с рестораном примыкала к отелю сбоку, и там сидело несколько постояльцев. Лишь немногие из них были людьми.

Я пробрался вдоль по дорожке к входу в отель. На территории отеля было высажено несколько деревьев и кустов. Все они бесконечно ветвились, превращаясь в фантастическое сплетение мельчайших деталей. Я сдуру засунул руку в один куст, а потом несколько минут выпутывался из него. Со скамейки за мной безучастно наблюдала огромная медуза. Сдержанно кивнув, я поспешно миновал ее.

К моему облегчению, число ступеней, ведущих в гостиницу, было конечным. Вестибюль был тускло освещенным и просторным, но не чересчур. Я подошел к стойке администратора и выпалил вековечный вопрос «Где я?» Я заговорил слишком громко, и несколько постояльцев, слонявшихся по вестибюлю, прервали беседу и прислушались.

По виду администратор был человеком, хотя пышная черная борода и скрывала большую часть его лица. Одетый по моде 1900-х годов, он пристально смотрел на меня сквозь очки в золотой оправе с маленькими овальными стеклами.

– А как вы думаете, где вы? – Авторучка в его руке зависла над листком бумаги, будто он собирался записать мой ответ.

– Это – это небо?

Администратор сделал короткую запись.

– Обычно мы называем это место Изнанкой. Изнанкой Саймиона.

Последнее слово эхом зазвенело в моих ушах. Я все-таки сделал это. Эх, если бы я повнимательнее прочитал ту брошюру.

– Как же новичок вроде вас сумел попасть сюда? – перебил мои мысли администратор.

– Я летел.

Похоже, это произвело на него впечатление.

– По своей воле? Неплохо, совсем неплохо. Я полагаю, вы хотите взобраться на Гору Он?

– Ну, не сразу… – начал было я. По какой-то причине это вызвало у него довольную улыбку. Я оставил ее без внимания. – Как называется этот отель?

– Отель Гилберта.

При виде наряда администратора в моей памяти что-то шевельнулось, а когда я услышал название отеля, я вспомнил свой сон на кладбище. Дэвид Гилберт. В своих популярных лекциях он часто говорил об отеле с количеством номеров алеф-нуль. Отель Гилберта.

В наплыве эмоций я наклонился к администратору:

– Он здесь?

– Профессор Гилберт? Вы сможете увидеть его попозже, за чаем.., если найдете себе какую-нибудь одежду.

До меня только сейчас дошло, что я наг, а все остальные – одеты. И я вдруг ощутил давление множества взглядов, которых мой вид забавлял. Повинуясь оборонительному рефлексу, я сжал ягодицы вместе.

– У меня нет с собой багажа, и вообще…

Я услышал позади какой-то скрип и скрежет и обернулся, прикрыв одной рукой гениталии. Жук ростом с человека, раскачиваясь, быстро приближался ко мне по ковру. Две его передние лапы были высоко подняты, и он ими размахивал. С его жала капала какая-то струящаяся жидкость. С воплем я перескочил через стойку администратора.

Жук дошел до стойки и поднялся перед ней во весь рост. Два фасетчатых глаза внимательно разглядывали меня, в то время как на поверхности стойки собиралась лужица пугающего вида слюны насекомого.

– Сделайте что-нибудь, – сдавленным голосом попросил я администратора.

Он лишь хмыкнул и отошел в сторону, чтобы жуку было лучше меня видно. Тот постоянно обмакивал свои передние лапы в слюну и сплетал ее в крепкие серебристые пряди. Неожиданно жук потерял равновесие и с грохотом упал спиной на пол, утянув за собой клубок загустевшей слюны. Я не видел его, но отчетливо слышал активное пощелкивание его лап.

Я осторожно перегнулся через стойку, чтобы посмотреть, чем это существо занято. Все его восемь – а может, шесть – лап суетились вокруг серебристого комка слюноволокна. По его виду можно было предположить, что он прядет что-то вроде кокона – возможно, чтобы засунуть меня в него и превратить в корм для своих личинок.

– Знаете ли, вам следует поблагодарить его, шепнул мне администратор. – Его зовут Франкс.

– Поблагодарить его за что?

– За костюм, который он для вас делает, – прошипел администратор.

И тут жук закончил свое занятие. После нескольких секунд отчаянного барахтанья и раскачивания он перевернулся со спины на ноги. Прощебетав что-то, он рас" стелил серебристый спортивный костюм на полу.

Я перелез через стойку обратно и нырнул в шелковистую одежду. Она была точно по мне и застегнулась спереди, стоило мне дотронуться до нее. На костюме даже были карманы.

Я чопорно поклонился и сказал:

– Благодарю вас, Франкс. Если когда-нибудь я смогу чем-нибудь…

Снова раздался скрип, и я напрягся, пытаясь понять его. На самом деле, это была человеческая речь, витиеватая английская речь, только сильно ускоренная. Послушав всего минуту, я уже чувствовал себя так, будто его рассказ мне давно знаком. Кто-то… «какой-то находящийся во мраке невежества ксенофоб».., швырнул в него яблоком. Оно застряло в его спине и начало гнить. Он расправил свои броневые надкрылья-доспехи, чтобы показать мне это место. Не мог бы я вычерпать гниющее яблоко и плоть?

– Ну, наверное, – неуверенно произнес я. – Если бы у меня была ложка…

Франкс поспешно пересек вестибюль и подошел к женщине в черно-белом, сшитом у портного шелковом костюме, которая попивала кофе из маленькой чашечки.

Она с омерзением отпрянула от него, а он схватил со стоявшего перед ней столика ее чашку. По дороге он подцепил со стойки газету и поспешно вернулся ко мне.

Мне ничего не оставалось, как выскрести пораженный участок на обширной спине насекомого. Я вываливал дурно пахнущие комки на расстеленную Франксом газету, еле сдерживая рвоту. У меня создалось впечатление, что я производил на постояльцев нехорошее впечатление, и испытал облегчение, когда операция была завершена.

Во время операции гигантский таракан стоически хранил молчание. Потом он медленно повернулся, чтобы рассмотреть кучу грязи на газетке. По-прежнему не издав ни звука, он опустил голову и принялся поедать ее.

Я отвернулся. Администратор пристально смотрел на меня, его глаза и борода ничего не выражали.

– Вы добрый человек, мистер…

– Рэймен, – сказал я. – Феликс Рэймен. Вы можете дать мне комнату? Я очень устал.

– Мест нет.

– Этого не может быть, – запротестовал я. – У вас бесконечное множество комнат.

– Да, – сказал администратор, и в глубине его бороды сверкнули зубы. – Но у нас также бесконечное множество постояльцев. По одному в номере. Как мы можем разместить вас?

Вопрос не был риторическим. Он опять снял колпачок с ручки, чтобы записать мой ответ. Тут мне припомнился Ион Тихий из рассказов Станислава Лема, и ответ был найден.

– Переселите жильца из номера 1 в номер 2. Жильца из номера 2 в номер 3. И так далее. Каждый постоялец выезжает из своего номера и перебирается в следующий по порядку. Номер 1 останется пустым. Вы можете поселить меня туда.

Администратор что-то быстро записал в своем блокноте.

– Прекрасно, мистер Рэймен. Распишитесь, пожалуйста, в журнале регистрации, а я пока все организую… – Он вручил мне тонкую, в кожаной обложке, книгу и, отвернувшись, заговорил в микрофон.

Я листал журнал, замечая тут и там известные имена среди незнакомых каракуль. Я нашел пустую страницу и расписался на ней. Любопытствуя, сколько страниц осталось до конца, я попытался перелистать их все.

Скоро стало ясно, что в книге бесконечное множество страниц. Я включил ускорение и пролистал алеф-нуль страниц. И все равно там оставалось еще много. Я отлистал еще алеф-нуль страниц, и еще алеф-нуль. И все-таки оставалось еще очень много страниц.

Я начал ухватывать страницы пачками, листая все быстрее и быстрее… Меня остановил подошедший и закрывший книгу администратор.

– В таком темпе вы никогда не дойдете до конца. В ней алеф-одна страница.

За моей спиной Франкс, гигантский таракан, закончил свою скромную трапезу. Я посмотрел на него с отвращением. Он ел свою гнилую плоть.

– Ну-ну, не надо, – сказал он, прочитав выражение на моем лице. – В доме отца моего много чертогов, а?

Каннибализм выражает, в конечном итоге, глубочайшее уважение к поедаемому, если так можно выразиться… будь он даже мой покорный слуга – я сам. – Он визгливо рассмеялся, довольный собственным красноречием, и, наклонившись,

вылизал последние капли жижи.

Прежде чем мне удалось украдкой уйти, он снова заговорил:

– Вы уже получили право на проводника? Нет? Удачи вам. Теперь найти проводника не так уж невозможно, логически это не исключается, вы понимаете, но вероятность.., я полагаю, вы понимаете теорию вероятностей?

Мне ужасно хотелось от него отделаться. Его громкая цветистая речь привлекла внимание всего лобби.

– Я математик, – резко сказал я.

– Математик! Это же просто восхитительно! А позвольте поинтересоваться вашей специализацией?

– Я очень устал. – Я отступил от него на шаг. – Может быть, позже.

– Может быть, позже будет слишком поздно, – воскликнул жук, занимая позицию между мной и лифтами. – Имеется нулевая вероятность найти проводника.

Как математик, вы это должны понимать. Не невозможно, но нулевая вероятность. И тем не менее вы хотите взобраться на Гору Он. У меня такие же устремления.

Какую команду мы составим! Франкс и Феликс! – Он выкрикнул наши имена так, что все в вестибюле слышали. Я застонал, но он продолжал свою болтовню:

– Феликс и Франкс. Я – поэт, Феликс, провидец, царь-философ. А вы – вы добрый самаритянин, математик и более того. Гораздо, гораздо более того, но уж по меньшей мере математик, специализирующийся на.., на…

Он не собирался останавливаться, пока я не скажу ему.

– Теория множеств, – устало произнес я. – Бесконечные числа. – Я уже пожалел, что принял этот спортивный костюм.

Жук высоко воздел свои передние лапы и пародийно изобразил мусульманское приветствие.

– Мои молитвы услышаны, – сказал он. – Иди с миром, сын мой. Не плати никому злом за зло. Крепко держись за того, кто…

С застывшей на лице кривой усмешкой я прошагал к лифтам.

10. ЧТО ТАКОЕ МОЛОКО?

Лифтом управляла крупная креветка в голубой ливрее с латунными пуговицами. По крайней мере с виду это было похоже на креветку. Состоящий из сегментов хвост аккуратно подвернут, а сама креветка сидела в узорчатом ведерке, полном чего-то, напоминающего консоме.

Вместо кнопок в лифте был горизонтально расположенный рычаг, который креветка могла перемещать взад-вперед своими усиками-антеннами.

Мне все еще было любопытно, как люди помещались в этих низеньких комнатах в верхней части отеля, и я решил спросить.

– Я живу в первом номере… – начал я.

Меня перебил скрипучий голос креветки:

– Только не говорите этого коридорным! Из-за вас им пришлось всех переселять! – Он – это был он – повернул ко мне голову и посмотрел черным глазом-бусиной. – Ваш костюм похож на тараканью слюну, – заметил он через некоторое время. Лифт все еще не двинулся с места.

Мне стало довольно обидно. Я-то был уверен, что выгляжу шикарно.

– Как насчет прокатить меня наверх? – поинтересовался я.

– Без проблем, приятель.

В лифте была стеклянная дверь, и я смотрел на то, как мимо мелькают бесчисленные этажи.

– Почему потолок не становится ниже? – спросил я через некоторое время.

– Я почем знаю? – проскрипела креветка.

Мы неслись вверх все быстрее, и мне приходилось все время как бы переключать скорости в своем умственном механизме, чтобы уследить за мелькающими этажами. На многих из них я видел людей и какие-то существа – движущиеся существа – всевозможного вида. Нельзя быть чересчур разборчивым, если надо заселить алеф-нуль комнат. Но потолок, похоже, так и оставался на расстоянии десяти футов от пола.

– Наверное, имеется какой-то искажатель пространства, – полувопросительно сказал я креветке. – Что-то, заставляющее все уменьшаться в размерах при движении вверх.

– А что же будет на самом верху? – понимающе проверещала креветка. – Мы превратимся в Блонди и Дагвуда?

Я медленно покачал головой. Непохоже было, что мы когда-нибудь достигнем верха. У отеля не было ни крыши, ни последнего этажа. Интересно, что бы увидел человек, прыгнувший

с парашютом над отелем? Я вспомнил, как моя рука застряла в бесконечно ветвящемся кусте перед отелем…

Вдруг все почернело. Я слышал, как где-то рядом смешливо фыркает креветка:

– Это самый верх, профессор. Не желаете ли выйти?

Я принялся шарить вокруг, но не мог нащупать стенок лифта. Что же исчезло – стенки или мое тело?

– Где мы? – По крайней мере голос у меня еще был.

– А как вы думаете, где мы?

– Ни.., нигде.

– Снова угадали, – весело пискнула креветка.

Я ощутил сильный толчок, и вновь появился свет, а мы помчались обратно вниз мимо алеф-нуля этажей отеля Гилберта.

Я был потрясен, и меня раздражала грубость креветки. Последней каплей было, когда он пощекотал мне ухо своим острым усом.

– Ты бы мне понравился гораздо больше, будь ты зажарен на вертеле с грибами и луком, – рявкнул я.

Остаток пути мы проехали в тишине.

Я вышел на этаже, расположенном над вестибюлем, и быстро нашел свою комнату. В ней были кровать, застеленная стеганым пуховым одеялом и муслиновым покрывалом, уютного вида кресло, элегантный письменный стол орехового дерева и умывальник. На полу лежал красно-синий восточный ковер, а на стенах висело несколько картин.

Я захлопнул за собой дверь и подошел к окну, выходящему на гору. Насколько я мог видеть, крутые луговые склоны простирались вверх, перемежаясь регулярными каменными поясами. Считая каменные полоски, я смог увидеть множество бесконечных отрезков. Бесконечное множество бесконечных отрезков и бесконечное множество бесконечных отрезков бесконечных отрезков. Карабкаться туда, пожалуй, потруднее, чем добраться до отеля.

Я прилег на кровать отдохнуть. Почти сразу же я провалился в сон без сновидений.

Через неопределенный промежуток времени я проснулся, как от толчка. Я был весь в поту, мысли путались. Звонил телефон, и я поднял трубку. Я услышал вежливый голос администратора:

– Профессор Гилберт пьет чай на террасе с несколькими коллегами. Может быть, вы пожелаете присоединиться. Стол номер 6270891.

Я поблагодарил его и повесил трубку. На террасу можно было пройти только через вестибюль. Я заметил сидящего на потолке Франкса и поспешил пройти мимо, пока он меня не увидел.

Снаружи терраса выглядела вполне обычно со своей расположенной концентрическими окружностями полусотней столиков. Но теперь, находясь на террасе, я увидел, что все уменьшается в размерах по мере приближения к центру.., как оказалось, вокруг центра террасы размещалось алеф-нуль колец из столов.

Уже десятое от наружного края кольцо столиков выглядело набором игрушечной мебели, а жестикулирующие при разговоре посетители – заводными куклами.

Чтобы найти Гилберта, мне нужно было углубиться примерно на сотню тысяч рядов. К счастью, к центру вел свободный проход, так что я мог бежать.

Точно так же как в лифте, пространство искажалось, но его воздействия я не ощущал. Добравшись до столиков кукольного размера, я и сам стал размером с куклу, и все вокруг казалось нормальной величины. Я мчался по направлению к середине террасы, разглядывая странные существа, мимо которых я проносился.

За одним столиком резинового вида морковки поедали рагу из кролика. Я видел группу жидких созданий в ведрах, соединенных между собой соломинками для коктейля. Пучки перьев, клубки покрытых слизью щупальцев, облачка разноцветного газа. Я видел двух жаб, по очереди целиком заглатывающих друг друга. Одни существа представляли собой сгустки света, другие были похожи на листы бумаги. Некоторые замерли, уставившись в пустоту, но большинство было увлечено оживленной беседой. Очень многие чертили во время разговора какие-то узоры на скатерти, очевидно, чтобы облегчить взаимопонимание. Хотя мне судить было не по чему, они показались мне ужасно неуклюжей и несимпатичной толпой. Официанты со свистом проносились туда-сюда на роликовых коньках, доставляя тарелку за тарелкой из кухни, расположенной где-то в центре террасы.

На каждом столике стояла карточка с номером, и когда я достиг шестого миллиона, я немного сбавил скорость. Там было так много, так много созданий. Бесконечное повторение индивидуальных жизней начало действовать на меня подавляюще, малозначительность каждого из нас в отдельности ошеломляла. Мое зрение утратило четкость, и все существа на террасе начали сливаться в одно уродливое чудище. Я потерял равновесие и поскользнулся, сбив с ноги официанта.

Он был похож на гриб с трехлопастным пропеллером на верхушке, а на его толстую единственную ногу был надет роликовый конек. Он балансировал на пропеллере тарелкой с

извивающимися червями, которые, складываясь пополам и распрямляясь, принялись расползаться во всех направлениях сразу. Гриб сердито зашипел и стал собирать разбросанные деликатесы, пока они не удрали.

Я извинился и продолжил свой путь, припоминая при этом, как выглядел Гилберт. Довольно скоро я заметил трех мужчин, сидевших за одним из столиков. Двое были в костюмах, а один без пиджака. С легким потрясением я осознал, что смотрю на Георга Кантора, Дэвида Гилберта и Альберта Эйнштейна. Один стул за их столиком пустовал. Я поспешил подойти, представился и попросил разрешения присоединиться.

Гилберт и Эйнштейн были поглощены оживленной и бесконечно сложной дискуссией и просто взглянули на меня. Но Кантор указал на свободный стул и налил мне чашку чаю.

– Я занимался теорией множеств, – сказал я ему, усевшись. – Меня интересует проблема континуума.

Он молча кивнул. Он был одет в серый костюм и белую рубашку со стоячим воротничком. Его взгляд был каким-то затравленным и несчастным. Он прихлебывал чай из чашки, смотрел на меня и молчал.

– Вы, наверное, очень счастливы оттого, что находитесь здесь со всеми этими бесконечностями, – немного льстиво сказал я.

– Я знал, что все будет именно так, – наконец вымолвил он.

– Наверное, подъем довольно долог? – сказал я, показав рукой на Гору Он.

– Это только начало второго класса чисел. За ней расположены все алефы. А за ними – Абсолют, Абсолютная Бесконечность, где.., где… – Он замолчал и уставился в небо.

Я молча ждал, когда Кантор завершит свое предложение. Тем временем Гилберт закончил разговор с Эйнштейном, и оба расхохотались. Он поднялся, чтобы уйти, и слегка кивнул мне.

– Мне нужно исполнить некоторые обязанности. Надеюсь, ваше пребывание здесь будет плодотворным в научном плане.

А потом Гилберт поспешил к возвышающемуся над нами отелю, становясь все больше и больше по мере удаления от центра террасы.

От замечания Гилберта о науке мне стало неуютно.

За последний год я пришел к болезненному пониманию того, что все, чего я мог бы когда-либо достичь в математике или физике, никогда и близко не сравнится по своему значению с работами Кантора, Гилберта или Эйнштейна.

Но я попытался сделать умный вид и снова обратился к Кантору:

– Здесь, наверное, проще заниматься математикой, потому

что вы можете привлекать бесконечные доказательства. Взять, к примеру, теорию чисел…

– Вот вы и возьмите, – с неожиданной злостью ответил он. – Светила теории чисел брезгают применять мои бесконечности в качестве истинных чисел. Почему меня должны интересовать их близорукие несуразности?

Я решил сменить тему:

– Ну, эти.., существа.., здесь, наверное, серьезно относятся к бесконечности. Наверное, проводятся семинары и…

Кантор отмахнулся.

– Это туристический отель. Они живут в городах-свалках на Лицевой стороне и совершенно довольны полной конечностью всего. Время от времени они прибывают сюда по туннелю или морем. Большинство из них даже не знают, на что они смотрят. – Он взмахнул правой рукой. Рука оторвалась и улетела, кувыркаясь, высоко в небо. – Считайте, что меня нет, – сказал Кантор, вставая. – Но в гости заходите. Вы можете пригодиться. Я живу с одной дамой на Лицевой стороне неподалеку от алеф-первого туннеля. – Он взмахнул левой рукой. Она тоже оторвалась и со свистом унеслась в небо, как удачно брошенная деталь головоломки. Он весь напрягся, словно собираясь подтянуться на перекладине, затем вдруг превратился в шар белого света и ракетой взмыл вверх.

Я с минуту смотрел ему вслед. Наверное, этот фокус позволял достичь более высоких бесконечностей. Я осторожно потянул себя за руку, чтобы проверить, не оторвется ли она.

– У него исключительная техника, – сказал Эйнштейн, прервав мои мысли. Я почти забыл, что он тоже был там, и повернулся посмотреть на него. Лицо Эйнштейна так знакомо по фотографиям, что, сидя в действительности рядом с ним, я испытал сильнейшее чувство реальности. Его глубоко сидящие глаза словно смотрели сквозь меня. – Но вы сами тоже исключение, – сказал он через минуту. – Вы попали сюда, не умерев. Вы не были на Свалке. – Он жестом указал на понижающееся вдали море. – Я видел, как вы приземлились. Вы и чайка.

– Вообще-то это была женщина, – объяснил я. – Просто ей нравится выглядеть чайкой.

– Необыкновенно и исключительно, – повторил Эйнштейн. – Большинство душ прибывают на другую сторону… Лицевую. И у них нет возможности выбирать себе форму. Скажите, как вам это удалось?

– Я каким-то образом покинул свое тело. Я видел Иисуса, и он велел мне явиться сюда. Поскольку это бесконечно далеко, я

использовал релятивистское замедление времени.

Эйнштейн кивнул.

– Это могло произвести эффект, если бы продолжалось неопределенно долго.

– Какой эффект? – спросил я, отхлебнув наконец свой чай.

– Превращения в компонент внеразмерной потери излучения. – Он заметил, что я его не понял, и перефразировал свою мысль:

– Если говорить поверхностно и неточно, все здесь состоит из света. Саймион – это обширная поверхность света, лежащая на грани, разделяющей пространство и антипространство. Эта сторона называется Изнанкой, а другая сторона поверхности называется Лицевой. Когда кто-нибудь умирает, это освобождает определенный энергетический импульс, ударяющий в Лицевую сторону и активизирующий какой-либо образ.

– На это обычно требуется много времени? Чтобы попасть сюда, когда человек умирает?

– Это может произойти моментально. В совершенно реальном смысле Саймион находится рядом с любой точкой обычной вселенной. Конечно, если оставаться в обычном пространстве, как это сделали вы, тогда он бесконечно далек. Но имеется внеразмерный короткий путь к Лицевой стороне. Вы сами много раз им пользовались.

– Позвольте кое-что уяснить. Так вы говорите, что Саймион – это большая плита света? Люди попадают сюда, превращаясь в свет?

Он сделал предостерегающий жест.

– Лучше называть это информационной структурой волнового типа в энергетической конфигурации Гилбертова пространства.

И тут официант поставил перед ним вазочку с ванильным мороженым. Эйнштейн начал есть, внимательно разглядывая каждую ложку.

Я прикидывал, как мне достичь более высоких бесконечностей. Я также пытался вообразить, как все это могло быть сделано из света.., мое тело, Гора, мороженое. И что он имел в виду, говоря, что я много раз бывал здесь раньше?

Эйнштейн отложил ложечку и снова заговорил:

– Позвольте я расскажу вам одну историю, которую я однажды рассказывал на одном чаепитии в Принстоне.

Хозяйка попросила меня объяснить теорию относительности в нескольких словах.

У него была добрая, но лукавая улыбка. Он откинулся в кресле и рассказал свою историю:

– Был у меня друг, слепой от рождения. Однажды мы отправились на прогулку за городом. Было жарко, и, пройдя пешком несколько миль, мы сели отдохнуть.

– Как мне хочется пить, – сказал я своему другу. – Хотел бы я выпить стакан холодного молока.

– Что такое молоко? – спросил мой друг.

– Молоко? Молоко – это белая жидкость, – Я знаю, что такое жидкость, – ответил мой друг. – Но что значит «белая»?

– Белый – это цвет лебединых перьев.

– Я знаю, что такое перья, но что такое «лебедь»?

– Лебедь – это большая птица с изогнутой шеей, – Это мне понятно, – ответил мой слепой друг. – Только вот что значит «изогнутый»?

– Вот, – сказал я, взяв его за руку и выпрямив ее. – "Сейчас рука прямая. – Потом я согнул его руку и прижал ее к его груди. – А сейчас твоя рука согнута.

– А! Теперь я знаю, что такое молоко.

Закончив свою речь, Эйнштейн взял меня за руку и несколько раз выпрямил и согнул ее. Было приятно ощущать его руки на себе.

Некоторое время я размышлял над этой историей.

Это был рассказ о сведении абстрактных идей к непосредственным ощущениям. Я попытался определить, какую же идею я хотел понять, что и к чему свести. За соседним столиком компания красно-оранжевых газонокосилок с треском и грохотом размахивала своими ножами, пока официант раскладывал на столе квадратный ярд трепещущего пурпурного дерна и ставил литровую банку машинного масла.

– Мне трудно сосредоточиться, – сказал я наконец.

Куда бы я ни посмотрел, повсюду взгляд натыкался на какое-нибудь нелепое чудище или причудливый овощ. – Здесь так людно и шумно.

– Это потому, что мы из вселенной с бесконечным множеством обитаемых звездных систем, – сказал Эйнштейн, пожав плечами. – А это один из очень немногих приличных отелей на Изнанке. – Он с непонятным упорством рассматривал свою ложечку. – Мне пора идти, – медленно сказал он, не поднимая глаз. – Назад на Лицевую сторону. Если бы я мог просто…

Вдруг его голос и внешность радикально изменились.

Было такое впечатление, что на мгновение он стал всеми людьми сразу. Его очертания размылись, и в то же время казалось, что он был четкой копией всех людей, которых я когда-либо знал. И при этом все эти знакомые лица смотрели на меня

глазами Эйнштейна.

А потом он исчез во вспышке белого света.

11. ЭПСИЛОН-НУЛЬ

Гам, стоявший на террасе, просочился в вестибюль. Куда ни глянь, повсюду бормотали и гримасничали твари – ускорялись, замедлялись, непрерывно обменивались шумной информацией. Я понятия не имел, что надо сделать, чтобы повторить уход Кантора и Эйнштейна. Я застрял. Я пробился к стойке администратора и попытался привлечь его внимание.

Он был занят – поселял бесконечную цепочку желтых сфер с ямочками по бокам. Они вплывали через главный вход густой, быстрой струей. Последовало бесконечное ускорение. Я слышал звуки неистовой активности наверху. В конце концов все улыбчивые сферы были устроены, и администратор повернулся ко мне с немного усталым видом.

– Я хочу отправиться на Гору Он… – начал я, но он жестом отстранил меня и заговорил в микрофон.

Закончив говорить, он со вздохом рухнул на свой стул, снял очки и принялся обеими руками тереть лицо.

– Бесконечное множество постояльцев сразу, – простонал он. – И они все едят только скагель. Ну почему весь улыбчивый сектор должен был прибыть за один раз… – Еще один стон.

– И как вы их всех разместили?

На этот раз администратор дал мне прямой ответ:

– Мы поселили всех старых постояльцев в комнаты с четными номерами. А все новые поселились в нечетных номерах. – Он закончил массировать нос и глаза и теперь трудился над висками.

– Вы хотите сказать, что старые постояльцы теперь живут по двое?

Администратор с жалостью посмотрел на меня.

– Нет. Вы переходите в номер два. Парень из второго номера перешел в четвертый. Третий номер переселен в шестой, четвертый в восьмой, пятый в десятый. И так далее. Таким образом все нечетные номера освободились для улыбочек.

Мне стало неловко, что ему пришлось мне это объяснять. В конце концов я считался специалистом по бесконечным числам.

– Я хотел бы отправиться на эту гору, – повторил я. – Вы что-то говорили о проводнике?

Администратор встал и принялся рыться в ящике стола.

– Проводник, да. Проводник просто необходим.

К сожалению, у нас их так мало – всего несколько сотен. – Он вручил мне отпечатанный бланк на нескольких страницах.

«ЗАЯВКА НА ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ УСЛУГ ПРОВОДНИКА ДЛЯ ВОСХОЖДЕНИЯ НА ГОРУ ОН», – прочитал я и просмотрел графы

на первой странице. Имя. Дата и место рождения. Дата и место смерти."

Причина. Профессия отца. Образование. Послужной список. Публикации. Награды и звания. Годовой доход за последний год жизни… У меня упало сердце.

– Я обязательно должен подать заявку, чтобы получить проводника?

Администратор развел руками, как бы извиняясь:

– Их так мало, а желающих подняться на гору так много. Мы должны выбирать самых устойчивых, наиболее способных достичь успеха.

Я пролистал бланк и посмотрел на последние страницы. Рекомендации. Баллы воинской квалификации. Цель восхождения (150 слов). Религиозные верования. Пользование коммунальными услугами на Лицевой стороне.

Администратор продолжал говорить:

– После того как вы заполните бланк, вы должны передать его одному из проводников через его ассистента. Вы знаете какого-нибудь ассистента проводника?

Конечно, я не знал никаких ассистентов. Разумеется, моя заявка будет отклонена, как наименее обещающая, наименее устойчивая в море бесконечного множества заявок. Я почувствовал себя так, будто снова занимаюсь ужасной, безнадежной суетой в поисках работы. В неожиданном порыве гнева я разорвал бланк надвое и стал топтать его.

– Не нужны мне эти вонючие проводники. Мне не нужен их бэушный Бог.

Администратор был невозмутим.

– Вы освобождаете номер?

Я резко развернулся и пошел сквозь неумолчный гомон к выходу из отеля. Что-то дернуло меня за костюм, И я обернулся, готовый убить любого. Это был Франкс, гигантский жук. Я улыбнулся.

– Ты больше не отвергаешь меня? – прощебетал он.

Мы вместе вышли через центральную дверь.

– Я видел, как ты обошелся с бланком заявки. Безрассудный поступок.

– А ты подавал заявку на проводника? – ответил я, когда мы спустились со ступенек.

– Я попробовал. Я прошел официальным путем. Я унизил себя. Но ассистент просто швырнул в меня яблоком.

– Погрязший во мраке невежества ксенофоб, – хихикнул я. – К дьяволу их всех. Я лезу. Если ты идешь со мной, тем лучше.

Мы уже дошли до края территории отеля. Впереди полого

поднимался поросший травой склон, завершающийся первым каменным поясом. Гора Он.

Луг состоял в основном из бесконечно ветвящихся травинок. Но там были и тысячи мелких цветов. Звездочки. чашечки, колокольчики всевозможных форм и расцветок. В воздухе носятся приятные легкие ароматы, а в этом химическом лабиринте порхают крохотные мотыльки.

Прогулка доставляла мне удовольствие, райское наслаждение. А вот у Франкса были проблемы. Его тонкие ножки и зазубренные коготки на лапках все время запутывались в луговых растениях, и мне постоянно приходилось его выпутывать. Несмотря на свой размер, он был совсем не тяжелым, и раз-другой я просто взваливал его себе на спину, чтобы перенести через особенно трудные пятна растительности.

Нам потребовался почти час, чтобы достигнуть первого каменного пояса. Здесь гравитация внезапно изменила направление – на 90 градусов. То, что выглядело пятидесятифутовым каменным поясом, когда я туда добрался, превратилось в отвесную скалу. Отвесную, с маленькими выступами, за которые можно было цепляться руками. Наконец-то у Франкса появилось преимущество передо мной.

Он взбежал на скалу меньше чем за минуту.

Я стал медленно карабкаться, тщательно выбирая, куда поставить ногу и за что зацепиться рукой. У себя под ногами я видел луг, по которому мы прошли, и отель. было такое ощущение, что, стоит мне поскользнуться, и полечу вниз до самого океана, и мне пришлось подавить в себе приступ испуга. Я разглядел группу из четырех фигур, идущих по лугу правее нас. У них был уверенный и деловой вид. Я подивился, не проводник ли это шагает впереди. Он выглядел как промышленный пылесос на ходулях. Я уже так устал. Камни причиняли боль моим босым ногам.

Я посмотрел на оставшиеся двадцать футов скалы, намечая себе опоры. Сверху безо всякого выражения на меня глазела маленькая головка Франкса. Я посмотрел вниз через правую ногу, чтобы узнать, что собирается предпринять проводник. Он направлял на меня какой-то шланг. Вдруг меня ослепила вспышка света. Правая нога самопроизвольно оторвалась от своей опоры.

И тогда я упал. Мне только и хватило времени, чтобы спросить себя, что будет, если я умру здесь. Я был в своем астральном теле, которое каким-то образом стало твердым в этом царстве света. Могло ли мое астральное тело умереть? Если да, то перейду ли я в еще более эфирное состояние? Вернусь ли я на Землю, чтобы жить там в виде бездушного тела? Или на этом все

для меня закончится? И вверху, и внизу?

Франкс подхватил меня, когда я как раз собирался разбиться. Он поднял свои жесткие надкрылья, развернул радужно-переливчатые крылья и слетел вниз, чтобы поймать меня. Тонкие, похожие на пленку крылья отчаянно били по чистому воздуху, и мы медленно поднялись к вершине скалы. Сила притяжения вернула себе прежнее направление, и он опустил меня на еще один сладко пахнущий луг.

– Почему ты не сказал мне, что умеешь летать? Я думал, ты простой таракан.

– В том мире, откуда я родом и который называется Прага, летают только принадлежащие к низшим кастам.

Поэта, царя-философа вроде меня носит в украшенном бриллиантами паланкине стая вкусных летучих личинок.

Было бы довольно точным сравнением, если бы я уподобил тебя такой личинке. Гораздо более точным, чем твое сравнение меня с тараканом.

Прежде чем я смог извиниться, Франкс сунул голову под плоский камень и перевернул его. Под ним оказалось несколько червей и личинок, которых он тут же смел. Я все еще не испытывал голода. Похоже, на Саймионе спать и есть нужно было лишь тогда, когда этого сам захочешь.

Впереди лежал еще один луг, с еще более спутанной растительностью, чем предыдущий. Он завершался еще одной скалой, более гладкой и на десять футов выше предыдущей. Проводник со своим отрядом уже пересекли луг и удалялись от нас куда-то вбок. Интересно, он специально заставил меня потерять равновесие? Вполне возможно. И конечно, для моей же безопасности.

Я не представлял, как мы будем двигаться дальше.

Франкс едва мог двигаться по лугу, а я едва мог карабкаться по скалам. Двигаясь в таком темпе, мы вряд ли когда сумеем войти в бесконечное ускорение.

Франкс прервал мои тревожные мысли, заявив:

– В качестве дополнительного обстоятельства позволь мне сказать, что я не могу взлететь, если не буду каким-нибудь образом подброшен в воздух. На празднествах подпрыгивают, но на цепком лугу это вряд ли целесообразно.

– А почему бы тебе просто не перелетать со скалы на скалу? – предложил я.

– Как ты думаешь, стал бы я тебя дожидаться, если бы я мог? Хоть ты и добрый попутчик, но душа моя изголодалась по Абсолюту, Единственному, концу пути.

Мое сердце несется вскачь, но тело отстает. Добавлю в

заключение, что я не могу летать на столь большие расстояния. – Он выжидающе посмотрел на меня. Как легко вознес он меня на вершину скалы. Может быть, мне следовало нести его через луг? Он был большим, но не плотным.

– Залезай ко мне на спину, – предложил я. – Я буду подпрыгивать, как только коснусь земли, а ты будешь лететь со мной между прыжками.

– Я уж боялся, что ты никогда не попросишь об этом.

Его цепкие маленькие лапки поднялись по моим бокам, а мандибулы легко легли на мою шею. Я слегка вздрогнул. —Что, если он откусит мне голову и выпьет меня, как бутылку лимонада?

Но все получилось отлично. Я присел и подпрыгнул в воздух. Затем зажужжали крылья Франкса, и мы пролетели двадцать – тридцать футов. Когда мы спустились, я уже подогнул ноги и был готов к следующему толчку, и мы снова оторвались от земли. Мы пересекли долину за пять прыжков. На скале мы использовали технику спуска на канате, но в обратном направлении. Франкс взлетал насколько мог высоко, потому хватался за какой-нибудь выступ и подбрасывал нас еще выше. На его крыльях мы поднимались еще футов на десять – пятнадцать, а потом я снова подтягивался или отталкивался от скалы, чтобы ускорить наше движение вверх.

Таким способом мы одолели десятки лугов и скал и впали в гипнотический ритм. Как и на подходе к отелю, стало казаться, что ландшафт ожил и помогает нам. Мы вошли в бесконечное ускорение. Безграничная энергия изливалась на нас из Горы Он, и мимо промелькнул первый на нашем пути алеф-нулевой каменный барьер. За каждым барьером находился круто поднимающийся луг всегда одной ширины, скажем, футов сто. Но каждый следующий барьер был на десять футов выше предыдущего. После того алеф-нулевого барьера мы остановились и оглянулись на проделанный путь.

Вид был очень странным. В бесконечном узоре карабкающихся вверх по склону каменных полосок, напоминающих расплющенную лестницу, отсутствовала последняя полоска. Сколько я ни пытался проследить свой путь до самого низа, мое внимание обязательно перескакивало на какую-нибудь одну скалу, скажем, миллиардную снизу. Я мог за одну попытку проследить наш путь снизу вверх. Но сверху вниз мое внимание могло двигаться только скачками.

– Что ты видишь? – спросил я у Франкса.

Его ответ был сложным. Вместо того чтобы смотреть на скалы по отдельности, он предпочел сосредоточиться на общей схеме.

Он придавал большое значение тому, что луга были одной ширины, а скалы с каждым разом становились на десять футов выше. Он подчеркнул, что это доказывает параболический характер общей схемы луг-скала, и привел краткое доказательство этого факта.

Он предположил, что темп роста следующей серии скал будет выражен квадратичной функцией, что приводило к изображению чередования лугов и скал кривой третьей степени…

Я перебил его:

– Где ты всему этому научился? Я думал" ты не математик.

– Это была поэзия. И довольно изящно выточенная, если мне позволено будет самому так о ней выразиться.

– Там, откуда я родом, – начал я, – на Земле…

– Я знаю, что ты называешь поэзией. Отображения чувств, эмоции, умело закругленные фразы, муха в янтаре. А на Праге уравнения – это тоже поэзия.

– Но математика считается нудным занятием, – возразил я. – Длинные доказательства, формальные подробности. Конечно, сама идея не может быть нудной, но детали….

– Мы никогда не занимаемся деталями, – ответил Франкс. – Потому что нам все равно, правильны наши уравнения или нет. Считается только то, какие чувства они вызывают.

Мы двинулись дальше. На этот раз мы развили что-то вроде суперускорения и принялись отщелкивать целые циклы из алеф-нуля каменных поясов за один прием. В каждом новом цикле скал темп роста стремительно увеличивался. Как только рост стал экспоненциальным, мне. начало казаться, что я непрерывно цепляюсь за голую скалу или отталкиваюсь от нее ногами, тогда как жужжание крыльев Франкса слилось в непрерывный гул за моей спиной. Все сияло светом, а от скал исходил сухой пыльный запах. Мы долгое время не прерывались, заворачивая уровни ускорения один в другой, преодолевая одну бесконечность скал за другой.

В какой-то момент я вдруг понял, что мы снова не движемся. Мы находились на лугу размером с носовой платок, а вокруг высились голые скалы. Франкс лежал на спине и сучил ножками.

– Это алеф-один? – с надеждой спросил я.

– Я так не думаю, – ответил он. – Я думаю, что это то, что получается при возведении алеф-нуля в алеф-нулевую степень алеф-нуль раз подряд.

– Ты имеешь в виду эпсилон-нуль?

Франкс утвердительно дернул ногой.

– Так они его и называли.

– Кто?

– Дорогой мой Феликс, я провел в этом отеле очень много времени. Проводники скрытны, а вот восходители-неудачники – напротив. Главный смысл большинства восхождений заключается в триумфальном возвращении на террасу, где вновь прибывших и старых приятелей потчуют великолепными сказками о безрассудной храбрости.

– И тебе приходилось слышать о людях, добравшихся до алеф-один без проводника?

– Конечно, приходилось. Все это не так просто, как было до сих пор. Для этого нужны новый порядок бытия, новая плоскость существования.

– Не знаю, как нам удастся одолеть это последнее препятствие. Даже если мы будем наворачивать одно ускорение на другое, все равно мы достигнем предела исчисляемого количества этапов. Алеф-один нельзя достичь никаким исчисляемым процессом. Нам никогда не вырваться из чисел второго класса.

Франкс просто лежал на сухой траве. Цветов здесь практически не было. Я выдернул травинку и посмотрел на нее против неба. Эта травинка делилась на десять ответвлений. Я представил, что снабжаю каждое ответвление ярлыком с цифрами от нуля до девяти.

Я заметил крохотного жучка, ползущего вверх по травинке. На первой развилке он заколебался, а потом выбрал номер 3 и продолжил движение наверх. На следующей развилке он выбрал номер 6, а на развилке после этой – номер 1. Затем он упал мне в глаз.

Я проморгался и стал размышлять, что было бы, продолжай он свой путь бесконечно. Его конечный маршрут можно было бы закодировать единственным действительным числом, полученным от соединения его выборов: 361…

Я понял, что существовало столько же способов взобраться на верхушку травинки, сколько существовало действительных чисел между нулем и единицей. Целый континуум возможных путей… "c" путей.

Но тут травинка испарилась, превратившись в облачко дыма, а воздух разорвал громкий щелчок. Это снова был проводник. Он парил в воздухе в нескольких сотнях футов от нас, неся по человеческого облика альпинисту в каждой из трех своих ног. Его приземистое тело было цилиндрическим. Наверху у него был сверкающий купол и три змеевидных шланга. Один шланг был поднят прямо вверх, и казалось, что он стремительно всасывает в себя воздух, удерживая таким образом проводника с его отрядом над поверхностью. Второй шланг был нацелен на нас, готовый

выпустить еще один энергетический разряд, а третий говорил:

– К сожалению, в связи с ограниченной возможностью обеспечения групп проводниками и необыкновенно большим числом заявителей достойного уровня нам стало ясно, что мы не сможем оказать вам содействия в восхождении на Гору Он. Как вы, несомненно, понимаете, интересы общественной безопасности требуют, чтобы подъемы без сопровождения проводника не допускались.

Просим вас немедленно возвратиться.

Мне плохо стало, когда я оглянулся на скалы, которые мы уже одолели. До ближайшей выемки, где можно было бы опереться, было бесконечно далеко. Конечно. мы могли бы попробовать спуститься на дельтапланах.

– Во мглу! – пронзительно крикнул Франкс, улепетывая со всех ног. Первый энергетический залп проводника поджег часть луга, и бесконечнолистные растения испустили густой, почти жидкий дым. Одному мне прыгать не хотелось, и я припустил за Франксом.

Еще один заряд врезался в землю слева от меня, и тогда я бросился в огонь и густой дым, успев задержать дыхание.

Я слышал щебет Франкса где-то поблизости, но видимость была нулевой. Белые струйки дыма вились, сворачивались и разворачивались, сливались в непрерывность. В глазах поплыли яркие пятна, в ушах зазвенело, мне нужно было дышать. Я судорожно вдохнул полные легкие густого дыма.

Я чувствовал, как он движется вниз, к моим легким, разделяется в трахеях и бронхах – липкий грязно-белый мазок распространялся, заливая континуум горящих точек в моей груди. Фантастические бесконечные видения обступили меня со всех сторон, и вдруг оказалось, что я уже не сам по себе.

12. БИБЛИОТЕКА ФОРМ

Когда я пришел в себя, оказалось, что я сутулюсь над пишущей машинкой. Я печатал не переставая, причем уже давно, вбрасывая готовые листы в прорезь на столе"

Стол был из серого пластика. Он безо всякого шва сливался со стеной крохотной каморки, в которой я оказался.

Все в комнатке было белым или серым. Я встал и попробовал открыть дверь позади меня. Заперта. Из стола доносился звук работающего механизма, но ящик тоже оказался запертым.

Я сел и посмотрел на пишущую машинку. Это была стандартная «Ай-Би-Эм Селектрик», разве что вокруг печатающей головки было гораздо больше всякой механики, чем обычно. Натренированным движением я заправил в машинку чистый лист и принялся печатать.

Дурманящее чувство дежа-вю и множественных личностей охватило меня, когда я начал печатать. Я уже все напечатал на этой машинке, все возможные вариации моей истории.

Мои пальцы продолжали танцевать по клавишам. Я творил описание моей жизни, бессвязное, перескакивающее с предмета на предмет описание, которое углублялось в каждую усыпанную листвой аллею моей мысли, бродило по необозначенным тропинкам между ними и продиралось сквозь чащу подробностей.

Обычно писателю приходится выбрасывать что-нибудь из своего повествования. Если он упоминает свою ручку, он не рассказывает вам, в каком магазине он ее купил, что продавщица ела на обед, где был выловлен тунец, пошедший ей на бутерброд, и как образовался океан. Попытка включить в рассказ все детали, охватить все связанные с ним факты приводит к охвату всей вселенной. Все посрослось. Как слипшаяся карамель на забытой тарелке. Но для описания целой вселенной нужно бесконечное множество слов. Алеф-нуль уже не проблема для меня. Я мог воплотить в реальность мечту Пруста.

Я плавно скользнул в ускорение. Мысли стекали с пальцев на бумагу. Там были все детали, объяснение всех мимолетных ассоциаций, и вся безразмерная бесконечность, бывшая моей жизнью до сих пор, была там, на этой странице.

Она вылетела из машинки. Я подхватил ее в воздухе и удовлетворенно просмотрел. Все уложилось в алеф-нуль строчек. В печатающей головке было ужимающее поле, так что каждая строчка равнялась 49/50 высоты предыдущей строки.

Всегда оставалось место еще для пятидесяти строк.

Набирая ускорение, чтобы перечитать страницу, я снова

испытал это чувство множественной тождественности. Я уже печатал эту страницу прежде – и не однажды, а многократно, каждый раз немного иначе. И вот тогда стол чвакнул, как это делает игровой автомат, сообщая о выигранной призовой игре.

Передняя стенка ящика откинулась, и из него выскользнула большая книга, только что переплетенная в кожу. Она глухо стукнула о покрытый глянцевым линолеумом пол. Я поднял ее на колени, и она сама раскрылась. Страница справа оказалась точно таким же подробным описанием чьей-то жизни, во многом похожей на мою. За тем только исключением, что этот парень вылетел из колледжа, трахался налево и направо и погиб, попав в аварию на своем мотоцикле.

Слева верхней страницы не было. Все те страницы казались полупрозрачными, и как ни старался, я не смог отделить ни одной. Это было все равно что пытаться найти самое большое реальное число меньше единицы.

Оборотная сторона листа, который я прочитал первым, была чистой, а когда я захотел перелистнуть дальше я столкнулся с той же проблемой. Там было огромное множество страниц, но мне никак не удавалось ухватить одну из них. Каким будет реальное число, следующее за единицей?

Сколько бы раз я ни пытался открыть книгу заново, я находил одну изолированную страницу между двумя слипшимися пачками листов, не имеющими верха. Листы были упакованы так же плотно, как точки на отрезке линии. Их было "с".

Я представить себе не мог, как я умудрился столько написать, но на какую бы страницу я ни взглянул, она казалась знакомой. Все мои видения после того глотка дыма были тут. Я видел все возможные варианты своей жизни и описал их все с бесконечными подробностями. Я описал целый континуум параллельных миров. Каким-то образом я сумел поместить Многое в Одно.

Иногда мне попадались страницы, отличающиеся друг от друга одним только именем, но, как правило, различия были куда значительнее. В некоторых жизнях рассказчик умел летать, в некоторых он был парализован. В одних он был гением, в других безумцем. Не знаю как, но все они были мною.

Какое-то время я искал правильное описание моего будущего, но это оказалось бессмысленным. Любая сумасшедшая вариация, любая возможность могла быть найдена на одной и той же странице. Иногда и само начало: «Это подлинная история Феликса Рэймена».

Неся книгу в руке, я подошел к двери и снова попробовал ее открыть. На этот раз она была не заперта. Я вышел из своей

каморки и оказался среди библиотечных стеллажей. Все полки были забиты книгами, похожими на ту, что я только что написал, у каждой на корешке золотыми буквами было напечатано ее название.

Я повернул свою книгу, чтобы посмотреть, что же я написал. «Жизни Феликса Рэймена». Читая мою книгу, невозможно было угадать, как меня зовут. Там была каждая возможная жизнь и все имена, которые я мог бы носить. У меня появилось дурманящее чувство, будто где-то в не очень отдаленном параллельном мире я только что написал эту же книгу. Разве что заголовок там был то ли «Жизни Феликса Рэймена», то ли «Жизни Руди Рюкера».

Повинуясь безотчетному импульсу, я втиснул мою книгу на полку перед собой и посмотрел на другие тома.

Мое внимание привлек один под названием «Собаки», и я снял его с полки. На каждой странице был рассказ о собаке. В каждом из них было алеф-нуль слов, и читались они иногда с трудом. Но одна история меня проняла. Это было что-то типа «Зова предков», и когда я дочитал ее, мне стоило большого труда удержаться и не завыть.

Я снял с полки другую книгу, которая называлась «Лица».

На каждой странице был выполненный тонкой штриховкой полноцветный портрет возможного лица – каждый был нарисован с бесконечной тщательностью. Я какое-то время пооткрывал книгу в разных местах, надеясь найти знакомое лицо. В конце концов я наткнулся на одно, очень похожее на Эйприл. И долго разглядывал его.

Внезапно я услышал голоса через несколько рядов стеллажей от меня. Все еще босиком, я неслышно подкрался поближе и застал за разговором двух молодых женщин. У одной из собеседниц были светлые волосы, схваченные на затылке в длинный «конский хвост», бледная кожа и мелкие черты лица.

– Я рада, что ты провела все линии, – говорила она, – но эти точки ставить совсем нужды не было.

Вторая женщина, с кудрявыми темными волосами, была пониже ростом. У нее были толстые губы, а между передними зубами была щель. Короткие рукава блузки врезались ей в плечи.

– Эта книга богаче… – начала она, но тут появился я.

Они не очень-то удивились, увидев меня.

– Вы закончили свою книгу? – спросила та, что с тонкими губами. Я кивнул, и она протянула ко мне руку. – Можно взглянуть?

– Я оставил ее там, – сказал я, – на полке у двери. Она называется «Жизни Феликса Рэймена».

– Мне нужно проверить ее, прежде чем вы сможете уйти.

– Валяйте, – сказал я, и она ушла, стуча каблуками по каменному полу.

– Она хочет, чтобы я свою переделала, – сказала мне кудрявая девушка, вручая свою книгу.

Я прочитал на корешке «Плавные кривые» и раскрыл книгу. На первой открывшейся странице я, увидел что-то вроде цифры "8". Я посмотрел, что было на нескольких других страницах. Овал, дуга, закругленная "W", завиток, округлый зигзаг. На нескольких страницах оказались отдельные точки.

– Ей не нравятся точки?

– Да, – ответила девушка и состроила гримаску. – Я не знаю, почему я их туда вставила. Я побелела и прилетела сюда из Тракки специально, чтобы нарисовать плавные кривые. Знаете ли, по теореме Тэйлора их "с"…

Я перебил ее:

– Только не говорите, что вы – математик.

Она кивнула. И тут я услышал, что библиотекарь зовет меня.

– Мистер Рэймен, не могли бы вы подойти сюда.

Тут есть проблема…

– У нее всегда есть проблема, – шепнула мне коренастая математичка.

– Как можно отсюда выбраться? – шепнул я в ответ.

– Думаю, туда.

Она по-дружески взяла меня за руку и повела сквозь лабиринт стеллажей к лестнице. К моему удивлению, мы оказались на первом этаже, спустившись всего на один пролет.

Мы вышли в читальный зал с высоким потолком и большими окнами. Там и сям стояли кресла и диваны.

На некоторых сидели люди с толстыми книгами в кожаных переплетах. Одни читали, другие просто глазели в окна на калейдоскопически меняющийся пейзаж.

Справа от нас находился стол, за которым библиотекарь выдавал книги, доставая их из прорези в стене. На нем была нейлоновая рубашка с коротким рукавом и мешковатые черные штаны. Сквозь нейлон видна была майка. Он жестом пригласил нас приблизиться, и мы подошли к столу.

– «Плавные кривые» Джуди Шварц, – сказал он, указывая на мою спутницу шариковой ручкой. Потом на меня:

– «Жизни Феликса Рэймена», Феликс Рэймен. – Голос у него был высоким и каким-то скользким. Увидев, что мы согласно кивнули, он наклонился, чтобы записать эту информацию на каталожные карточки.

Я еще едва осмотрелся в помещении. Снаружи мимо окон на желтом фоне двигались узоры из зеленых завихрений. Они

отрастили языки, пурпурные языки, и начали лизать. Мимо проплыли два красных пузыря света. Я решил отложить осмотр помещения на потом.

В центре зала находился довольно маленький каталог.

Сутулый мужчина с седой бородой листал карточки в одном из незаполненных ящиков.

– Сколько книг у вас вообще-то? – спросил я библиотекаря.

– Если бы ваши две книги были пригодными к использованию, то всего было бы 2471. – У меня, наверное, был удивленный вид, потому что он продолжил:

– Библиотека Форм очень избирательна. Мы храним толь" ко те книги, чьи темы отражают базовые категории человеческого понимания в полном раскрытии. Неполные, внеземные или уникальные работы интереса не представляют. Мы каталогизируем только те полные и определяющие рассмотрения существенных форм, которые действительно имеют место на Земле.

Раздалось тихое гудение и засветился телеэкран у его локтя. Это была женщина с «конским хвостом» сверху.

– Книга «Плавные кривые» завершена и будет пригодна к использованию, если удалить несколько неупорядоченных точек. Отправьте наверх Ральфа, чтобы он этим занялся.

– Очень хорошо. – Библиотекарь нажал на кнопку. – А что с книгой «Жизни Феликса Рэймена»?

Короткое покачивание головой.

– Полное раскрытие, но частичная тема. Если бы он описал все возможные жизни вместо того, чтобы…

– Но это у нас уже есть, – пожал плечами мужчина.

– Да. Книга Рэймена – лишь подраздел книги «Жизни», полка триста двадцать восемь. Если ему нужны эти услуги, ему придется написать другую.

– Что, если это будут «Лампы»? – радостно воскликнул мужчина.

Женщина на экране в задумчивости поджала губы.

– Да. Нам нужны «Лампы». Картинки, как вы думаете?

Мужчина кивнул.

– Я прослежу за этим. – Он выключил аппарат и обратился ко мне своим влажным голосом тростниковой дудки:

– Мистер Рэймен. Если вы подниметесь к мисс Винстон, она даст вам немного дурман-травы и покажет, где…

– Послушайте, – перебил я, – если вы думаете, что я собираюсь спалить себя лишь ради того, чтобы нарисовать все дурацкие возможные лампы…

– Вам придется, если вам нужны услуги.

– Я уже могу ими пользоваться, не так ли? – встряла в разговор Джуди Шварц.

– Ну да. То есть как только Ральф… – Он еще раз нажал кнопку на столе. Тишина. Библиотекарь посмотрел на нас отсутствующим взглядом, затем ухватил нить разговора. – Да, услуги. Вы сможете свободно, мисс Шварц, использовать наши возможности – наш каталог, наши книги, наш читальный зал. И разумеется, вы будете иметь доступ к помещениям для машинописи и рисования наверху. Дурман-трава и черпаки всегда наготове.

– Я ухожу, – объявил я. Я произнес это громче, чем рассчитывал, и несколько читателей подняли головы, чтобы снисходительно посмотреть на меня.

Я неуверенно пошел прочь от стола, затем вернулся.

– С таким же успехом я могу прихватить свою книжку.., если вы все равно собираетесь ее выкинуть.

Библиотекарь позвонил наверх. Через несколько секунд книга выпала из прорези в стене. Он молча подал ее мне.

Дверь, ведущая к лестнице, открылась, и тощий человек в хаки (такой была униформа смотрителя) шаркающей походкой вошел в зал. От него несло летучими растворителями, а вид у него был несколько одурманенный. Он облокотился на стол, несколько раз чмокнул губами и наконец осведомился:

– Слушаю вас, мистер Берри?

– Ральф, – сказал библиотекарь, – ты нужен мисс Винстон наверху. По-моему, надо удалить какие-то записи.

Ральф экстравагантно мотнул головой и снова принялся чмокать.

– И пожалуйста, проводи мистера Рэймена к выходу. – Он в последний раз обратился ко мне:

– Пройдите по туннелю до выхода и возьмите лыжи.

Ральф непрерывно кивал, постепенно приближая свою голову к моей.

– Снова наружу, да? – сказал он между двумя причмокиваниями. – От ворот поворот. – Он попытался хихикнуть, но смех быстро перешел в глубокий, конвульсивный кашель.

– Вы идете? – спросил я Джуди Шварц, перекрикивая кашель.

За окном лежал мирный сельский пейзаж, отличающийся лишь присутствием нескольких движущихся пятен красного света. Но тут равнина начала вспухать выпирающими из нее горбами. Горбы становились выше и тоньше и наконец превратились в щупальца, рвущиеся из земли.

Концы щупальцев утолщались и начали походить на кулаки,

а кулаки принялись с безумной энергией колошматить все вокруг. Пятна красного света в испуге заметались взад-вперед.

– Тебе бы лучше нарисовать лампы, – сказала Джуди. – Я собираюсь поработать тут над гипотезой Римана. Все дело в том, чтобы правильно выбрать…

Ральф нетвердой рукой взял меня за рукав, и мм вместе пошли прочь.

– Где вы раздобыли этот костюм? – захотел он знать. – Похож на тот, который носил Элвис. Вы когда-нибудь видели Элвиса?

– Только по телевизору.

– Я умер слишком рано для этого, пропади оно все пропадом. Оказался в Тракки, влез в неприятности с Божьим эскадроном и пришел сюда на работу. Вот двери. Перед тем как открывать вторую, убедитесь, что закрыли первую.

Я задержался. Что-то из сказанного Ральфом до этого озадачило меня. Он спросил, иду ли я снова наружу.

– Я уже был там?

Он вяло хмыкнул.

– Случайные никогда не помнят. – Вполне могло быть, что он разговаривал сам с собой. Произнеся эти слова, он повернулся, чтобы уйти.

Я схватил его за руку и встряхнул.

– Как я попал сюда? Мне надо знать!

– Потише там, потише. Я запросто могу развалиться.

Я отпустил его, и он каким-то неопределенным жестом указал наверх.

– Черпаки. Мы втянули вас. От спящих никакого проку – это те, красные. Но когда кто-нибудь побелеет и забредет в Страну Снов, да еще окажется в радиусе тысячи футов от нас.., ну тогда у нас появляется новая книга.

– Так вот это.., снаружи.., это Страна Снов?

Он открыл мне первую стеклянную дверь.

– Вот именно. А теперь идите. У меня полно работы.

Я прошел в дверь, и он позволил ей закрыться за мной. Впереди была еще одна стеклянная дверь – ведущая наружу. То, что минуту назад было щупальцами, обросло ветвями, которые сплелись в огромную зеленую корзину, укрывшую Библиотеку. Я шагнул наружу.

Меня охватил холод, глубоко замороженный холод.

Сразу за дверью землю покрывал плотно слежавшийся снег, а еще там было что-то вроде тропки, ведущей по снегу к тому, что выглядело, как туннель. Тропа, туннель и Библиотека были неизменными, но все остальное находилось в непрерывном движении. Зеленый купол над головой рвался на извивающиеся и

утолщающиеся плети.

Мне не терпелось поскорее убраться.

К стене Библиотеки была прикреплена стойка со снаряжением для лыжных кроссов. Парки, шапки, перчатки, лыжи, палки и ботинки. Я набрал себе комплект и сунул книгу в большой карман на спине парки. Я пристегнул лыжи и приготовился отправиться в путь.

Над головой у меня зеленые куски обернулись крылатыми ящерицами. Одна спикировала на меня. Я не успел пригнуться вовремя, но это оказалось не важно.

Она пролетела сквозь меня – бестелесная, как мысль.

Если верить словам Ральфа, это был всего лишь сон.

Я обернулся, ища взглядом спящего. Шар красного света игриво гонялся за ящерицами. Похоже, ему было весело. На вертушке Библиотеки были видны огромные черпаки, похожие на пароходные трубы. Из-за угла здания показалось несколько скелетов. Они держали косы.

Не отрывая взгляда от неизменного, слежавшегося снега, я заскользил прочь от Библиотеки форм и вверх по отлого поднимающемуся туннелю.

13. ИСТИНА

Другой конец короткого туннеля был наполовину занесен снегом. Я «елочкой» взобрался на сугроб и скатился наружу. Вокруг холмами и буграми лежал снег. Нестихающий ветер неустанно трудился, насыпая длинные дюны, заполняя ложбинки снежной рябью, где-то сглаживая, где-то заостряя, непрерывно созидая. Воздух был пронизан снежными лентами и спиралями, поэтому видимость была небольшой. Оглянувшись назад, я уже не смог сказать, за каким холмом скрылась Библиотека форм.

Снег, за исключением свежих наносов, был покрыт настом, и я скользил по нему, не проваливаясь. Я вошел в знакомый ритм, делая длинные шаги и отталкиваясь палками. Я катился по плавно понижающемуся склону и набрал неплохую скорость. Мое сознание стало на нейтралку.

Формируемый ветром снежный пейзаж изменялся с таким постоянством, что было невозможно сказать, с какой скоростью я на самом деле двигался. Не было никаких заметных ориентиров, поэтому я руководствовался только направлением уклона. Шагая на лыжах, я вдруг почувствовал, что мои ритмичные движения каким-то образом подпитывают окружающий ландшафт, как будто я был бьющимся сердцем этого замерзшего мира.

Время от времени смутное красноватое пятно проступало сквозь снег из Страны Снов. Но похоже, я катился над ней. И не было ничего похожего на те причудливые живые картины, которые я наблюдал из окна Библиотеки.

От интенсивного движения мне стало жарко и захотелось пить. Я приостановился и зачерпнул горсть снега.

Он оказался мелким порошком, состоящим из крохотных додекаэдров – кристаллов с двенадцатью пятиугольными гранями. Каждый кристаллик мерцал внутренней игрой света, а когда я напряг зрение, то разглядел, что в каждом двигались какие-то очертания и узоры. Несколько снежинок растаяло на моей ладони, и я слизнул образовавшуюся жидкость.

У нее был странный, дурманящий вкус. Я почувствовал, что начинаю разваливаться, как после глотка того дыма на Горе Он. Я побыстрее выплюнул жидкость.

Что же все-таки случилось там, на горе? Проводник выжег дыры в земле, и курчавая трава загорелась. Я вдохнул полные легкие дыма. Все стало белым, и у меня начались видения, все одновременно. Очевидно, я превратился в световой шар и во время полета над Страной Снов меня поймал черпак Библиотеки форм. Но куда подевалась гора?

Куда ни посмотри, повсюду был только снег. Мне стало интересно, когда он кончится. Каким-то образом я преодолел уровень исчисляемости. В Библиотеке у каждой книги было "с" страниц, а Страна Снов – вероятно, все еще находящаяся под снегом, по которому я скользил на лыжах, – была наполнена целым континуумом возможных видений.

Я долго шел без остановки. Ветер то бесился, то стихал и наконец сошел на нет. Снег под лыжами становился все тверже и тверже, пока не оказалось, что я иду по льду, чуть присыпанному снежным порошком. Ледник.

Я заметил цветовые пятна, пробивающиеся сквозь снежную пыль, и расчистил окошко во льду.

Я смотрел на город сверху. Жуткое пурпурное зарево освещало решетку улиц, но все здания были темны. Пятно красного света торопливо двигалось по одному из проспектов. Над городом проплыл реактивный лайнер, сделал круг и направился на посадку. Он следовал за красным светом. Пространство между домами было слишком узким, но самолет курса не менял. Одно крыло зацепилось, чиркнуло по зданию и отломилось. Пламя, дым, кувыркающиеся обломки посыпались на огонек, в замерзшее время. Очертания начали изменяться, перестраиваться.

Падающие обломки превратились в рассыпавшийся пакет с бакалеей. Самолет – в коробку яиц. Красный огонек поднялся ко мне, затем уплыл в сторону. Яйца разбились, и из них вылетела стайка жареных индеек, безголовых, машущих золотистыми остроконечными крылышками. Они последовали за красным светом и скрылись из виду. Темный город замер, ожидая повтора.

Я пошел дальше. Небо было чистым и таким синим, почти лиловым. В ледяном поле, по которому я скользил, появились трещины. Несколько я перешагнул, через пару перепрыгнул, но в конце концов я дошел до расселины, слишком широкой, чтобы преодолеть ее.

Я снял лыжи и сел на них отдохнуть. Расщелина была футов сорока в ширину и казалась бездонной. Ее стенки были словно из прозрачного стекла, и я видел самые разные вещи, подплывающие к ним и уплывающие прочь. Лед был полон снов. Далеко снизу доносился звук стремительно бегущей воды.

За этой расселиной были другие, а ледник заканчивался примерно в миле отсюда. За ледником смутно виднелся какой-то город. Мне ужасно хотелось оказаться в нем.

Никаких иных признаков жизни я не видел. Только мерцающие огоньки во льду, а высоко над головой одна-единственная птица летела в сторону города. Я мельком подумал,

как там Кэти? Наверное, нам следовало держаться вместе. Я обещал Иисусу помочь ей. Я надеялся, что мы с ней еще встретимся.

Я оставил лыжи и пошел вдоль расселины. Может быть, она станет уже. Вместо этого она стала более широкой и извилистой. Я было решил повернуть назад, но заметил что-то на другой стороне. Правильный зубчатый рисунок на стене. Вырубленные во льду ступени. А по ним полз наверх…

– Франкс! – завопил я. – Это Феликс! Иди помоги мне!

Я никак не мог понять, как он к этому отнесся. Он как-то говорил мне, что на Праге они определяли эмоции по суставам ног. Но мне показалось, что он мне обрадовался. Он расправил крылья и перелетел на мою сторону. Приземлившись, он проехал юзом несколько ярдов.

– Возвращение блудного сына, – экспансивно заявил он. – Но кто из нас прошел сквозь большие испытания?

Вид знакомой кривизны его спины действовал успокаивающе. Я снял шапку и стал полировать его.

– Как я рад видеть тебя. Франкс. Что же там все-таки произошло?

– Был обстрел молниями, знак гнева проводника по поводу нашего совместного успеха. Дурман-трава загорелась, а в земле были выбиты ямы, в которых могло бы укрыться существо меньших размеров, раболепствующее и низкопоклонствующее ради своего спасения. Но только не я. Я снова и снова бросался вперед из своего укрытия в бесплодных попытках спасти моего боевого товарища, благороднейшего и подвижнейшего специалиста по теории множеств Феликса Рэймора. – Он остановился, чтобы насладиться своими словами.

– Франкс, моя фамилия – Рэймен. Но куда я делся?

– Я решил, что проводник выстрелами отправил тебя на Свалку, с которой ты пришел. Нынче здесь, завтра там. Без базара, подваливай в пятницу. Да, у нас нет бананов. Вот ты его видишь, а вот…

Я перебил его:

– Я последовал за тобой в дым. Я не дышал, сколько мог, но в конце концов мне пришлось вдохнуть полные легкие. Ощущение было такое, будто во мне вспыхнуло белым "с" частиц. Когда я очнулся, я сидел за письменным столом…

– Библиотека форм, – вдруг возмутился Франкс. – Я не могу в это поверить! Ты побелел! Как ты смог, ты, зелень неопытная, узкий математик, грубое мясоногое? – Вид у него был по-настоящему сердитый. – Я долгие века искал просветления, а ты, невежественный дурак, ты входишь в облако дыма дурман-травы

и выходишь из него в библиотеке. Я не могу в это поверить. Я не хочу! Ты лжешь!

Ты всего лишь вернулся на Свалку, породившую тебя. Ты…

Я не понимал, о чем он толкует, но перебил его, бросив вызов наугад:

– Я не знаю, чего ты добиваешься, называя Землю свалкой. Но только меня наверняка стошнило бы от вида твоей Праги, ты, пожиратель мусора.

Франкс взял себя в руки и умиротворяюще поклонился.

– Тысяча извинений. Ты находишься в плену недоразумения. Хотя я никогда не имел удовольствия посетить вашу легендарную изумрудную сферу, я нисколько не сомневаюсь, что она не сильно проигрывает в сравнении с тем раем насекомых, где я прожил отпущенный мне срок. Но может быть, твой немощный интеллект сможет осознать, что я имел в виду вон ту Свалку, – он сделал жест в сторону города за ледником, – по другую сторону Тракки?

Эйнштейн что-то говорил про свалки. Я попробовал припомнить.

– Я никогда никакой свалки здесь не видел, Франкс.

Я появился, просто врезавшись в луг неподалеку от отеля Гилберта.

– Необыкновенно! – воскликнул Франкс. – Это не для Феликса Рэймора – трудное паломничество от города, к городу, через снега и моря. Нет! Одним махом он нисходит.., а может быть, восходит? Одним махом он достигает Изнанки, земли обетованной, земли Горы Он. – Он подобрался и напряженно смотрел на меня. – Говорят, что не прошедшие Свалку, никогда не жили… Как говорится, ангелы и дьяволы, если я не ошибаюсь… – Неожиданно он поднялся на задние лапы и обхватил мою шею мандибулами. – Кто из них, Феликс? Истину!

Он обезумел. Я оттолкнул его от себя. Он упал на спину и заскользил по льду к расселине.

– Франкс, берегись! – крикнул я. – Ты свалишься.

И он свалился, исчезнув за краем ледяного обрыва с испуганным бормотанием. Я сделал несколько шагов вперед и всмотрелся в пропасть. За ледяными стенами мелькали сны, а далеко внизу гремел бурный водяной поток.

С облегчением я увидел, что массивное тело Франкса по спирали набирает высоту. Он вовремя раскрыл крылья.

Поднявшись из бездны, он продолжал кружить футах в двадцати над моей головой. Что я ему такого сказал? Только то, что я не начинал свой путь на свалках Лицевой стороны. В его понимании это означало, что я никогда не жил, что я был сверхъестественной силой, возможно, союзной Дьяволу. Я сложил

ладони рупором и крикнул ему:

– "это потому, что я никогда не умирал, Франкс. А не потому, что не жил. Мое тело все еще на Земле.

Клянусь, я не дьявол.

Отчаянное жужжание его крыльев стало басовитее, и он подлетел поближе.

– А послушаем-ка мы «Отче наш» в твоем исполнении, – подозрительно крикнул он.

Я продекламировал молитву без запинок, ничего не сказав задом наперед, и похоже, он был этим удовлетворен. Он с глухим ударом приземлился рядом.

– Время от времени Дьявол улавливает кое-кого из нас. Я приношу извинения за мою небезосновательную, но, возможно, излишнюю подозрительность. Отряды вербовщиков усиленно заманивают. Я видел, как это происходит, видел души, уловленные прихлебателями нечистого. И я, например, вовсе не уверен в этих проводниках.

А на Свалке есть огненные языки. – К нему стала возвращаться его обычная велеречивость. – Но если ты никогда не умирал, это совсем другое дело, совсем другая уха, я бы сказал. Тебе еще предстоит так много узнать, дорогой мой Феликс.

– Почему бы тебе не начать с объяснения того, что такое свалки? – предложил я. – И постарайся попроще. Я уже замерзаю.

– Свалка, – поправил меня Франкс. – В единственном числе. Одним словом… Свалка – это скопление центров второго рождения. Когда человек сбрасывает свою смертную оболочку в Буффало, его суть воспаряет в Саймион.

Я ободряюще кивнул.

– Каждый вид притягивается к определенному месту на Лицевой стороне. Эти точки расположены вдоль линии, разделяющей Лицевую сторону пополам. Эта линия выглядит как – да она и есть – Свалка. Ты обратил внимание, какими короткими предложениями я обхожусь, Феликс? Как кристально четки мои объяснения?

Пот, которым я покрылся после многих часов лыжной гонки, испарялся, и я начал дрожать.

– И ты получаешь себе тело на Свалке, когда попадаешь сюда?

– О, как ты прав. На Свалке ты получаешь тело, а если это тело разрушается, ты снова оказываешься на Свалке, чтобы получить новое, которое не всегда совпадает по покрою с повторно скончавшимся, но…

У меня был еще один вопрос:

– А человек без тела выглядит как световое пятно?

Белый свет?

– Белый, красный или зеленый, – сказал Франкс. – Это зависит от ситуации. Мертвый или повторно мертвый человек, направляющийся на Свалку за новым телом, зеленый. Не ярко-зеленый, как ты понимаешь, а бледно-зеленый, мертвенно-рыбный. Это цвет, в чем-то похожий на…

– Я видел его, – перебил я, вспомнив Кэти на кладбище.

– «О, Лета, далее спеши, река забвенья», – театрально воскликнул Франкс. – Мертвые люди – зеленые.

Ты видишь, каким я умею быть кратким. Потом есть еще спящие. Они красные. Тебе, наверное, хочется знать, как они попадают сюда, но на это нет времени. Ты ведь спешишь. Поэтому я обхожу молчанием межразмерную связь.

Невежественные.., мы никогда не узнаем. Но белые сгустка света, такие, каким ты сам недавно был, дрейфуя в Стране Снов, пока неутомимые библиотекари не зачерпнули тебя, чтобы выжать из тебя книгу…

Он утерял нить своих разглагольствований и несколько секунд молча щелкал хитиновыми челюстями. Его передние лапы замерли в полужесте. По какой-то причине мысль, что я стал белым светом, очень его расстраивала.

Я вынул книгу из кармана на спине парки и дал ему.

– Вот, – сказал я, – можешь посмотреть на нее.

Им она не понадобилась.

Он взял книгу, но не посмотрел на нее.

– Белые сгустки света, как я говорил, являются формой тех немногих, которые способны спонтанно растворяться и реформировать свое тело, двигаясь в различных направлениях в промежутке. Это сложная техника, хотя, возможно, она более доступна человеческим существам, в особенности при наличии дурман-травы. Совсем недавно я тоже… А это что такое? – Он обратил внимание на книгу. – Как ты сказал, что это такое?

– Это все мои возможные жизни, – объяснил я. – После того как я вдохнул дым и побелел, я смог увидеть все мои жизни сразу. А потом я будто сел во всех параллельных вселенных и напечатал каждую жизнь в бесконечных подробностях. Каким-то образом Библиотека форм вытянула их все из меня и свела воедино.

Франкс раскрыл книгу наугад и быстро читал попавшую ему на глаза страницу, чуть склонив голову набок.

– ч – Но это феноменально! – вдруг воскликнул он. – Эта страница абсолютно верна. На ней даже написано, что я произнес эту фразу… – Он продолжил чтение, держа раскрытую книгу в передних лапах. – В ней говорится, что произойдет дальше. – Он

стал читать дальше, его фасетчатые глаза подергивались все быстрее и быстрее. Внезапно он замер и медленно произнес:

– О Боже! Какой ужасный конец ожидает меня. – Его ноги конвульсивно подергивались.

Я потянулся за книгой. Неужели Франкс случайно наткнулся на единственное верное описание моей жизни?

Когда я брал книгу, налетевший порыв ветра перелистнул несколько страниц.

– Это было здесь, – сказал Франкс, перебросив тонкую пачку страниц, потом еще одну. Он остановился, чтобы прочитать открывшуюся страницу. – Нет, не эта. – Он листал вперед и назад, читал и перечитывал, потом внезапно прекратил поиски. – Бесполезно. Там говорилось, что снова мы ее не найдем.

В расселине глухо рыдал ветер. Позади расстилалась бескрайняя белизна, а над головой синело небо. Неужели Франкс прочитал мое будущее?

– Скажи, Франкс, что было потом.

– Мы встретимся с Георгом Кантором. Он пригласит нас в свой дом. А потом… – Его голос стих, ноги заплелись одна вокруг другой.

Я решил войти в ускорение и пролистать всю книгу, но скоро понял, что это невозможно. Единственная верная страница была потеряна среди континуума возможных жизней. Забавно, что Франкс наткнулся именно на нее. Было в этой ситуации что-то парадоксальное, но я никак не мог увидеть, в чем этот парадокс заключался. Я полистал еще и прочитал страницу, на которой я оказался стрелком в старом Эль-Пасо. Иппи-тай-йяй-ти-йо.

Похоже, поиски были безнадежными. В конце концов в книге было "с" страниц, а "с" – это величина строго большая, чем алеф-нуль. И это означало, что А никогда не смогу просмотреть каждую страницу, если не сумею каким-нибудь образом восстановить эту способность белого света обращаться с неисчислимыми бесконечностями. Я постарался запомнить эту мысль и сунул книгу обратно в карман парки.

Тут Франкс посмотрел на меня.

– Теперь мне положено сказать следующее, – произнес он и глубоким голосом продекламировал:

– Так ты говоришь, в этой книге "с" страниц? Ну, Феликс, мы можем решить эту проблему, о которой ты говорил… проблему континуума. Пошли, найдем туннель, ведущий обратно на Изнанку. – Он говорил с жесткой интонацией, будто подшучивая над собой.

– В чем дело, Франкс?

– Разве ты не понял? Я прочитал истинное описание всего,

что когда-либо случится с тобой, включая все наши разговоры и все, что ты увидишь, как я… – Он замолчал, потом с трудом продолжил:

– Даже то, что я только что сказал. И даже вот это. И даже это. – Он снова умолк в отчаянии. – Все кажется таким.., таким предсказуемым, таким тщетным. – Он в волнении сгибал и разгибал лапы, затем, запинаясь, продолжил:

– И я прочитал, что буду убит. Не так уж страшно вернуться на Свалку, со мной это уже случалось, но чтобы мне проломил голову злобный, фанатичный кретин-убийца из Божьего Эскадрона… – Его глаза негодующе сверкнули на меня. – Но хоть после этого я буду свободен от твоих пророчеств, ты…

– Франкс, – перебил я, – не горячись. Ты бесишься. – Вдруг я увидел тот парадокс, который пытался нащупать. – Не может быть, чтобы ты прочитал истинное описание всего, что случится с нами. Это логически невозможно, если ты только сам этого не хочешь.

Я докажу тебе.

Он перестал скрежетать мандибулами и сплюнул.

– Знаю. Ты хочешь сказать мне, чтобы я выбрал и сказал «да» или «нет». Эту часть я тоже прочитал.

– А теперь послушай, Франкс. Это должно сработать. Я попрошу тебя сказать «да» или «нет». Выбирай.

Но погоди! Вспомни, что говорилось в книге об этом, сказал ли ты «да», «нет» или ничего не ответил. Не говори мне! Вспомни, что там ты сказал по книге, и сделай что-нибудь другое. Ладно? Поехали! Скажи «да» или скажи «нет».

Повисла долгая тишина. Было такое впечатление, что Франкс ведет страшную внутреннюю борьбу. Несколько раз он поднимал голову, чтобы что-то сказать, но у него получалось только сухое пощелкивание. Он лежал животом на льду, а по обе стороны его туловища неистово Сновали короткие лапки. Один раз у него даже приподнялись надкрылья, и я испугался, что он просто улетит, чтобы освободиться от моего будущего.

Но тут он заговорил.

– Нет, – прошептал он потом громче:

– Нет!

Нет! Нет! – Он поднялся на ноги и зачирикал от восторга. – Я сказал это, Феликс. Нет! На странице было, что я не ответил, – ха! – страница хотела защитить себя. Нет! Я победил ее. Царь-философ разрубил гордиев узел. Да будет ликование и великая радость, ибо я свободен, свободен!

Он сплясал небольшую джигу, выкидывая лапы в стороны и раскачиваясь из стороны в сторону всем туловищем.

Я с облегчением вздохнул. Похоже, Франкс немного утратил устойчивость.

– Между прочим, что ты увидел во время своего восхождения, Франкс? И как далеко ты поднялся?

– Я достиг алеф-один, – радостно воскликнул он. – Пошли, я покажу его тебе. Простым путем.!

Там внизу есть туннель, который проходит весь Саймион насквозь, до самой Изнанки. Было бы действительно интересно сравнить твои "с" страниц с алеф-одним уступом. – Он залез мне на спину и обхватил меня лапами и жвалами.

Я спрыгнул в пропасть, оттолкнувшись от ледяного обрыва. Крылья Франкса резали воздух. Мы под углом подлетели к лестнице, вырубленной во льду на другой стороне, и тяжело приземлились.

14. НА АЛЕФ-ОДНОМ

Мы двинулись вниз по лестнице, Франкс впереди.

Справа был отвесный обрыв, под которым стремительно несся поток ледяной воды. Чем глубже мы опускались, тем слабее становился свет, тем яснее проступали движущиеся очертания в ледяных стенах. Один раз я чуть не сорвался, когда призрачного вида зубатка сквозь лед кинулась, как мне показалось, на меня. Рев потока не давал разговаривать. Я только и мог, что следовать за куполом спины Франкса. Наконец мы достигли дна.

Темная, безучастная вода неслась мимо, ее поверхность была покрыта рисунком стоячих волн. Тут и там из ледника вытекали ручейки и впадали в поток. Далеко впереди он снова прятался под лед. Против своей воли я представил себе, как бы это было, нырни я в воду… чтобы могучие течения разрывали мое тело на части, швыряли его на спрятавшиеся под водой ледяные зубы и наконец засосали его в черные подземные лабиринты. А почему бы нет? Я так боялся воды, что испытывал сумасшедшее стремление спрыгнуть и покончить с этим. Я снова материализуюсь на Свалке…

Я вздрогнул и сосредоточился. Франкс сидел, сгорбившись, на берегу и не отрываясь смотрел на поток. Что с ним такое? Я подтолкнул его раз-другой, и он двинулся дальше.

Мы шли вдоль потока, пока не добрались до горизонтального туннеля, уводящего влево – к городу, который я видел наверху. Туннель представлял собой рукотворную трубу футов семи в диаметре – что-то вроде дренажного коллектора. Я вошел в него вслед за Франксом. Постепенно шум потока стих.

Хотя по ощущению туннель шел горизонтально, но по его виду он постепенно искривлялся вниз. Ни вперед, ни назад не было видно более чем на пятьдесят футов. При этом туннель освещала какая-то светящаяся лента, бегущая по стене на уровне пояса. Это было настоящее окно в лед.

Были отлично видны разноцветные тени снов, дрейфующих вокруг нас. Тут и там попадались двери, вделанные в потолок туннеля, как люки на подводной лодке.

– Ты уже проходил этим путем? – спросил я Франкса.

– На той странице ты этого не спрашивал, – радостно ответил он. – Какое это облегчение, не знать, что я собираюсь сказать. Я хорошо умею говорить, но речь должна быть спонтанной, в ней должно быть что-то от дзен, ну, ты понимаешь.

Он проигнорировал мой вопрос, и я решил спросить что-нибудь поинтереснее.

– Почему кажется, что туннель ведет вниз, хотя он вниз не ведет?

Он помолчал, обдумывая вопрос, и я перефразировал его:

– Почему он выглядит так, будто мы переваливаем через гребень холма, хотя чувство такое, будто мы на ровной тропе?

– О, это.., это гравировка? В смысле гравитация. В физике я эрудирован меньше, чем в других науках. Я читал хорошо и много, но остались некоторые лакуны. – Я кашлянул, и он вернулся к теме. – Да, да, Феликс. Я могу ответить на твой вопрос. Я немного расстроен, а когда я расстроен, я говорю больше обычного. На Горе Он я пережил довольно разочаровывающий опыт, и я все еще в поисках своего пути, своего бесконечного, утомительного пути.

Какое-то время мы шли молча. В туннеле стало светлее, чем раньше. Все время казалось, что мы преодолеваем подъем. Я готов был поклясться, что мы теперь шли перпендикулярно поверхности ледника, прямо вниз, в глубь поверхности Саймиона.

Неожиданно Франкс снова заговорил:

– Не бойся, я не забыл о твоем вопросе. Сила притяжения на Саймионе – величина переменная. Причем переменная не столько в отношении ее интенсивности, сколько направления. Мы заметили это на горе, правда?

– Это верно, – ответил я. – Склон Горы Он выглядит ровным, но когда лезешь на него, он похож на лестницу. Иногда гравитация прижимает тебя к земле, и тогда кажется, что ты на лугу, а иногда гравитация тянет тебя назад, параллельно земле, и тогда кажется, что ты на отвесной скале.

– Правильно. И на Лицевой стороне то же самое. Я полагаю, ты понимаешь, что это туннель, ведущий с Лицевой стороны Саймиона на Изнанку. На Лицевой стороне притяжение направлено почти прямо к земле, поэтому она воспринимается, как огромная равнина.

– Библиотека, и снег, и этот город – все это на Лицевой стороне?

– Разумеется. А теперь воспользуйся немного правым полушарием своего мозга, Феликс. Вообрази себе Саймион как холст, бесконечную ленту с картиной на обеих сторонах.

Я объясняю сжато. На обеих сторонах нижняя часть – это вода. Через нижний край можно переплыть. На Изнанке верхняя часть – это гора. Гора Он. Сжимающее поле вмещает в себя всю Абсолютную Бесконечность. На лицевой стороне самая верхняя часть – великая пустыня. Плохое место. Ниже пустыни находится бесконечная полоса мусора. Свалка. Сразу под ней находятся города-равнины. По одному для каждого мира, для каждой эпохи.

Каждый вырос вокруг своей характерной части Свалки. Гравитация на Лицевой стороне направлена на поверхность Саймиона. На том уровне верхней части Изнанки, где находимся мы, гравитация параллельна поверхности. Чтобы «низ» был все время под ногами, туннель должен искривляться. Пробелы Заполни сам.

Впереди показался свет. Здесь туннель заканчивался.

То, что было горизонтальным на Лицевой стороне, стало вертикальным на Изнанке. Когда я попытался представить все это, я испытал тошнотворное головокружение.

Это было все равно как разглядывать знаменитые интерьеры Эшера, где лестницы ведут во всех направлениях, выворачиваясь и переворачиваясь в зависимости от того, за какую деталь разрисованной зубцами поверхности цеплялся взгляд.

Туннель завершался каменной аркой, выходящей на такой отвесный обрыв, что сама его бездонность чуть не слизнула меня с края. У меня и так уже кружилась голова от размышлений про туннель, поэтому я пошатнулся н оступился.

Поперек арки, над головой, был толстый прут, похожий на турник для подтягивания, и я ухватился за него обеими руками. Не важно, где был верх и как глубоко был низ, у меня появилась теперь твердая опора, и я смог посмотреть вниз, не боясь потерять равновесие.

Как и до этого, я не увидел предыдущей скалы, первого шага вниз, но теперь все было гораздо хуже. Никакое бесконечное ускорение алеф-нуля движений глаза не смогло довести фокус внимания от «там внизу» до «здесь наверху». Независимо от того, как быстро и на какое расстояние я передвигал ориентиры, я не мог проследить путь до алеф-одного. Меня тянуло вперед. Я решил закрыть глаза.

Когда я снова открыл их, оказалось, что я смотрю на свои руки, вцепившиеся в прут. Костяшки побелели, а ладони взмокли. С трудом я разжал их и осторожно попятился на несколько футов от края. Я сел на пол и прислонился к стене. Франкс прилепился к противоположной стене и, высунув голову, рассматривал пропасть.

– А я думал, что достиг конца, – печально сказал он. – Один глаз смотрит вверх, а другой смотрит вниз. Мне уже начинает надоедать смотреть вверх. Ты знаешь, Феликс, сколько я уже пробыл здесь? На Саймионе?

– Не знаю. Долго.

– Тысячу двести лет по вашему летосчислению. Одну целую две десятых миллениума. Уследить за течением времени помогает общение с новичками, благослови Господь их

доверчивые сердца. Двенадцать веков – а это высшая точка на Горе Он, до которой я добрался. И любая бессмысленная туша, если только захочет, может пешочком прогуляться сюда по туннелю. Когда-нибудь это кончится? Неужели в конце концов нет бальзама в Галааде?

Я не мог понять, к чему он клонит.

– Ты хочешь сказать, что не знал о существовании этого туннеля?

– Ну разумеется, я знал об этом туннеле". Их полно, туннелей, ведущих на алеф-один, а если ты желаешь рискнуть и отправиться в пустыню, ты найдешь туннели на алеф-два, на алеф-алеф-нуль, к недоступным кардинальным числам. Я видел их, я заглядывал Богу под юбку, как и другие, – глазел, разинув рот, и уходил домой, оставшись прежним. – Он тяжело вздохнул. – По крайней мере я действительно взобрался на алеф-один.

По крайней мере у меня есть хоть это.

Я попробовал немного поднять его дух.

– Это же фантастика. Франкс, что ты взобрался так высоко. Скажи, как тебе удалось?!

– Я тебе больше скажу, Феликс. – Он уставился на меня одним фасетчатым глазом. – Я полагаю, что, будучи математиком, ты относительно невежествен, если не сказать невосприимчив, в тонкостях мистической мысли?

– Вообще-то я нетипичный математик, Франкс, что бы это в твоем понимании ни значило. Я читал кое-что из Плотина и немного занимался йогой. Но, нет, я не могу сказать, что действительно.

– Вот именно. Ты себя не просвещал. Так мало людей, действительно подготовленных к Саймиону. На Праге все иначе. Даже личинка, даже раб могут рассуждать так, как это сейчас буду делать я с твоего великодушного позволения.

– Только не забывай. Франкс. Я спросил тебя, как ты взобрался на алеф-один.

– Поток слов, обмен мнениями, какое наслаждение получаю я от этого. Специалист в области теории множеств.

Как удачно, что мы встретились, Феликс, и не только для тебя, одного из первых представителей своей расы, с которым я могу разговаривать, как с равным, если не как с жуком. Я почти мог бы сказать, что ты просвещен, если бы не твое прискорбное заблуждение, что ты не умер. Тебе нужно посмотреть в лицо фактам. Прими Свалку, из которой ты происходишь, обоими ее, и только после этого ты сможешь отбросить ее и двигаться вперед. Ты уже управляешь белым светом, хотя и при помощи

наркотиков, тогда как я только недавно достиг… – Он на минуту замолк, а потом с горечью пробормотал:

– Алеф-один, всего лишь алеф-один.

Похоже, что у него в голове поплыло. Я несколько минут просидел в тишине, обдумывая услышанное. Никто не хотел верить, что я действительно еще жив. Я думал, что я жив, но мне и самому не было ясно, как я собираюсь вернуться назад. Иисус сказал, что мне надо взобраться на вершину Горы Он, а тут Франкс сообщает мне, что за двенадцать веков он сумел подняться только до алеф-одного.

Мне стало интересно, как время здесь соотносится со временем на Земле. Я покинул землю во второй половине дня в четверг. Взлетел с Кэти из Бостона. А что, если я вернусь на Землю, а там пройдут тысячи лет? Моего тела давно уже не будет, и мне останется только вернуться на Саймион. С другой стороны, вполне возможно, что время здесь как бы перпендикулярно земному времени, и как бы долго я тут ни пробыл, когда я вернусь, все еще будет вечер четверга, тридцать первого октября 1973 года.

Я стал думать об Эйприл, о том, как она хмыкала на два тона, когда была счастлива. Мы познакомились в автобусе давным-давно, в 1965-м. У нее тогда была короткая стрижка и губная помада, и она слушала меня, как никогда не слушал никто другой. Она, наверное, беспокоится обо мне, вдруг подумал я. Я почти увидел, как она катит коляску с малюткой Айрис вниз по Тунцовой улице, белокурые локоны ребенка, гладкие темные волосы Эйприл, она поворачивает голову, смотрит…

– Ну и? – прервал мои мысли Франкс.

– Что? – В меня неприятно врезался камушек, на который я сел, и я немного подвинулся влево.

– Разве ты не хочешь послушать?

– Извини, Франкс. Я уже перестал понимать, о чем ты говоришь. – Я не собирался трепать себе нервы, дискутируя с ним на тему, жив я или мертв. Вдруг до меня дошло, что даже если я застряну здесь, Эйприл умрет и тоже явится на Саймион через пятьдесят – шестьдесят лет. Это стоило того, чтобы дождаться. Но к тому времени она уже найдет кого-нибудь, кого полюбит больше меня.

Франкс снова заговорил:

– Я собирался рассказать тебе, как я поднялся до алеф-одного, но, возможно, тебе уже не интересно?

– Нет-нет, я хочу услышать это.

У Франкса был вид безнадежного отчаяния, который бывает у человека, внезапно понявшего, что из ловушки нет выхода. Я

подумал, каково это – провести вечность на Саймионе? Даже самоубийство не было выходом… тебя тут же восстановили бы на ближайшей Свалке. Но разве не было возможности достичь в конце концов совершенного просветления, полного единения с Абсолютом, Единым, основой всего сущего, самим Богом? А еще был Ад.

Как будто почувствовав мой невысказанный вопрос, Франкс снова заговорил:

– Из Саймиона нет иного пути, как в Абсолют.

Много веков я искал этот путь. Пришло мое время остановиться, оно придет и для тебя.

– Минутку-минутку. Ты говоришь, из Саймиона нет иного пути, как в Абсолют. А как насчет Ада? У тебя был довольно встревоженный вид, когда ты решил, что я от Дьявола.

– Туше. Как там сказал благородный Вергилий?

«Спуститься в Ад легко, но возвратиться – ах, вот в чем трудность, вот что держит нас». Из Саймиона можно попасть в Ад, но обратно уже не вернуться. Только ваш спаситель, Иисус Христос, сумел проделать этот фокус. Симметрично, легко вообразить, что можно попасть на Небеса и никогда не вернуться оттуда. Должно существовать необратимое просветление, Небеса, единение с Богом, из которого тоже нет возврата. Должна существовать такая же возможность потерять себя в свете, как и потерять себя во тьме.

Я кивнул, и Франкс продолжил. Похоже, что рассуждения об Абсолюте проливали бальзам на какую-то его внутреннюю рану, и бешенство пополам с враждебностью, окрашивавшие начало разговора, стали понемногу стихать.

– Когда ты покинул меня, я продолжил восхождение на гору. Без такой ноши, как ты, это было гораздо легче, и скоро исчезла необходимость отталкиваться от скал. Я просто полетел, не касаясь склона. Далеко впереди я различал какое-то сияние. Летя к нему, глядя на него, я начал… – Голос Франкса затих, и мне пришлось побуждать его продолжить. – Я стал белым светом, – сказал он наконец. – Ты знаешь, как это. Это совсем не мешает. Я видел Единого, все было у меня в руках, а потом все снова стало серым, а передо мной лежали грубые, шершавые скалы. Я приземлился на алеф-одном.

– Что ты там раньше говорил о белом свете? – спросил я. – Красные огни – спящие, зеленые – умершие, а кто такие белые?

– Люди, использовавшие самодисциплину или какой-нибудь трюк, чтобы растворить свое тело и затем заново сформировать его где-нибудь в другом месте. Это достаточно просто для людей, особенно если они вдыхают дым дурман-травы. Но я не

принадлежу к расе наркоманов. Мы поэты, мистики, цари-философы.

Обозленный тон начал возвращаться к нему, и я прервал его. Я начал кое-что понимать.

– Останови меня, Франкс, если я ошибаюсь, но думаю, я смог понять, что тебя так огорчает. За все эти сотни лет здесь ты ни разу не смог стать белым светом. – Он попытался что-то сказать, но я повысил голос, заглушая его:

– Затем на Горе Он это наконец произошло. Ты увидел Свет. Ты стал Светом. Годы твоих исканий в конце концов окупились, и ты ступил на Небо. – Он молча кивнул, и я продолжил:

– Может быть, это понравилось тебе, а может быть, нет. Но ты вернулся. Ты материализовался на полпути к вершине Горы Он, так же далеко от Абсолюта, как всегда.

Ноги Франкса подергивались, он говорил сдавленным шепотом:

– Я хотел остаться там, Феликс, я хотел. С меня хватит. Нужно когда-то остановиться. Но теперь мне страшно, страшно вернуться. Абсолют – это Все, но это и Ничто.

Я провел рукой по его длинной изогнутой спине.

– А кто-нибудь когда-нибудь УХОДИТ навсегда?

Чтобы быть с Богом?

Лик его печали миновал, и ноги Франкса снова успокоились. Его сухие, лишенные выражения глаза смотрели на меня. Я почувствовал, что он что-то скрывает.

Никто не знает. Люди белеют и исчезают, но, возможно, они просто материализуются где-то в другом месте на Саймионе. В конце концов он же бесконечен.

Он с минуту не произносил ни звука, затем, с видимым усилием, он снова заговорил в своей обычной закрученной манере:

– В любом случае по-настоящему в наших походах замечательно то, что ты достиг "с", а я – алеф-одного. Ты вымыслил все свои возможные жизни и охватил их как совокупность. Fiat «Жизни Феликса Рэймена» Imprimatur и Nihil Obsfat <Да будет напечатано – и никаких проблем.>; Энни, дай мне телепрограммку. Нет, не останавливай меня, я хочу подчеркнуть нечто важное. Единое и Многое, Феликс. Ты видел Многое, а я видел Единое. – Его голос надломился, но он продолжал:

– Я видел Единого, я был Единым, но потом я уцепился за него, попытался удержать. Я.., я убил его взглядом и закончил свой путь на алеф-одном.

– Это называется Принципом Отражения.

– Пожалуйста, поподробнее. Я впервые об этом слышу.

– Принцип Отражения – это старинное теологическое понятие, которое мы используем в теории множеств: любое конкретное описание полной вселенной теории множеств также применимо к какому-либо множеству в составе этой вселенной. Любое описание Абсолюта также распространяется на какое-либо ограниченное, относительное явление.

Франкс разочарованно фыркнул.

– То, что ты сейчас сказал, означает, что Абсолют непознаваем. Это самое элементарное учение мистицизма.

– Да, но мне кажется, ты все еще не понимаешь, как это связано с Горой Он. Когда ты белеешь и тебя фактически там уже нет, то нет и индивидуума, как нет " представления об Абсолюте. Но ситуация нестабильна.

Абсолют делится, старается выйти за собственные рамки и – бамц! – сидит жук на склоне и смотрит на алеф-один.

Мое сознание было ясным. Хоть раз Франкс не нашел что сказать. Мы смотрели сквозь арку на глубокой синее небо, такое чистое, безупречное.

Но что-то там все-таки было. Темный силуэт, округлый сверху, с тремя свисающими с него меньшими объектами. Это был проводник с тремя восходителями.

Но он больше не летел к вершине горы. Вместо этого он удалялся от горы по очень большой петлевидной кривой.

Куда они направлялись? Я посмотрел вниз мимо чередующихся полос зелени и камня на далекое-далекое море.

Море выдавалось за плоский склон плавным изгибом, и у меня создалось впечатление, что проводник нес альпинистов туда. Но что было там? Что-то вроде мерцающего оранжевого света виднелось за морем, но как я ни щурился и ни вглядывался, я ничего не мог рассмотреть.

Снова посмотрев на небо рядом с нами, я заметил кое-что еще – яркое пятно, которое, казалось, двигалось прямо на нас. Очень быстро. Не успел я пригнуться, как – ХОП! – и две руки повисли на пруте в арке.

Две руки в рукавах от темно-серого костюма с выступающими белыми манжетами. Руки тихо раскачивались взад-вперед.

Франкс угрожающе зашипел и медленно попятился прочь от этих рук с распахнутыми, готовыми вцепиться жвалами. Я последовал его примеру, и мы отступили глубже в туннель. Но тут еще одна вспышка яркого света влетела к нам. Вспышка замерла между руками, выпустила несимметричные выросты, потемнела и отвердела.

Перед нами, держась руками за прут, вставленный в арку,

стоял Георг Кантор. Его пронзительные голубые глаза заметили нас, и он слегка улыбнулся:

– Феликс Рэймен и.., простите, мы с вами не встречались?

– Меня зовут Франксом, – сказал жук, потом гордо добавил:

– Сегодня я взобрался сюда, всю дорогу до алеф-одного. А у этого моего дружка есть книга с "с" страниц прямо в кармане парки. Феликс, достань, покажи ему.

Ни фига себе, «дружок»!

Я принялся доставать книгу, а Франкс трещал не переставая:

– Почему бы нам просто не стать здесь и не сравнить книгу со скалами? Мы прямо тут и решим твою проблему.

Кантор чуть напрягся.

– Вы говорите о проблеме континуума?

Я протянул ему книгу. Мне было неловко. Предложение Франкса казалось мне разумным, но я был уверен, что в нем есть какой-то глупый порок, который Кантор не преминет язвительно разоблачить.

– В ней "с" страниц, – сказал я, кивая и улыбаясь. – Франксу стало интересно, не сможем ли мы сравнить ее, сопоставляя страницу за страницей, с вон теми скалами… – выговорил я, запинаясь, и умолк.

– Приступайте, – сказал наконец Кантор. – Я не хочу мешать вам.

Я подошел к краю и посмотрел вниз. На этот раз я был готов и не испытал головокружения. Я решил вести взглядом вверх по скалам, загибая уголок новой страницы – по одному на каждый следующий каменный пояс. Если к концу этой процедуры окажется, что все уголки загнуты, я буду знать, что "с" такого же размера, как алеф-нуль, и что Многое может быть сведено к Единому.

Но это оказалось не так-то легко. В моей книге не было ни первой, ни последней страницы. Где бы я ни раскрыл ее, это была другая, но никогда не следующая страница. Последовательность скал, с другой стороны, была великолепно упорядоченной. Над каждой скалой или множеством скал обязательно была единственная следующая скала. Алеф-одна скала и "с" страниц были двумя неисчислимыми совокупностями, каждая имела свою естественную организацию.., и не было никакого явного способа сравнить их. Это было все равно что делить яблоки на апельсины.

Без особой уверенности я вошел в ускорение, но через некоторое время сдался. Чтобы проработать всего алеф-одну скалу, мне придется снова побелеть. А я не знал, как это сделать.

– У меня не получается обработка неисчисляемых множеств, – сказал я, подавая книгу Кантору. – Вы не могли бы…

Он отмахнулся от книг", – На сегодня я работу закончил. Вместо этого я свожу вас к Элли. Пошли. – Он зашагал по туннелю.

Мне пришлось бежать трусцой, чтобы не отстать от него.

– Вы действительно знаете величину континуума?

Эта проблема имеет решение?

– Для математиков это все очень трудно, – хмыкнул он. – Но математика – это еще не все, нет? Есть физика, есть метафизика.

Он зашагал еще быстрее, и мне уже пришлось бежать, чтобы держаться рядом. Франкс, раскачиваясь, бежал по потолку сразу позади нас.

Кантор продолжал:

– Если бы я еще был на Земле, я бы провел определенные эксперименты, определенные физические опыты, которые прекрасно разрешили бы проблему континуума.

Я едва сдерживался.

– Какие опыты? Как они должны работать?

– Эта идея вытекает из моей статьи 1885 года. – Он явно импровизировал. – Если бы существовала третья основная субстанция в дополнение к массе и эфиру, мы бы знали, что мощность "с" по меньшей мере равна алеф-двум. Но это Саймион, и тут нам и торчать. – Тут он замолчал и удвоил скорость.

Я уже не мог двигаться наравне с ним и довольствовался тем, что бежал следом. Мне было интересно, какого рода эксперимент он имел в виду. Я специально постарался закрепить в памяти дату – 1885 год. Надо будет найти эту статью, когда вернусь на Землю. Если.

Мы бежали, а мимо текли стенки туннеля. На этот раз расстояние казалось больше, чем то, что мы прошли до этого. Я всегда испытываю в туннелях странное чувство. Вы идете или едете с максимально возможной скоростью, а ничто не движется. Вокруг тебя один и тот же круг, полоска света, изгиб впереди, застывший шаблон.

Появляется ощущение, что даже если крутануть руль, все равно ничего не изменится. Это всего лишь игра на дешевом игровом автомате…

15. ЧАЕПИТИЕ

Когда мы были как раз в середине толщи Саймиона, Кантор остановился у круглой двери, врезанной в потолок. Это была массивная дверь с наборным диском, похожая на сейф. Он махнул рукой в сторону циферблата;

– Вы математик, мистер Рэймен. Может быть, вы сумеете открыть замок?

На диске было только десять отметок, промаркированных от 0 до 9. Я ни с того ни с сего сделал вывод, что комбинация должна быть цепочкой из алеф-нуля цифр, десятичное разложение какого-либо действительного числа. Но какого действительного числа?

Я потянулся вверх и медленно повернул диск по часовой стрелке, прижимая вторую руку к двери. И услышал, как кулачок упал на 3. Я изменил направление и потихоньку стал поворачивать диск против часовой стрелки. Другой кулачок щелкнул на 1. Есть только одно, знакомое мне, действительное число, начинающееся с тройки и единицы. Если моя догадка верна, остальное будет просто.

– «Как, о, хочу я водки, алкоголик бы упился после тех тупых вопросов, собранных глупыми детишками». – Я медленно продекламировал эту бессмыслицу, поворачивая циферблат влево и вправо. Эта фраза – хорошо известный мнемонический прием для запоминания первых пятнадцати цифр числа 71. Подсчет количества букв в словах дает 3,14159265358979. На каждой цифре кулачок щелкал. Наверняка это было ТС. Я вошел в ускорение.

Простой способ получения полного десятичного ряда П заключается в суммировании особой бесконечной последовательности: 4/1 – 4/3 + 4/5 – 4/7 + 4/9 – 4/11 + …

Я начал складывать и набирать цифры по мере их появления. Мне потребовалась для этого пара минут, но у меня шея одеревенела от того, что я не отрываясь смотрел на циферблат.

Наконец я закончил. Изнутри тяжелой двери послышалось радующее душу ТОК. Еще одна призовая игра.

Я толкнул, и дверь распахнулась. Оттого, что я долго держал руки поднятыми, одни устали, и я позволил им опуститься.

– Очень хорошо, – сказал Кантор. – Теперь тысяча метров наверх.

Я всмотрелся в тускло освещенную шахту и разглядел с одной стороны металлические кольца, вделанные в стенку трубы, диаметр которой почти соответствовал телу человека. Тысяча

метров вертикально вверх – это не шутка для человека в возрасте Кантора. Я что-то сказал на этот счет, но он заверил меня, что с изменением гравитации подъем станет легче.

Если на Франкса мой подвиг и произвел впечатление, он отлично скрыл это. Пока мы с Кантором разговаривали, жук вскарабкался по моей спине к потолку и скрылся в раскрытой двери, как будто я был куриной косточкой, прислоненной для его удобства к мусорному ведру. Кантор взял меня за руку.

– Где он к вам прилип?

– Франкс? – переспросил я, взглянув наверх и при этом отступив назад. Я слышал его царапанье футах в пятидесяти над моей головой. Он все еще был моим единственным другом, хотя и вел себя так странно. – Он из мира, называемого Прага. Мы познакомились в отеле Гилберта и вместе вскарабкались до эпсилон-нуля. Там я вдохнул дурман-травы, пробыл немного в Стране Снов и вновь обрел" форму в Библиотеке. Тем временем Франкс летел все выше и выше. Он видел Единого, слился с ним, а потом применил Принцип Отражения и оказался на алеф-одном. Мне кажется, он расстроен, потому что не смог остаться белым.

– Он сумел бы, если б хотел этого по-настоящему, – заметил Кантор. – Это как раз через пустыню.

Больше он ничего говорить не собирался, поэтому я двинулся вперед. Он закрыл дверь за нами.

У трубы были металлические стенки, и единственным освещением служили иллюминаторы, прорезанные в металле и открывающие вид на светящийся лед Страны Снов. Каждый шаг по металлическим ступенькам отдавался громким эхом. Разговаривать было невозможно.

Мне стало интересно, не состоит ли вся внутренняя часть Саймиона из кристаллического вещества сновидений.

Как и пообещал Кантор, восхождение становилось легче и легче. Хотя труба была абсолютно прямой, скоро появилось ощущение, что она отклонилась от вертикали.

Далеко впереди можно было разглядеть Франкса, когда он миновал световые пятна, и чтобы нагнать его, я двигался без передышки. Нужные для этого движения были простыми и повторяющимися. Мое тело бежало само.

Кантор следовал за мной футах в двадцати.

Когда металлические перекладины закончились, мне понадобилась секунда, чтобы осознать это. Труба стала шире и превратилась в застланную ковром лестницу. Я прополз несколько ступенек, прежде чем понял, что могу нормально идти по ним. Франкс сидел на корточках перед дверью на верхней

площадке.

– Феликс, – позвал он меня, – если тебя не затруднит, не будешь ли ты так любезен спросить у своего коллеги-математика, что…

Позади меня стихли шаги Кантора.

– Позвоните.

Лестница была застлана красно-синей дорожкой, удерживаемой на месте латунными прутьями. Стены и потолок были облицованы темным деревом, а источником света служили вделанные в стену канделябры со свечами.

Голова постепенно прояснялась после долгого нудного подъема. Франкс все еще тяжеловесно разворачивался на месте, когда я достиг площадки. Я потянулся и нажал на кнопку звонка у него над головой.

Приблизились быстрые шаги, и дверь распахнулась.

Там оказалась похожая на скелет женщина в сером шелковом платье. Обилие ювелирных украшений, бриллианты, золото, платина. Я решил, что она стара, но наверняка сказать не мог. На лбу и висках у нее проступали черепные швы, десны оттянулись далеко от зубов, а узловатые колени напоминали галлы на стебле травы.

– Здравствуй, Георг! – произнесла она легким, высоким голосом. – Приятно видеть тебя благополучно вернувшимся с Изнанки. Я уверена, что ты полон новых идей и.., и много чего еще. – Ее взгляд упал на меня. В глазах ее сверкала странная искра.

– Это доктор Феликс Рэймен, – сказал Кантор, – а…

– Меня зовут Франкс, – перебил жук, вероятно, беспокоясь, что его забудут представить.

– А это мадам Элизабет Люфтбаллон, – закончил фразу Кантор.

Она улыбнулась и сделала шаг назад.

– Зовите меня просто Элли. И входите. Я обожаю знакомиться со студентами Георга.

Она сверкнула мне отдельной улыбкой. Несмотря на ее высохший вид, было в ней какое-то обаяние. Совершенная конфигурация ее улыбки и идеальная симметрия напомнили мне засахаренные лимонные дольки.

Кантор провел нас мимо нее в комнату рядом с холлом. Ее обстановка напоминала отель Гилберта, особенно восточные ковры и симпатичный антиквариат. Там было еще несколько музыкальных инструментов. Пианино, скрипка, клавесин.

Венецианское окно с импостом выходило на непрерывно изменяющийся пейзаж вроде того, что я видел в Библиотеке

форм. Я с минуту поглазел в него, потом повернулся лицом к комнате.

Кантор потихоньку переговаривался с Элли у двери, а Франкс обнюхивал все вокруг. Они явно ожидали гостей. Там был чайный столик на тонких ножках с чайными приборами и красивым шварцвальдским тортом.

– Это начинается снова, – прощебетал мне Франкс.

Одна его нога нервно дернулась.

– Что начинается? – Я плавно переместился поближе к торту. Он состоял в основном из взбитых сливок, посыпанных курчавой шоколадной стружкой. Я был готов попробовать саймионской еды.

Франкс собачкой следовал по пятам, а голос его звенел от волнения:

– Твои пророчества снова начинают сбываться. Я все это читал. Про эту комнату, про торт, эти слова, и снова ужасная смерть приближается ко мне на шуршащих крыльях!

Он когда-нибудь думал о чем-либо, кроме себя самого? Я надеялся, что у меня здесь получится интересная беседа с Кантором, а тут Франкс был готов снова впасть в свое бредовое состояние. Я обернулся и резко бросил:

– Сделай что-нибудь, чего нет в сценарии. Что-нибудь неожиданное. А если не сможешь – твои проблемы. Будешь доставать меня, и я сам прошибу тебе голову.

Не успел я еще закончить, как он взвизгнул «Свободен!» и прыгнул на меня. Я вздрогнул, оступился и, сдавленно крикнув, упал назад. В падении я зацепил локтем чайный столик. Он развалился, и торт с чаем взлетели в воздух.

– Этого не было в сценарии, – высвистывал счастливый Франкс. Я проигнорировал его и попробовал сесть.

Элли исчезла, но Кантор стоял у двери, наблюдая за нами с оживленным, заинтересованным выражением.

Я принялся собирать разбросанные чайные предметы. Ковры были мягкими, и ничего, кроме столика, не пострадало, но взбитые сливки и горячий чай разлетелись повсюду. Франкс не тратил времени даром и зарылся в раздавленном торте.

– Простите, – сказал я, поднимаясь. – Я надеюсь. – .

Кантор прервал меня движением руки.

– Ничего страшного. Элли всегда рада гостям. – Он неожиданно повысил голос и крикнул:

– Элли! У нас тут происшествие! Принеси, пожалуйста, еще чаю и чистые чашки!

Франкс подъедал последние крошки и мазки с пола.

Кантор подошел к нему и резко пнул ногой.

– Эй! Чаю не хотите?

Почувствовав недружественное прикосновение, Франкс развернулся с предупреждающим шипением. Но потом он вспомнил о хороших манерах и чирикнул:

– Да, пожалуйста. В плошке, с молоком и, наверное, с корочкой хлеба. Желательно в плошке синего фарфора.

Кантор передал заявку дальше. Я снял ботинки и парку и сел, скрестив ноги, на пурпурной кушетке с большими бархатными подушками. За окном узор из цветных линий начал складываться в объемную спираль. Поблизости плавал красный огонек. Спираль отвердела и стала прыгать во все стороны, как ожившая диванная пружина.

Появились еще спирали и стали танцевать друг с другом.

– Что это там такое? – спросил я Кантора.

Он уселся в массивное кресло с подлокотниками, а Франкс разлегся на полу, глядя одним глазом в окно, а вторым на нас. Я надеялся, что хоть какое-то время он не будет чувствовать потребности в неожиданных поступках. Спирали превратились в гусениц шелкопряда и стали окружать световое пятно разноцветной паутиной.

– Это сны, – сказал Кантор своим глубоким голосом. – Пятна красного света – это спящие.

– Мне все об этом говорят. Но значит ли это, что те пятна света создают все… – Я смолк в поисках подходящего слова.

Паутина образовала целую палатку, которая продолжала расти в размерах. В одной стенке было отверстие, через которое можно было увидеть пятно света, нежно движущееся вверх и вниз внутри влажного туловища огромной личинки.

– Феличе! – воскликнул Франкс, рывком бросившись к окну. – Драгоценная моя!

Туловище личинки сотрясла мелкая дрожь, а на ближнем к окну конце тела появилось что-то вроде рта. Красный огонек порхал вокруг, как пчела вокруг цветка. Франкс поднялся у окна на задние лапы и щебетал что-то невразумительное. Из его задней части высунулись и торчали два возбужденных волоска. Большая капля молочно-белой жидкости скользнула по ним, повисела, дрожа, и сорвалась на ковер.

Вдруг палатка сложилась, и световое пятно метнулось влево. Разноцветные полотнища рванулись следом и начали трансформироваться в сердитые лица. Вдали промелькнуло другое световое пятно. Франкс соскользнул с окна и принялся безо всякого смущения обнюхивать мокрое пятно под собой.

– Она выглядела точно как моя подружка. Наверное, этот спящий был с Праги.

Кантор кивнул.

– Спящие обычно выискивают подходящие им видения. Но… – он погрозил мне пальцем, – спящие не создают эти видения. Они наблюдают их, они переживают их; даже если все спящие исчезнут, видения все равно останутся здесь. Это как с множествами, не так ли?

За окном вырос кружок из грибов. У них были жестокие, насмешливые лица. Среди них неуверенно двигался красный огонек.

– Я хочу разобраться, – сказал я. – Там находятся все потенциально возможные сны. Когда кому-нибудь что-нибудь снится, он превращается в пятно красного света и попадает в Страну Снов. Повинуясь какому-то инстинкту, он выбирает несколько подходящих снов, переживает их, а затем возвращается в свое обычное тело?

Но тут Элли внесла чай. Она немного нахмурилась, когда увидела обломки столика.

– Георг, тебе придется купить мне другой. В Тракки открылся новый антикварный магазин.

– Еще один? – вздохнул он. – Неужели это так…

Не дав ему развить его возражения, Элли снова заговорила:

– А это твои студенты? Тебе будет полезно позаниматься с ними. У тебя вот-вот начнется одна из твоих ужасных депрессий, я знаю.

Кантор повел рукой в вялом, отгоняющем жесте.

– Больше никаких студентов, Элли. Только Бог может учить. Но мы, безусловно, будем рады, если они погостят у нас. – Он вопросительно посмотрел на меня.

Я кивнул, и он продолжил:

– Мистеру Рэймену понадобится кровать. – Он нахмурился на Франкса:

– А как быть с вами?

– Я воспользуюсь полом в комнате Феликса. Нет, стеной. Я имею в виду, потолком. – Он замолчал, явно опровергнув очередное пророчество.

– Ты не возражаешь, родная моя? – спросил Кантор у Элли.

– Конечно, нет, Георг. Нам обоим не повредит компания. – Она как-то странно посмотрела на меня, не отводя глаза дольше, чем это было бы удобно. – Не, хотите ли немного бренди?

– Да, с удовольствием. Это было бы отлично.

Она снова вышла из комнаты, а Кантор вернулся к разговору со мной:

– Что же там было.., да. Пятна света. Спящий проникает сюда пятном света, которое он носит в эпифизе, шишковидной железе.

Эти красные огни – как глаза.

Глаза, которые могут свободно пересекать внеразмерный мост, соединяющий Землю со Страной Снов. А после смерти остается лишь свет и кое-что еще.

– Но это совсем не воспринимается, как сон, – возразил я, – И.., и комната не меняется.

Из кухни донеслось громкое хихиканье, за которым последовал грохот.

– Элли! – крикнул Кантор. – Ты в порядке?

Последовал едва различимый ответ. Кантор снова посмотрел на меня.

– Конечно, это не сон. Будь это мой сон, не стал бы я жить в доме такой женщины. Сны – там, снаружи. – Он сделал жест в сторону окна. – Как вы уже, наверное, знаете, Саймион похож на огромный блин. Лицевая сторона. Изнанка, а между ними – Страна Снов. По большей части она покрыта грязью и камнями, но в этом месте она выходит прямо на поверхность. Снежные бури питают ледник, а ледник – это и есть Страна Снов.

Элли принесла бутылку бренди и три стакана. Он наклонилась, разливая напиток, и явно нарочно толкнула меня своим увядшим задом. Неужели у такой женщины могут быть сексуальные помыслы? Она села на диван рядом со мной. Я плеснул немного бренди в плошку Франкса, и мы с минуту молча смаковали.

Меня беспокоил еще один вопрос.

– Я не вижу большой разницы между этим местом и отелем Гилберта. Я мог оперировать исчисляемыми бесконечностями там, и я могу делать это сейчас. Но как насчет алеф-одного и "с"? И более высоких бесконечностей? Когда я действительно увижу их?

– Это зависит от того, что понимать под "я", – сказал Кантор. Я вопросительно поднял брови, но он покачал головой. – Ничего хорошего не выйдет, если я буду стараться объяснить это. Вы все еще рассуждаете, как математик. Надо только верить в Бога. – Он налил себе еще чаю. – Вы играете? – спросил он вдруг.

Я не сразу понял, что он имел в виду, но Франкс тут же пропищал:

– Я довольно прилично изображаю флейту. Может быть, сыграем дуэт?

Кантор впервые улыбнулся ему.

– Немножко Скарлатти, Элли?

– О да, Георг. Один из концертов.

Она перешла к клавесину и села за него. Франкс следом. Она дала ему сборник нот, который он моментально просканировал и

вернул.

– Я к вашим услугам, – заявил Франкс. – Какой стиль вы предпочитаете – саймионский или классический?

– О, дай мне обертоны, – сказала Элли, игриво трогая струну. Она ударила пальцами, и в воздухе повисли резкие звуки. Франкс вытянул голову вперед и испустил чистейшее «до», красиво округленное и украшенное легким тремоло.

Они заиграли. Кантор довольно вздохнул и, прикрыв глаза, поглубже уселся в своем кресле. Обычно мое восприятие музыки не идет дальше Роберта Джонсона, но. имея саймионские уши, я все слышал иначе. Франкс громоздил бесконечные последовательности обертонов на каждой ноте, а Элли вставляла мириады маленьких добавочных нот между каждой парой нот, написанных Скарлатти. Рисунок из звуков мерцал вокруг нас и наполнял мои чувства. Добрые, гармоничные мысли наполняли мое сознание.

Они играли долго, минут сорок. Где-то ближе к концу Кантор заснул. Это было легко заметить, потому что сквозь его закрытые глаза стал струиться тусклый красный свет. На миг мне показалось, что он истекает кровью, но затем свет оформился в шар, зависший в воздухе рядом с его головой. Астральный глаз сновидений Кантора. Он подмигнул мне и проплыл через комнату, а потом и сквозь стекло. Он еще немного повисел там, а потом стремительно улетел на поиски совершенного сна.

ЧАСТЬ 3

«В контексте нео-рока мы должны раскрыть глаза и ухватить, и разодрать дымовую завесу, которую человек называет порядком».

Пэтти Смит

16. НАДУВНАЯ СЕКС-КУКЛА

Тело Кантора все еще находилось в кресле, но только внешне. Совершенно очевидно, что большая его часть перетекла в этот глаз сна. В кресле сидела лишь его оболочка – полупрозрачная, зеленоватая, нереальная. Мне стало интересно, надолго ли он ушел. У меня оставалось так много вопросов.

Франкс и Элли завершили дуэт стремительным арпеджио из алеф-нуля нот, и я тихонько поаплодировал.

– Это действительно было очень мило. Но похоже, профессор заснул. – Я чувствовал себя довольно скованно наедине с жуком и с этой тощей дамой.

Она снова села рядом со мной и налила себе свежую порцию бренди. Франкс стал в деталях рассуждать о тонкостях сочинений Скарлатти, а она внимательно слушала. Но даже при том, что она казалась сосредоточенной исключительно на словах Франкса, она непрерывно терлась о мое бедро, возможно, неосознанно флиртуя. Не могло быть и речи о сексе с такой женщиной – она бы сломалась, как дощечка. Но мои бездумные самцовые инстинкты побуждали меня самоутвердиться и завоевать ее внимание.

Как только Франкс остановился перевести дыхание. я взял руководство беседой на себя:

– Как жаль, что он уснул. Я хотел еще порасспросить его о проблеме континуума. Он высказал предположение, что ее можно решить на Земле при помощи физического эксперимента.

Пока я говорил, Элли не отрываясь смотрела мне в глаза, и язык мой стал толстым и неповоротливым. Что было такое в этой женщине? По всем разумным стандартам она была отталкивающей, почти уродливой, но ее окружала эротическая аура.

– Не всегда следует воспринимать Георга всерьез, – сказала она. – Я сама слышала, как он доказал, что пьесы Шекспира написал Бэкон, а Иосиф был биологическим отцом Иисуса Христа. Он любит ошарашивать людей.

– Он сказал еще, что существует метафизический подход к проблеме континуума, – продолжил я. У нее была такая обаятельная улыбка. – Вы что-нибудь об этом знаете?

– Да. – начала она, – он говорит, что нужно стать…

Но ее перебил резкий скрип Франкса:

– Я понимаю, что рискую быть обвиненным в государственном преступлении – оскорблении монарха, – но как вы, теоретики множеств, можете быть так уверены, что "с"

действительно больше, чем алеф-нуль? Безусловно, все это чистейшей воды поэзия. Все бесконечности, по сути, одинаковы. Почему не может существовать отображения реальных чисел на точки континуума, отображения, которое про-. сто проглядели? Быть человеком – значит ошибаться, Феликс. – Он снисходительно хмыкнул.

Я был почти уверен, что он не верит в то, что сам говорил.

Но я был рад этому вопросу. Я знал, как именно на него следует ответить, и мне не терпелось использовать такой шанс, чтобы блеснуть. Я достал свою книгу из кармана парки.

– Посмотри, Франкс, в ней "с" страниц. Чтобы доказать, что "с" больше, чем алеф-нуль, мне нужно только продемонстрировать, что, каким бы образом ты ни раскрывал алеф-нуль страниц, я всегда смогу осуществить процедуру для выявления по меньшей мере одной страницы, которую ты пропустил.

– Подождите, – сказала Элли, поднимаясь. – Не обязательно использовать книгу. У меня есть кое-что получше.

Она пересекла комнату, нашла картонную коробку и вернулась. У нее была жеманная походка, от которой все ее тело раскачивалось, и вновь я должен был напомнить себе, что она мало чем отличается от скелета.

– Когда Георг здесь, он не разрешает мне доставать их. – Она вручила мне коробочку. Это была колода карт. Под ее неотрывным взглядом я вынул колоду из пачки. Она жадно наблюдала за моей реакцией. Я посмотрел на верхнюю карту.

Темноволосая женщина с полными губами и волосатыми подмышками. Мужской затылок. Мое сердце забилось быстрее. Франкс взгромоздился на подлокотник дивана и тоже глазел. Я подрезал колоду. Пухлая задница, а в верхнем углу лицо, раздувшееся от страсти. Снял.

Мужчина, стоящая на коленях женщина. Снял. Две женщины стоят и… Хм-ммм.

В мои мысли ворвался голос Франкса.

– Это каталог осеменения? У нас тоже есть такие.

У меня на шее вздулись вены, и говорить стало трудновато. Я кивнул и положил колоду на стол. Элли все еще пристально смотрела на меня. Она медленно облизнула губы. Я не смел встретиться с ней взглядом.

– И что, здесь "с" листов? – вкрадчиво спросил Франкс. – Отлично, покажи свой фокус и найди карту, которой не окажется в алеф-нуле карт, которые я вытяну.

Мне стоило большого усилия не обращать внимания на картинки. Я все еще не был уверен, что понял, какой реакции

ожидала от меня Элли. Возможно, это был какой-то мудреный способ выставить меня на посмешище.

Я подрезал колоду, разделил ее на две части и положил обе половины на стол.

– Итак, Франкс, мы войдем в ускорение. Ты вытянешь подряд алеф-нуль карт, а когда ты закончишь, я найду ту карту, которую ты не вытянул.

Франкс вытянул карту из левой стопки, а я снова подрезал и разделил пополам правую стопку.

– Тяни следующую.

На этот раз он вытянул карту из одной из стопок справа, а я подрезал и разделил стопку, из которой он еще не брал карты. Мы продолжили в этом духе. Я каждый раз подрезал и делил нетронутую стопку, которая становилась все тоньше, но не настолько, чтобы исчезнуть.

После алеф-нуля ходов Франкс вытащил, похоже, всех блондинок, что были в колоде, а в нетронутой стопке все еще оставалась одна карта. Нахальная мордастая девица с притворной скромностью возлежала на белой постели. На какое-то мгновение мне показалось, что это Эйприл.

Прежде чем Франкс успел что-то сказать, заговорила Элли:

– Вы не желаете пойти в постель, доктор Рэймен? – Она встала и начала расстегивать спереди свое серое платье.

Ее пупок выглядел как-то забавно. – Смотрите, – сказала она, теребя его. – Я надуваюсь.

Я осторожно шагнул назад и наступил на Франкса, который с любопытством тянулся вперед. Я потерял равновесие, а когда восстановил его, Элли уже вытянула из стены воздушный шланг. Она закрепила его на клапане в пупке.

– Феликс, скажите, когда хватит.

Она начала раздуваться. Сначала груди. Они росли и росли, да так, что ей пришлось сбросить платье и лифчик. Печального вида старые трикотажные рейтузы повисли на костлявых бедрах. Груди продолжали расти, скоро перейдя грань между привлекательным и гротескным. Она вытянула руки вперед и сдавила свои огромные молочные мешки. Часть воздуха перетекла в ее бедра и ноги. Она держалась за груди, пока нижняя половина не надулась так, как следует. Теперь ее рейтузы оказались тесноватыми и плотно натянулись на широком лобке и налитых ягодицах.

Она отсоединила шланг и повернулась, чтобы ослепительно улыбнуться мне своими тонкими губами и увядшими деснами.

– Ваше лицо, – сказал я в оцепенении. – Вы забыли о нем.

Элли хихикнула и, сжав свое тело, села на корточки.

Постепенно черты ее лица стали наполняться. Десны снова наползли на зубы, губы стали пухлыми, щеки окрепли… даже волосы у нее стали гуще. Она стала похожа на одну из женщин в карточной колоде. Возможно, она и позировала для них.

– Я заметила, какие карты вам понравились, – нежно сказала она. Она взяла меня за руку. – Пойдемте.

– Мне не следует, – слабо запротестовал я.

Она молча потащила меня в спальню.

Франкс наблюдал за нами с потолка, иногда чирикая что-то в изумлении. Когда мы закончили, я стал задремывать, но Элли разбудила меня.

– Давай куда-нибудь сходим, Феликс. Я хочу танцевать.

– На горе? Там же одни камни. – Честно, мне совершенно не хотелось снова топать по туннелю.

Она еще раз сильно меня тряхнула и вытащила из-под кровати какую-то странную одежду.

– Не на горе, а в городе. Тракки. Я знаю там миленький супер-клуб.

Через несколько минут Элли уже была совершенно одета. На ней были розовые тореадорские панталоны и резиновая курточка, которая больше смахивала на намотанный вокруг тела шланг. Я снова натянул на себя свой спортивный костюм, а Франкс сполз с потолка. Элли сказала, что на дворе лето, и я не взял свои лыжные ботинки и парку. Но я вернулся в гостиную и захватил свою книгу. В конце концов, кто знает, вернемся мы обратно или нет. Кантор все еще легко покоился в своем кресле. Он напоминал высохший лист. Я молча отсалютовал ему и вышел в холл.

– Никому ее там не показывай, – предупредила Элли, заметив, что я захватил с собой книгу.

– Почему нет?

– У них там гораздо меньше бесконечностей. – Она звучала так осторожно.

– И что, они бы расстроились, если бы увидели несколько новых?

– В Тракки полно людей, которые чего-нибудь боятся. Но в клубе все иначе.

Втроем мы вышли наружу.

Я наполовину ожидал оказаться на Горе Он или в Стране Снов, но их парадная дверь выходила на жилую городскую улицу, заставленную рядами припаркованных помятых старых машин. Город расстилался на уходящем вниз склоне холма. Стояли сумерки, горели желтоватые уличные фонари. Там были деревья, и теплый ветерок шелестел в листьях. На тротуарах и каменных

стенах домов плясали тени. Мы тронулись. Было тихо, и эхо разносило звук наших шагов.

– Где Страна Снов? – спросил я у Элли.

Она встряхнула головой, расправляя длинные волнистые волосы.

– Это с черного хода. Я живу здесь, потому что это тройственная точка. Тракки спереди, Страна Снов сзади, а Гора Он прямо в конце туннеля.

Мы все еще никого не встретили. Это было мое любимое время суток – время, когда серый свет заливает город и все вещи лучатся собственной светящейся значимостью. Похоже, Элли хорошо знала дорогу. Мы следом за ней сворачивали за углы и шли по пустынным, обсаженным деревьями улицам. Тут и там нам попадались переполненные мусорные баки, и Франкс урывал себе какой-нибудь лакомый кусочек.

Вокруг были в основном жилые дома, но мы увидели несколько больших зданий, которые вполне могли оказаться храмами. Они были освещены, а изнутри доносились голоса. Я подумал о том, какую религию могли исповедовать горожане. Я зашагал в ногу с Франксом. Он был необычайно молчалив.

– Что ты думаешь об этом. Франкс? Ты раньше бывал в Тракки?

– Мне не следовало сюда идти, – мрачно ответил он. – Мне тут пробьют голову. Я должен что-нибудь сделать, но я так устал, Феликс, течение истории слишком сильно для меня.

Тут я впервые поверил ему.

– Мне будет не хватать тебя.

– Мы еще встретимся. – Я собрался было спросить его о чем-то еще, но он оборвал меня:

– Осталось не так много времени. Тебе нужно кое-что узнать. Ты скоро сам начнешь замечать. Все – живое. Не забывай. – Он притормозил и вытащил из сточной канавы кем-то недоеденный бутерброд.

– Что ты пытаешься мне сказать. Франкс?

Его ответ прозвучал глухо:

– Сам увидишь. Смотри в оба. А мне надо набить брюхо, пока я еще могу. – Он метнулся к другому мусорному баку.

Свет мерк, и Элли ускорила шаг. Иногда мимо нас проезжала машина, обдав нас вонью выхлопных газов.

Несколько раз мы проходили мимо людей на тротуарах, но когда они видели Франкса, у них суровели лица. Они явно не привыкли к чужим.

Я схватил Элли за руку, чтобы притормозить ее.

– Что за спешка и почему люди так смотрят на Франкса?

Она ответила торопливым низким голосом:

– Нам осталось повернуть за угол, и мы на месте.

Это вроде кабака с нелегальной продажей спиртного. Я на месте тебе все объясню.

Она попыталась вырваться из моей руки.

Франкс поднялся перед мусорным баком на задние лапы, чтобы исследовать его содержимое. Бак вывернулся из-под него и покатился по улице. Он медленно пошел вдоль полосы выпавших отходов, что-то выбирая и подбирая. В окне появился человек в майке, нахмурился, глядя на нас, и поднял телефонную трубку.

– Пошли, – умоляла Элли. – Нам надо укрыться, прежде чем…

«Форд» 52-го года с надписью на борту вывернул из-за угла и подъехал к нам. Прожектор ударил мне в глаза, и из слепящего сияния прозвучал грубый голос:

– Божий Эскадрон. Посмотрим, что у вас за документы.

За спиной у меня раздалось шипение. Полагая, что это Франкс, я обернулся и прошептал:

– Не волнуйся. Я поговорю с ними.

Дверца машины открылась и захлопнулась, а на мое плечо легла тяжелая рука. Элли завизжала, и прожектор метнулся с моего лица. Я был ослеплен, и мне потребовалась секунда, чтобы рассмотреть происходящее.

Франкс был на мостовой рядом с полупустым мусорным баком и смотрел на нас своими лишенными выражения фасетчатыми глазами.

– Не волнуйтесь, я все здесь уберу, – говорил он" но его трудно было расслышать из-за визга Элли, г Тогда я посмотрел на нее. Она выпустила воздух из пупка. Теперь она выглядела как обыкновенная сухопарая старушка. Она показывала пальцем на Франкса и вопила;

– Нечистый! О, спасите, спасите меня!

Дверца машины снова хлопнула. Фигура в черном подбежала к Франксу и прыгнула на него обеими ногами. Я напрягся, опасаясь, что на меня плеснет струя. Но упругий экзоскелет огромного жука просто отбросил человека, и тот кучей тряпья приземлился на тротуар.

Франкс что-то прощебетал, чего я не смог разобрать, что-то насчет говорящих машин.

– Улетай, Франкс! – крикнул я. – Убирайся отсюда!

Державший меня человек сильно ударил меня в живот. Я скрючился на дороге.

Сквозь алую мглу я видел, как Франкс разворачивается, царапая мостовую, поднимает надкрылья и неуклюже

подпрыгивает в воздух. Его крылья начинают жужжать, и я обессиленно подбадриваю его. Второй человек из Божьего Эскадрона выхватывает пушку. Я крикнул предостерегающе. Пистолет выстрелил. Франкс дернулся в воздухе и тяжело рухнул на мостовую.

Человек, ударивший меня, вытащил из-за пояса короткую дубинку. Он обежал вокруг машины и выскочил на проезжую часть. Я услышал, как он колошматит Франкса по голове.

Голова сначала хрустела. Потом все закончилось. Сгусток зеленоватого света взлетел с улицы и исчез в небе.

– Убрался-таки, – выкрикнул со смехом человек на дороге.

Человек с пушкой стоял надо мной. Пистолет был нацелен мне в голову.

– Эй, Вине! Что будем делать с его дружком? Дьяволов почитатель. – Его высокий голос звенел праведным гневом.

– Не стреляй в него возле машины, – предупредил Вине.

Тут заговорила Элли.

– Он хороший мальчик. – У нее был старческий дребезжащий голос. – Видите ли, он только что попал сюда. Я взяла его под свою опеку.

Человек с пушкой презрительно посмотрел на Элли.

Он был высок, а его короткие темные волосы были уложены жирными волнами. Типичный старшеклассник-хулиган.

– Так! Вы взялись сами обработать новичка. В одиночку?

Элли робко кивнула.

– А что, если он тоже от нечистого? Этот адский жук вполне мог быть его приятелем! Мне следовало бы пристрелить его на месте. Если он человек, он все равно вернется сюда через Свалку.

Элли разрыдалась.

– Убери пушку, Карл, – сказал второй. Он был невысок, тяжелого сложения. Лысеющий. – Вы можете идти, мэм. – Он схватил меня за руку и помог встать. – Мы лишь проверим этого парня для вас.

Он запихнул меня на заднее сиденье своей машины.

Элли подошла и засунула голову в дверцу.

– Возвращайся, Феликс. – Я начал было что-то говорить, но она нахмурилась, оборвав меня. Ее сморщенные губы беззвучно произнесли одно слово – «Пожалуйста», – затем она отступила на тротуар.

17. ГОРОДСКОЙ ТЕРРОР

Вине вел, а Карл сидел рядом с ним. На задних дверцах изнутри не было ручек, а переднее сиденье от заднего отделяла решетка. Они даже не побеспокоились взглянуть на мою книжку.

Я пожалел, что в ней не был припрятан пистолет.

– Я ничего не сделал.

Карл обернулся ко мне и посмотрел с презрением:

– Что, не успел, наверное?

Я решил применить другую тактику.

– Но это же смешно. Мы здесь всего лишь в наших астральных телах. Чего же вы боитесь?

– Ты слышал. Вине? Ты слышал этот оккультный разговор?

Вине фыркнул. Движение на ярко освещенных улицах стало оживленнее. Мы проехали мимо нескольких магазинов. Мне показалось, что все они торговали поломанными и поношенными вещами. Если уж на то пошло, то и «форд», в котором я сидел, тоже был далеко не в первых руках. Сквозь сиденье выпирали пружины, а в передних колесах чувствовалось сильное биение. Вряд ли машина могла развить больше тридцати миль в час.

Некоторое время мы катили молча. Больше магазинов, больше людей. Мы оказались вблизи центра Тракки, если у него вообще был центр. С огромным удивлением на месте, где должен был быть городской парк, я увидел огромную свалку. Десятки людей карабкались на кучи мусора. Некоторые лихорадочно рылись в нем, другие озирались, словно ожидая чего-то. Тут и там поднимались небольшие языки пламени, которого все избегали.

Когда мы проезжали мимо, из ничего возник «шевроле» 56-го года. Горстка людей бросилась к нему, поскальзываясь на мусорной осыпи, чтобы заявить о своем праве собственности. Было похоже, что победил крепкий мужчина в майке, но неожиданно на месте, где была его голова, материализовался телевизор. Мужчина стал бегать по кругу, размахивая руками. Две негритянки крутого вида протолкались мимо него, чтобы завладеть машиной. Он поскользнулся и съехал вниз по россыпи консервных банок.

Мы ехали вдоль свалки, квартал за кварталом. Казалось, она тянется бесконечно, разрезая Лицевую сторону пополам, как и говорил Франкс. На ней все время появлялись потрепанные предметы. Никто из людей, кишащих на Свалке, ничего не приносил туда, но каждый уходил, унося с собой что-нибудь. Порой можно было увидеть человека, выбирающегося ползком из мусора, извивающегося, как червяк, вылезающий из куска

свинины.

Один из вновь прибывших, шатаясь, покинул Свалку и шагнул на дорогу. У него был вид человека, умершего От острого алкогольного отравления. Вине переехал его, даже не притормозив. Колеса громыхнули «раз-два» через пьяницу, и я посмотрел в заднее окно. Растрепанный зеленый огонек летел к Свалке, складываясь на лету, как несомая ветром газета.

– Я этого парня на прошлой неделе уже раз переехал, – хрипло хмыкнул Вине.

– Ему от этого плохо?

– Говорят, это дьявольски больно.

– А бестелесный дух вроде этого – легкая добыча для Сатаны, – вставил Карл. – Как будто ты сам не знаешь.

– В каком смысле?

– Ты видишь эти языки пламени? Каждый из них идет прямо из Ада. Стоит лишний раз пройти через Свалку, и поминай как звали.

Машина завернула за угол и остановилась перед фасадом чугунного здания, выкрашенного белой краской. На высоту двух этажей растянулась афиша, похожая на рекламный щит автостоянки, с портретом босса сверхъестественного цвета. Боссом был Боб Титер с его извечными зубами и клетчатой спортивной курткой. Но он продавал не машины.

На афише красовалась надпись: «БОГ ИЗБРАЛ ИИСУСА ИИСУС ИЗБРАЛ БОБА ТИТЕРА! БОБ ТИТЕР ИЗБРАЛ ТЕБЯ!»

Карл с Винсом завели меня в здание.

Внутри оно выглядело как любой другой полицейский участок.

– Сержант, мы прихватили новенького, – сказал Вине офицеру, сидящему за письменным столом.

Не подняв глаз, сержант протянул бланк.

– Бродил на воле, – добавил Карл. – С гигантским тараканом.

Сержант взглянул на меня с искрой интереса. Он был в галстуке, с аккуратно подстриженной светлой бородкой и в телесного цвета очках. Сразу было видно, что он считает себя интеллигентом.

– Что у вас есть с собой? – У него был низкий настойчивый голос. Он взглянул на книгу, которую я держал в руке, и потянулся к ней. – Покажите-ка.

– Я не думаю, что… – начал я, но Карл сунул мне кулак в бок и вывернул из моей кисти книгу. Он швырнул ее на стол с пренебрежением неграмотного к печатному слову. Один угол книги ткнулся в стол, и она упала обложкой кверху, подмяв несколько страниц.

Сержант прочитал вслух надпись на корешке:

– «Жизни Феликса Рэймена». – Он бегло просмотрел страницу, щурясь по мере уменьшения шрифта. Потом перелистнул несколько страниц, просматривая их. – Как это выходит, что все страницы заканчиваются таким смазанным пятном?

– Это не пятно, – возразил я. – На каждой странице алеф-нуль строчек.

Они тупо смотрели на меня.

– На каждой странице бесконечное множество строчек, а страниц еще больше.

Лицо сержанта помрачнело. Слишком поздно я вспомнил предупреждение Элли, что понятие «бесконечность» не было привычным для жителей Тракки. Борцовским приемом Карл выкрутил мне руку за спину. В ребра мне ткнулся его пистолет.

– Думаю, вам попался горяченький, – сказал сержант. – Отведи его наверх, если что – застрели.

Меня так и подмывало стукнуть Карла и покончить с этим. Если меня убьют здесь, я просто появлюсь заново где-нибудь на Свалке. Умом я это понимал, но эмоционально не был готов получить пулю в живот. Умирать будет больно, очень больно. Если мне не повезет, это может протянуться несколько дней. А если я приземлюсь на один из языков пламени, то окажусь в Аду. Я решил, что мне любопытно послушать, что скажет Боб Титер.

Как оказалось, Боб Титер ушел домой и сегодня больше не появится. На ночь меня заперли в камере. Я попробовал медитировать, чтобы снова превратиться в белый свет, но из этого ничего не вышло. После того как я видел спящего Кантора, мне совсем не хотелось засыпать, но я все-таки уснул, даже не заметив этого.

Мой сон был поначалу калейдоскопической мешаниной красок, но в какой-то момент я включил сознание.

Впервые я почувствовал себя шаром красного света. Когда я попробовал воспользоваться старым трюком и посмотреть себе на руки, шар послушно выдвинул из себя пару рук. Я позволил рукам втянуться обратно и стал осматриваться.

Вокруг разворачивался только что снившийся мне сон, будто я работаю на консервном заводе, перерабатывающем тунца. Серебряная чешуя, потоки соленой воды. Я вышел из цеха и напугал своим появлением такого же рабочего, увлеченного гомосексуальной связью с автоматом для газированной воды.

Судорожным рывком я вошел в пространство другого сна. На меня орут какие-то люди. Судорога. Я за рулем, еду во Флориду. Тогда я вошел в ускорение, просматривая всю Страну Снов. Я не

знал, что я ищу, пока не нашел.

Это был пьяный, лежащий на согретом солнцем тротуаре. Все лицо перемазано слюной. Его бумажник валялся рядом, вывернутый наизнанку. У него был знакомый мне вид. Рядом с ним уже находился еще один сновидец. Как обычно, это был мерцающий красный свет, но приобретший форму женского тела, показавшегося мне знакомым. Эйприл.

Она наклоняется над пьяным и пытается разбудить его. Он – точь-в-точь я. Значит, Эйприл снился сон, что я пьян и избит и что она пытается помочь мне.

Пьяный поднимается и глядит на Эйприл мутными, полными ненависти глазами. С его лопнувших губ слетают ругательства, и он отталкивает Эйприл прочь. Он падает и ударяется головой о тротуар. Голова подпрыгивает мячиком. Она пятится от него, рыдая. Тогда я подошел к ней и дотронулся. «Эйприл, детка, это я». Это не было частью ее сна, и она меня проигнорировала. Я попробовал оттащить ее оттуда, но она оттолкнула меня и склонилась над этим растянувшимся на тротуаре разгильдяем. Неужели она вправду думает, что я могу пасть так низко? Господи Боже, он напустил в штаны!

Если бы я только мог передать ей весточку, сообщить ей, что я в порядке! Вдруг я понял, как это сделать. Я снова отправился просматривать Страну Снов в поисках подходящего сна. У меня было совсем немного времени, поэтому пришлось довольствоваться грубым приближением к тому, что я хотел. Я запомнил, где это находится, и метнулся обратно в сон к Эйприл.

Похоже, что парень на тротуаре уже успел умереть.

Собака тычется в него носом и пробует откусить от щеки.

Никто не умел видеть таких кошмаров, как Эйприл. Она горестно рыдает, пока пес обедает.

Наконец ее кошмар кончился, и она поплыла куда-то.

Пора было действовать. Я прижался к ней и стал подталкивать в нужном мне направлении. Она не сопротивлялась, и скоро я доставил ее к тому сну, который я хотел, чтобы она увидела.

Это кабина самолета времен Первой мировой войны.

Самолет ведет парень, немного похожий на меня, его зубы сверкают в улыбке. Земля под ним сжалась в маленький шар. Из радио доносится треск.

– Белая молния, белая молния, вы меня слышите? – Голос энергичный, сочный.

Летчик говорит в микрофон:

– Я и вправду улетаю, но не от фальшивых наркотиков. Мне всего-то и нужно, что чистое лобовое стекло, чистый бензин и

начищенные ботинки.

Это были строчки из спектакля «Театр Файерсайн» на пластинке, которую мы с Эйприл часто слушали вместе. Она должна была узнать ее. Каждый раз, когда она покидала этот сон, я мягко возвращал ее назад, чтобы она посмотрела его снова. Я хотел, чтобы она наверняка его запомнила. Заталкивая ее в этот сон снова и снова, я впал в некое подобие легкого транса. Потом я потерял контроль над собой, ракетой пронесся сквозь какие-то бесконечные рахитичные здания и проснулся. Я все еще был в своей камере.

Через некоторое время они принесли мне еды. Яичницу на бумажной тарелке. Они подсунули ее под прутья. Я поел впервые после того, как покинул Землю.

Чуть позже я услышал басовитый, властный голос. Пришли Карл и Вине и повели меня по коридору. Там был кабинет Боба Титера с бесшумно работающими кондиционерами в обоих окнах. Вся мебель была поцарапанной и шаткой. Одна ножка его письменного стола была прикручена проволокой.

На стене были еще плакаты про то, что «БОБ ТИТЕР ИЗБРАЛ ТЕБЯ». На некоторых были четырехцветные картинки для воскресной школы с Иисусом, пожимающим руку Бобу на фоне благосклонных лучей, испускаемых горящим глазом Божьим. Еще там были карта с воткнутыми в нее булавками и коробка, наполовину заполненная экземплярами книги «Закон Небесный» Боба Титера.

Титер оказался крупным седым мужчиной с внешностью бармена из Питтсбурга. У него была огромная голова.

Глаза размером с крутые яйца. Прирожденный лидер.

Вине коротко доложил, бросил мою книгу ему на стол и вернулся вниз. Я стоял перед столом, а за спиной у меня стоял Карл, приставив 38-й калибр к моему виску.

Боб Титер непонимающе посмотрел на книгу, а потом перевел свои большущие глаза на меня.

– Ты нашел это на Свалке? – Его глубокий голос звучал меланхолично.

– Я никогда не был на Свалке.

У Титера был шокированный вид. Карл взвел курок.

Снова я сказал не то, что надо.

– Ты от Нечистого.

Это не было вопросом. Пистолет втыкался мне в правый висок. Я не ответил, и Карл еще сильнее ткнул в меня стволом. Вдруг мне стало безразлично, убьют меня или нет. Я нырнул головой вправо вниз и вскинул назад левую руку, надеясь вслепую схватить оружие. Мне повезло, и я захватил пистолет

мизинцем, мешая стрелять.

Продолжая поворачиваться, я резко присел. Пистолет оказался в моей руке.

Я быстро отступил назад, и Карл бросился на меня.

Я едва успел перехватить пистолет в правую руку. Он медвежьим объятием прижал мне руки к бокам.

Его тестообразное лицо смотрело на меня недовольно.

– Мы будем убивать тебя медленно, дьявол.

Я дернулся вперед и вцепился зубами ему в лицо.

Зубы вошли в его плоть. Часть щеки оторвалась.

Он взвизгнул и ослабил хватку как раз настолько, чтобы я сумел поднять левую руку и освободиться, оттолкнув его. Теперь я держал пистолет как следует, и когда он повторно кинулся на меня, я выстрелил ему между глаз.

Он, пошатнувшись, отступил, повернулся и упал. Его затылок напоминал тарелку со спагетти. Его тело съежилось, стало компактным. Через несколько секунд оно превратилось в комок зеленого света, выплывший в окно в направлении Свалки.

Титер нажимал на кнопку на своем столе. Я направил пистолет на него. На лестнице загремели шаги. С рычанием я подступил к нему.

– Боб, тебе жить осталось секунд десять.

– Давайте не будем торопиться! – воскликнул он своим глубоким голосом.

– Ладно. – Я зашел ему за спину и одной рукой обхватил его за горло. – Выведи меня отсюда живым.

Когда они пинком открыли дверь, я уже сидел на корточках позади Титера с нацеленным на него пистолетом. Я подсказал ему, что говорить. Божий Эскадрон послушался. Через десять минут мы с Титером были в «форде» Винса. Титер был заперт сзади, а я сел за руль.

У меня было два пистолета, а на сиденье рядом лежал автомат, не говоря уж о моей книге и подаренном мне на память экземпляре «Закона Небесного». Это оказалось не трудно. Теперь мне хотелось побелеть и выбраться из Тракки.

18. СВИНЯЧЬИ СОПЛИ

Божий Эскадрон пообещал не начинать охоту за мной в течение получаса. Я рассчитывал, что до этого успею загнать машину в кювет и уйти пешком. Я все еще не решил, пристрелить мне Боба Титера или нет.

– Приведите хоть один довод, почему мне не следует убивать вас.

– Они тут во мне нуждаются, – ответил замогильный голос. – До того, как я прибыл сюда, а это случилось Двадцать пять лет назад, здесь не было никакого города, никакой централизованной власти. Я дал им это, и не только. Я дал им нечто, во что они могут верить. – Его голос потеплел. – Феликс, я знаю, вам здесь страшно, вы никогда не думали.., никогда не думали, что рай – такой.

– Это не рай. Не может быть рая с полицией. И не называйте меня Феликсом.

Титер снисходительно хмыкнул.

– По возрасту я мог бы быть твоим отцом. Тебе действительно не повезло, что ты попал сюда таким молодым, и меня нисколько не удивляет, что в тебе кипят горькие, бунтарские чувства. И конечно, ты прав. Это не настоящий рай, это лишь полустанок, промежуточная остановка для передышки.

Мы въехали в более запущенный район Тракки. На тротуарах толклась уйма людей, в основном стариков.

Выглядели они бедно, и меня поразило, что они ничего не потребляли – не ели, не пили, не курили, даже не жевали резинку. Они просто топтались вокруг с бессмысленным видом, одетые в то, что сумели раздобыть на Свалке. Иногда кто-нибудь узнавал Титера на заднем сиденье и начинал неистово махать ему.

– Если это всего лишь полустанок, почему вы пробыли здесь двадцать пять лет?

– Я нужен этим людям. Я построил для них город.

До меня стало доходить.

– Вы хотите сказать, что, когда вы попали сюда, здесь не было города?

– Только Свалка. Куда все отправляется после смерти.

Свалка. Здесь вновь обретали тело не только люди.

Я видел, как появляются машины и телевизоры.

– Что происходило с людьми до того, как вы построили Тракки?

– Они просто брели прочь отсюда, – трагическим голосом

произнес Титер. – Прочь, в пустыню.

И возможно, находили Бога, добавил я про себя. А теперь Титер построил западню, этот памятник самому себе, и люди стали застревать здесь, возможно, навсегда.

Я содрогнулся, представив себе, каково это, протоптаться до скончания века в шлепанцах на тротуаре в центральной части Тракки.

Наверное, слово передавалось по улице быстрее, чем ехал наш древний «форд», потому что все больше людей собиралось у края тротуара и махало нам, когда мы проезжали мимо. Титер сиял сквозь окно благосклонной улыбкой и непрерывно покачивал благословляющей ладонью.

Меня можно было принять за его шофера.

– Но почему они остаются здесь? – спросил я. – Что они здесь для себя находят?

– Им страшно, – просто ответил Титер, – а Тракки напоминает им дом. А однажды Господь заберет нас в свои великие чертоги.

У меня не было никакого желания говорить с этим человеком об Иисусе. Я был уверен, что видел Иисуса на кладбище, но, может быть, Титер тоже с ним встречался. Кто я такой, чтобы говорить? И все же было кое-что.

– Зачем вам Божий Эскадрон? Не могу поверить, что Бог хочет, чтобы вы мучили и убивали людей.

– Ты сам убил Карла, – обвинительным тоном сказал Титер. – У него здесь была жена и четверо детей. Они попали сюда на своем «виннебаго» шесть лет назад, и в городе не было лучшего гражданина, чем Карл.

Кто может гарантировать, что он благополучно перевоплотится? – Титер печально вздохнул.

– Это не ответ. Я убил Карла потому, что он собирался убить меня. Это была самозащита.

– А если ты убьешь, меня, Феликс, это не будет самозащитой. Это будет убийством. Разве ты не видишь, что я друг тебе? Я хочу помочь тебе.

Толпа снова поредела. Похоже, мы попали в район нищеты и пьянства. На каждом углу было по бару, а все люди, которых мы видели, либо валялись на тротуаре, либо плавно соскальзывали вниз по стенам, прислонившись к которым они стояли. Титер был прав. Вряд ли я соберусь с духом убить его. Убив Карла, я почувствовал облегчение, но прикончив этого старого мошенника, я никакого удовольствия не испытаю.

– Я высажу тебя здесь, Боб, – нельзя было не назвать его по имени, – только ответь сначала на мой вопрос.

– И что же это за вопрос, Феликс?

– Чего ради Божий Эскадрон? Откуда гестаповская тактика?

– Ради тварей вроде тебя, – ответил он просто. – Я не знаю, человек ты или нет. Ты не пришел со Свалки.

Мне известно, что в загробном мире есть и другие места.

Хорошие места и плохие места. Я должен защищать свой народ. – Я остановил машину, и Титер закончил:

– Я не имею ничего против тебя лично, Феликс, но лучше тебе вернуться туда, откуда ты пришел. Я не могу поручиться за твою безопасность.

Я взял пистолет и вылез из машины, чтобы открыть ему дверцу.

– Продолжай в том же духе, и в какой-то из дней ты распнешь Христа.

Он вылез, распрямился и, посмотрев на меня сверху вниз, непоколебимо сказал:

– Ты – не Он.

Я залез в машину и проехал еще пару кварталов.

Божий Эскадрон должен скоро появиться, а Титер подскажет им, где меня искать. Мне надо было избавиться от машины. Я заметил аляповато украшенный бар и припарковался рядом с ним. Он назывался «Золотой алмаз». Прислонившись к стене, стояли две женщины в мини-юбках и лифчиках от купальников.

Я сунул свой тридцать восьмой в большой карман спортивного костюма и вошел в бар. В левой руке я держал книгу, а в правой автомат. Внутри находились в основном чернокожие парни в шикарных нарядах. Я всадил очередь в пол, и в комнате стало тихо. Я надеялся, что никто не пристрелит меня. Я держал ствол у бедра, поводя им из стороны в сторону.

– Кто хочет купить этот автомат? – крикнул я.

Когда до них начал доходить смысл сказанного, несколько парней расхохотались. Долговязый тощий мужчина в не по размеру большой красной кепке помахал, чтобы я подошел.

– – Иди сюда, ты, нехороший мудак.

Он представил мне своего приятеля с выбритым черепом и совершенно белыми глазами.

– Это вот Сиротка Джоунз. Что ты хочешь за эту штуковину?

Я понятия не имел, какие там были цены.

– Не знаю, пару сотен баксов?

Сиротка Джоунз кивнул, и тощий сказал:

– Очень вовремя.

Разговоры за другими столиками возобновились.

– И вот еще что, – сказал я. – Там у меня снаружи машина. Угнанная. Божий Эскадрон. Я хочу, чтобы кто-нибудь отогнал ее.

Сиротка Джоунз встал и скрипучим низким голосом спросил:

– Ключ в замке?

– Да. Но…

– Я отлично вижу, – сказал он, предугадав мое возражение. – И отлично вожу. Боже праведный, уж как Сиротка Джоунз водит.

Он стремительно пересек зал и вышел в дверь. Автомат он прихватил с собой и, шагнув на улицу, дал из него очередь.

– Смерть, смерть, смерть, – проскрежетал он нараспев. Потом я услышал, как хлопнула дверца машины и взвизгнули шины.

– Уехал, – сказал мне партнер Сиротки, потом добавил:

– Меня зовут Жестянщиком.

– Феликс, – сказал я и протянул ему руку.

Мы пожали друг другу руки, и я не забыл перейти из рукопожатия в братский зацеп. Но Жестянщик добавил к, своему рукопожатию еще кое-какие навороты, так что в конце концов я все равно почувствовал себя беломазым придурком.

– Откуда ты? – спросил он.

– Из Нью-Йорка.

– Я с Юга.

Я кивнул. Он все еще не дал мне мои две сотни долларов.

– Какой дурью они тут торгуют? – Я прикинул, что, если мне попадется правильный товар, я смогу побелеть и смыться из Тракки.

– Макнуть-ширнуть?

– Вряд ли. Травка?

– Ох уж эти белые мальчуганы. Тебе надо повидать Спека. Спек тебя поправит. – Он погрузился в молчание и откинулся в кресле. Потом отсутствующим взглядом уставился в зал и начал потихоньку двигать челюстью из стороны в сторону.

– Ну, я, наверное, пойду, – неуверенно сказал я. – Но тебе придется.., придется отдать мне деньги и сказать, где найти Спека.

– Спек везде. – Он снова задвигал челюстью. Его глаза подернулись пленкой безразличия.

Я вынул тридцать восьмой из кармана и положил на стол стволом к нему.

– Ну не тяни, Жестянщик. У меня мало времени. Он вытянул две сотенные бумажки из кармана, не отрывая взгляда от строя бутылок в баре.

– Сорок три, один десять, – произнес он, будто рассуждая сам с собой.

Я поблагодарил его и покинул «Золотой алмаз». Небо было чистым. Было жарко. Я услышал звук приближающейся машины и отступил за угол дома. Мимо промчалась машина Божьего

Эскадрона. Вине вел, а Карл охранял его. Износа ему нет. Я уже был готов, и даже не прочь, убить его еще раз. Если до этого дойдет.

Я стоял на 128-й улице. Прошел несколько кварталов и повернул обратно по направлению к 110-й. Если я правильно понял Жестянщика, я смогу разжиться там травкой.

Я все еще был одет в свой спортивный костюм, но ботинки остались у Элли. На потрескавшихся тротуарах были пятна размягченного солнцем асфальта. Было приятно наступать на них босыми ногами. На Саймионе солнца нет, но небо было таким чистым, что я начал потеть.

Время от времени пыхтел мимо какой-нибудь драндулет, оставляя за собой густое облако выхлопных газов. Во многих домах не было застекленных окон, просто дыры в стенах. Из них тут и там высовывались люди. Под ногами было полно битого стекла, и приходилось смотреть, куда шагнуть.

Я провел пальцами по лбу и попробовал пот на вкус.

Трудно было поверить, что это всего лишь астральное тело. Странная мысль начала мучить меня, мысль, в которой я не хотел признаваться. Я как раз проходил мимо винной лавки. Повинуясь отчаянному порыву, я вошел в нее, чтобы купить полпинты виски.

Ни одна из бутылок не была запечатана, а на многих не оказалось этикеток. Я выбрал бутылку, содержимое которой показалось мне менее мутным, чем в остальных, и подошел с ней к прилавку. В магазине управлялась пожилая жилистая дама с седыми волосами и обильной розовой помадой.

– Семьдесят восемь, – сказала она.

– А?

– Семьдесят восемь долларов…

Я вынул одну из своих сотен, стараясь не казаться удивленным.

Взяв деньги, она улыбнулась, и я решился спросить;

– Где делается это виски? Мне кажется, я не видел в Тракки винокурен.

Она пристально посмотрела на меня.

– Вы здесь новичок, так ведь?

– Но я зарегистрировался, – торопливо подхватил я. Не дай Бог она донесет на меня в Божий Эскадрон.

Она кивнула и положила сдачу на стойку.

– Мой муж перепахивает для меня Свалку. Он сливает остатки с донышек попавших туда бутылок. Это отличнейшее виски. – Она оценивающе посмотрела на меня. – Ему бы пригодился помощник, если вы ищете работу.

Я не стал прямо отказываться.

– Звучит интересно. А что, весь мусор с Земли попадает сюда?

Она сложила губы в улыбку.

– Только те вещи, у которых есть душа. Вещи, которые были когда-то кому-то дороги, но при перетасовке потерялись. Боб Титер говорит, что мы все тут благодаря любви. Вы себе храм уже выбрали?

Я попятился к двери.

– Может быть, позже. Прямо сейчас я хочу напиться.

Она одобрительно кивнула и пропела:

– Возвращайтесь поскорей.

Виски оказалось некрепким. Наверное, разбавлено водой или еще чем похуже. Но я все же почувствовал, как оно ударило мне в голову, когда я топал по теплому бетону. Трудно было поверить, что я не на Земле. Смахивало на Кливленд или Детройт. Мимо проехал пикап, груженный мебелью.

Трудно поверить, что это не Земля. Именно в этой мысли я не хотел признаваться, именно она привела меня в винный магазин. Что, если я на Земле, а все, что со мной случилось после кладбища, было не чем иным, как сном и галлюцинациями? Я стал тщательно припоминать, что со мной было.

Я выпил пару кружек пива в «Капле», дошел до Темпл-Хилл и уснул. Я покинул свое тело и встретил Кэти, прилетел на Саймион, полез на Гору Он, выключился, прошел на лыжах Страну Снов и по каким-то туннелям дошел до дома Элли. А потом я вышел из ее дома и оказался в этом городе.

Но что, если… Что, если я мертвецки напился в «Капле», а все остальное мне привиделось? Или, к примеру, барменша Мэри подсыпала мне в пиво STR? В этом не было ничего невозможного. Прямо рядом с «Каплей» была автобусная остановка компании «Трэйлвэйз». Может быть, я влез в автобус, а теперь очухался в Кливленде.

Я еще хлебнул разбавленного виски и понял, что прикончил бутылку. Я подбросил ее высоко в воздух и пронаблюдал, как она разбилась о дорогу. До чего красиво играл свет на осколках стекла. Мне хотелось курить. Я пошарил в кармане. Там были только тридцать восьмой и сто долларов. Я оставил сдачу на прилавке в винном магазине. Неудивительно, что она была так приветлива, когда я уходил.

Тут до меня дошло, что я держу что-то в левой руке, и я посмотрел, что это было. Ах да. Книга. Увидев ее, я засомневался, хочу я, чтобы это была Земля, или нет. В любом случае она была доказательством. Я раскрыл ее наугад и просмотрел первую попавшуюся страницу, чтобы проверить, действительно ли на ней

было алеф-нуль слов.

Но дальше пятидесятой строчки я ничего не смог прочитать. От нее и до конца страницы была сплошная чернильная клякса. У меня упало сердце. И тут я понял, как сильно не хочу, чтобы это оказалось Землей. Я не хотел лишаться того, что пережил, не хотел, чтобы это оказалось всего лишь временем, пролетевшим под кайфом.

Наверняка это виски затуманило мне зрение.

Я вытянул шею, всматриваясь в небо. Оно было ярким, но без солнца. Нет солнца на Саймионе.

– Вот и слава тебе, – сказал я басовитым голосом Шалтай-Болтая. Это прозвучало так забавно, что мне захотелось посмеяться. Поскольку голова моя была запрокинута, вместо смеха вырвалось глупое бульканье. Я рассмеялся сильнее, и из носа вытек ручеек слизи, благодаря чему стало еще смешнее.

Вдруг что-то толкнуло меня, и я упал. Я налетел на кого-то сзади, на старика с тростью, одетого в теплое пальто.

Он чопорно поднялся, а я стал дергать его за уголок пальто.

– Человек, сними ты это пальто. Это же глупость.

– Уберите от меня свои руки, – крикнул он, отцепив мои руки ударом своей трости. Он ушел.

Все мое лицо перекосило от смеха. В животе судороги.

– Вот, – сумел сказать я, – вот я у вас выяснить хочу. Выяснить у вас. Высвас. Васвыв. Вававава…

Было любопытно чувствовать, как двигается челюсть. Я двигал ею, и из горла вырывались звуки. Вибрация голосовых связок резонировала в лобных пазухах. Из носа потекло еще, и я снова стал хихикать, валяясь на тротуаре.

– Свинячьи сопли, – сказал я. Меня заклинило на последнем слове. – Сплиспли. Сплисплисплиспли… – Я сделал голос пронзительным и переделал слово в поросячий визг. Я знал, что в любой момент могу остановиться, но у меня совершенно не было причин останавливаться. Ну совсем никаких причин не было.

19. СЛАДКИЕ СЕРДЕЧКИ

Меня разбудил не кто иной, как тротуар.

– ВАЛИ ОТСЮДА, – сказал он, мягко покачивая меня. Я сел с ощущением, что оборвалось какое-то трансцедентальное откровение. А может, пробуждение и было откровением. Чем-то по поводу Одного и Множества.., я пока не улавливал, в чем дело. Я был в мокрых штанах. День еще не закончился, а может быть, уже и новый день начался. Точнее, заканчивался, давно перевалив за полдень.

Я оценил ущерб. Деньги и тридцать восьмой исчезли.

Книга все еще была при мне.

– СВИНЕНОК, – пробормотала она, когда я подбирал ее.

Я встал, шатаясь, и осмотрелся. Что-то определенно изменилось, пока я отсутствовал. Все ожило. Даже не знаю, по каким признакам я это понял. Потому что старый Тракки выглядел практически по-прежнему. Но на что бы я ни взглянул, было похоже на лицо.., даже глухие стены.

– КАК ДЕЛА, – твердо сказала соседняя стена.

– Я ухожу, – пробормотал я и двинулся вперед.

Жестянщик говорил, что Спек был в 43-м доме по 110-й улице. Может быть, Спек сумеет меня починить.

Пустая бутылка подмигнула мне и фыркнула:

– ЭТО ТОЧНО.

Тротуар мягко вздымался и опадал подо мной. Словно я шел по водяному матрацу.

От всех окружавших меня объектов доносился гул разговора. Я был совершенно уверен, что я не на Земле.

Меня всего трясло и ломало. Эта дрянь, что я выпил, была или отравлена, или в нее намешали наркотиков.

Может быть, эта старуха отравила меня, чтобы забрать мои пистолет и мою сотню долларов. «Отличнейшее виски». У меня было такое ощущение, словно я умер на тротуаре.

Что случилось после поросячьего визга? Я спиралью вкручивался в какой-то темно-красный туннель, облицованный телеэкранами. На всех разные лица, и они говорят, говорят, говорят. А потом я оказался на свету, на белом свету. Я как раз что-то понял, что-то важное, когда тротуар разбудил меня…

– А РАССКАЖИ, ДА? – тонко подметил столб с указателем, у которого я остановился. Я взглянул вверх.

110-я улица.

– К Спеку куда? – спросил я у столба. – Он живет в 43-м.

– СПРАВОК НЕ ДАЕМ, – ответил столб. Я лягнул его и

повернул направо. Время от времени мимо проезжала какая-нибудь машина, однако с тех пор, как я покинул «Золотой алмаз», Божий Эскадрон мне на глаза не попадался. Возможно, его даже и не было в этом варианте Тракки, в котором я проснулся.

Через полтора квартала я увидел трехэтажный дом, помеченный номером 43.

– МИЛАШКА, – сказали ступеньки, когда я поднимался по лестнице.

Когда я нажал на кнопку звонка с надписью «Спек», она сказала:

– САМЕЦ МОЕЙ МЕЧТЫ.

Раздался стук шагов и одышливый голос спросил;

«Кто там?» Я отступил назад и увидел толстого мужика с жирными волосами, высунувшегося из окна.

– ПОКАЖИ МНЕ, – сказали ступеньки, и я добавил:

– Меня послал Жестянщик.

– Этот несчастный сукин сын. – Спек оглядел меня. – Минутку. – Он скрылся, и я мог слышать, как он тяжелой походкой идет к входной двери. – Заходи давай, – сказал Спек, и я последовал за ним в квартиру.

Высокий худощавый мужчина с моржовыми усами и пробивающейся сквозь черные волосы лысиной развалился в потрепанном кресле. На синей засаленной кушетке сидела девушка с волнистыми волосами. У нее были круглые щеки с бледными рубцами от прыщей. – Это Синусоид и Кэти, – сказал Спек.

– Я Феликс, – сказал я, садясь рядом с Кэти.

«ОНА ДАЕТ», – деловито заметила кушетка. Спек сел на складной стул и облокотился на низкий деревянный стол.

На столе стояла толстая зажженная свеча, на обрывке газеты лежали груда зеленых листьев, красный пластмассовый бонг – кальян для курения марихуаны, заводная машинка с торчащей наружу пружиной, несколько пустых спичечных коробков, хлипкая жестяная пепельница, полная обгорелых спичек, пара больших пинцетов, кухонный нож, пять пустых пивных бутылок и обертка от пачки «Твинкиз». Все было покрыто тонким серым пеплом. Я пришел в правильное место.

– Мы тут собираемся чуток закосеть, – сказал мне Синусоид. – Ты будешь?

Я кивнул, а моя книжка сказала: «А ТО».

Спек колдовал над несколькими листочками. Они напоминали лист папоротника и, похоже, были довольно жесткими. Он отрезал кухонным ножом кусочки и держал их над огнем, пока они немного не подсыхали. Подсушенные кусочки он

складывал в маленькую кучку. Девушка рядом со мной неотрывно смотрела на свечу. Она еще ни разу не взглянула на меня.

– Я прибыл на Саймион с девушкой по имени Кэти, – сказал я ей.

– Феликс Рэймен, – промурлыкала она словно издалека. – Феликс Рэймен.

– УХ ТЫ, – воскликнула кушетка, а стол добавил:

– Я ТАЩУСЬ.

– Кэти! – воскликнул я. – Это правда ты?

Она оторвала взгляд от свечи и с улыбкой посмотрела на меня.

– Получилось, – сказала она.

– Что?

– Просто я заставила тебя появиться. Я вытащила тебя из пламени.

– ШТУЧКА, – добавила свеча.

Кэти потрепала меня по колену.

– Я уже тут довольно давно, – сказала она. – Я надеялась, что ты появишься.

– Воссоединение, – сказал Синусоид. Он поднялся и поставил пластинку. У них был маленький проигрыватель и три поцарапанных диска без конвертов. Заиграла вторая сторона «Изгоя на Главной улице». Знакомая музыка дала мне чувство благополучия. «Я спрятал колеса в ботинок», – пел Джаггер.

Спек зарядил и разжег бонг. Он поставил бонг на стол и склонился над ним, всасывая дым. Когда он еде" лал выдох, очертания его тела стали ярче и потеряли четкость.

Он сжался в шар белого света и несколько секунд парил неподвижно. Затем свет стал приобретать краски, шар отрастил протуберанцы, потом свет стал меркнуть, и снова перед нами стоял Спек, демонстрируя в кривой улыбке свои желтые зубы.

– ОТДАЙСЯ, – сказал бонг, и я склонился над ним, припав губами к отверстию. Я втянул дым. Область моего сознания стремительно ужалась до точки. Передо мной раскрылась мандала. Я с жужжанием сновал взад и вперед и падал в налитый нектаром центр. Я завис в нем на мгновение, а затем – бесшумный взрыв. Я устремился из этого центра, наливаясь, словно сосок презерватива, зажатого в…

– НУ ТЫ, – окликнула меня кушетка, когда я снова свалился на нее. Было мгновение, когда я проник; насквозь! В центр.., мгновение, когда я оказался способен увидеть Единого, Абсолют, понять, что ДА – это то же самое, что НЕТ.., что Все – это Ничто…

И после этого пришлось возвращаться назад. Просто вот так. Было что-то в этом сдвиге из полного озарения к обычному

сознанию, что показалось мне подлинным ядром моего опыта. Что-то такое в перемещении сквозь эту грань. Сквозь интерфейс между Одним и Многим, между бытием и становлением, между смертью и жизнью, между "с" и алеф-одним…

Кэти приложилась к бонгу, сжалась в световой шар, отскочила. Потом настала очередь Синусоида. Он явно был большим любителем. Пока он длительно вдыхал, маленькая чашечка трубки вспыхивала и шипела: «СЧАСТЛИВЧИК».

Синусоид превратился теперь в комок света, но не столько сферический, сколько гантелевидный. Когда он вернулся, его оказалось два. Он был таким худым, что они оба уместились в одно кресло.

– Черт побери, Син, – сказал Спек. – Одному из вас придется уйти. Я вас двоих не потяну.

– Не горячись, – заявил один из Синусоидов.

– Мы завтра пробежимся, – добавил второй.

– ПОГНАЛИ, – понукал бонг. Чашечка выгорела.

– Что за травка? – спросил я.

– Они называют ее дурман-травой, – сказала Кэти. – Она растет по всей этой горе – Горе Он?

– Милях в пятидесяти отсюда есть туннель, – медленно и без всяких интонаций произнес Синусоид. – Прекрасное большое поле травки. Только-то и надо, что доехать туда и прогуляться на ту сторону.

– Божий Эскадрон вас не тревожит? – Я представил себе обычный сценарий «Наркоделы против федералов».

– Кто-кто? – У Кэти и Синусоидов был такой вид, словно они не знали, о чем я говорю.

– Да знаете вы. Личная армия Боба Титера.

Спек рассмеялся своим одышливым смехом и выплюнул густой комок мокроты.

– Эти клизмы. Да их едва десяток наберется.

– А я думал, что Титер управляет этим городом. Он сказал, что построил его двадцать пять лет назад.

Стена у меня за спиной фыркнула: «НИ ХРЕНА».

– Ты про мужика с большой головой? – вставил один из Синусоидов. – У него пара храмов? – Я кивнул, и он состроил презрительную гримасу. – Пхы! Это для стариков. Все еще надеются увидеть Святого Пениса и жемчужные врата. – Он принялся набивать чашечку бонга. – Дьявол, я вижу Бога каждый раз, как ловлю кайф. Только и разницы, что нельзя остаться там. Как только весь побелеешь, становишься таким же, как их Бог. Но всегда куда-нибудь возвращаешься.

– А что, если не вернуться? – спросил я разжигающего трубку

Синусоида. – Что, если просто остаться там? С Единым?

Синусоид, с которым я разговаривал, снова превратился в шар света, а его близнец поспешно схватил бонг.

– Никакой разницы, на десять секунд или навсегда, – быстро проговорил он, прежде чем приложиться ртом к бонгу. Едва он успел перевоплотиться в световой шар, как первый Синусоид вернулся и прикончил трубку.

– Хорош свинничать! – крикнул Спек и бросился через стол, чтобы схватить бонг. Из него вырвалось переливчатое пуканье, а его стул скрипнул: «ТРУБАЧ».

Услышав такое, Спек и Синусоиды расхохотались, как маньяки. Я с трудом усваивал все это.

– Прогуляемся немного? – шепнул я Кэти. Она кивнула, и мы встали. Я все еще держал свою книгу. – Я думаю, мы выйдем подышим воздухом, – сказали.

Спек склонился над своим рабочим столом.

– – – Как угодно. Захватите сигарет и упаковку.

Мы вышли, а ступеньки пробормотали: «ВСЕ ПУТЕМ».

– Ты это слышала? – спросил я Кэти. – Ты слышишь, как все здесь все время разговаривает?

– БЕЗ БАЗАРА, – громыхнул мусорный бак.

Кэти кивнула.

– Как эти карамельные сердечки на Валентинов день.

Не много в них смысла.

Снова настал вечер, и мы несколько минут шли молча. Асфальт все еще был теплым после жаркого дня.

Моим босым ногам было приятно.

Кэти была одета в свободное платье, сшитое из индейского покрывала, и едва доставала мне до плеча. Она выглядела совсем не так, как я ожидал. Она не была уродиной или страшилой, но и красивой она тоже не была.

И все же ее щеки были симпатично округлы, а глаза ее были похожи на мои. Ее жирная кожа почему-то привлекала меня. Кушетка пообещала, что «ОНА ДАЕТ».

Она почувствовала мой взгляд и с некоторой враждебностью посмотрела на меня.

– В чем дело? – спросила она. – Не совпала с твоими фантазиями?

– ГОРЯЧАЯ ШТУЧКА, – зловредно хмыкнул фонарный столб.

Я смутился и растерял слова.

– Я.., я просто не знал, как ты выглядишь. Ты прекрасно выглядишь, просто отлично. – Я неуклюже обнял ее. У нее была стройная, гибкая талия. – Что случилось с чайкой? – спросил я через минуту. – Что было после того, как мы расстались?

– Я полетела к этому заливу, ну, ты знаешь. – Я кивнул, и она продолжала:

– Там были всякие разные.

Вроде чудовищ. Они все время ныряли и выныривали. А других чаек там не оказалось, и я полетела через море одна. Оно было изогнутым.

Мне стало неловко, и я убрал свою руку. Насколько хорошо я ее знал в самом деле? Я заложил обе руки за спину и шагал рядом с ней, слушая ее рассказ.

– МАМЕНЬКИН СЫНОК, – звякнул на меня мусорный бак, и я пнул его ногой.

– Небо было странным, – рассказывала Кэти. – Сначала я могла, обернувшись, видеть Гору Он, но потом я перелетела изгиб моря, и осталось только небо.

Зато там был огонь.

– Ты хочешь сказать, что море горело?

– Нет-нет. Море кипело, а огонь был в небе. Смотреть в небо было все равно что смотреть в яму с огнем.

Мы уже отошли от дома Спека на несколько кварталов. На одной из боковых улиц я заметил бакалейную лавку и взял Кэти за руку, чтобы направить ее в ту сторону. Ее голос не изменился, был таким же хрипловатым и немного неуверенным. Все-таки она была не такой уж непривлекательной.

– ПОПАЛ, – высказала свое мнение крышка люка, когда мы прошли по ней.

Заглушая ее, я громко спросил:

– А люди там были? В огне?

– Да. Там в огне что-то двигалось и кто-то кричал.

И там были такие, которые все время приносили туда людей. Большие такие, похоже на то, как ты меня пугал тогда на кладбище.

– Дьяволы, – медленно произнес я.

– : Да, – продолжала Кэти, – а еще там были машины, которые тоже приносили туда людей, машины с куполами, приносившие по три человека сразу.

Все, что она сказала, имело смысл.

– Это были проводники, – воскликнули. – Они, должно быть, работают на Сатану. А то, что ты там наверху – или внизу – видела, это, наверное, был Ад. – Я начал размахивать руками, пытаясь объяснить, что я имел в виду. – Я думаю, что Саймион похож на сложенный вдвое лист бумаги. Мы с тобой начали с той стороны, где находится Гора Он, а теперь мы на другой стороне. Между ними Страна Снов, а на сгибе – море.

Огонь, который ты видела, это, наверное, был Ад,

находящийся в пространстве под сгибом, – Я вообще-то не понимаю, о чем ты говоришь, Феликс. – Ее глубокие карие глаза взглянули на меня сквозь челку. – Дай мне досказать.

Мы уже подошли к магазину, и я вспомнил, что у меня нет денег. Но пока я не хотел затрагивать эту тему.

Я сел на полуночной синевы бампер «хадсон хорнета»

52-го года. Кэти присела рядом.

Наступила ночь. Из магазина просачивался желтый свет и растекался по тротуару. Внутри двое парней заигрывали с девушкой за прилавком. Из чьего-то окна доносилась музыка. Воздух был неподвижным и теплым, в нем витал слабый запах отбросов и машин. Мне захотелось, чтобы этот вечер никогда не кончался.

– ЛУНАТИК, – шепнула машина.

Кэти стала рассказывать дальше:

– Я больше не хотела возвращаться к заливу – я хотела увидеть, что там за морем. Но там был огонь, и чудовища в небе, и море кипело насколько хватал глаз. Вода поднималась к небу большими облаками пара, а потом дождем лилась вниз. Бесполезным ливнем, навсегда привязанным к морю. – Она взглянула на меня, потом продолжила:

– Я решила проплыть под кипящей частью. Я нырнула и доплыла до самого дна. Я летела под водой, как пингвин.

На дне был лед, лед с разноцветными огоньками, и я плыла над самым дном, сколько могла. Когда я вынырнула, кипящая полоса осталась позади.

Пока она говорила, я перебирал ее пальцы.

– В море была какая-нибудь рыба?

– Не совсем рыба. Маленькие светящиеся штуки вроде медуз.

– Наверное, нерожденные души, – предположил я.

Но она продолжала медленно декламировать свою историю.

– Было ветрено, и я позволила шторму нести меня к другому берегу. Я не знаю, сколько это длилось. У меня все смешалось и начались видения…

– Какие видения?

– Узоры.., линии, разноцветные точки. Их было так много. Слишком много. – Она замолчала, подыскивая слова, потом сдалась. – Как бы там ни было, стало холоднее, и море замерзло. Ветер продолжал нести меня, потом пошел снег. Лететь стало тяжело. Потом небо прояснилось, и я оказалась над ледником. У его конца была большая трещина.

– Мне кажется, я видел тебя! – воскликнул я. – Я был у расселины в конце ледника с Фрэнксом, и я видел пролетевшую над нами птицу.

– Феликс, ты дашь мне закончить? Я долетела до конца льдов, а потом увидела огромную равнину с цепочкой городов. Городов. А потом увидела пустыню.

– Но как ты…

– Я как раз подошла к этому. – Она подняла обе руки перед собой, удерживая видение. – Я увидела пустое место с большими кучами и курганами. Туда опускались зеленые огоньки, и мне показалось, что я видела птиц. Я стала спускаться, и там был человек, показывавший на меня палкой. Но это оказалась не палка.

– Ты хочешь сказать, что кто-то подстрелил тебя?

Она удивленно и медленно провела руками по лицу.

– Я – я думаю, что да. Что-то ударило меня, и было как в больнице – я начала странно чувствовать себя и зеленеть. Сначала я подумала, что я снова в своем гробу. Но я была сжата со всех сторон, а папочка купил мне большой гроб, ну, ты знаешь, весь в розовой тафте.

Я отнял одну руку от ее лица.

– Я помню, Кэти.

Она вырвала свою руку из моей.

– Я не хотела снова возвращаться в это тело! Когда я выползла из мусора и поняла.., я захотела умереть. Но я не могу. Мы все застряли тут навсегда, Феликс. Ты знаешь об этом? Синусоид объяснил мне. Я не представляю, что я буду тут делать вечно. Я не знаю, что мне делать!

– ПОЛЕТАЙТЕ, – предложила машина, на которой мы сидели.

20. ГОВОРЯЩИЕ МАШИНЫ

Ключи торчали в замке зажигания.

– Давай так и сделаем, – сказал я Кэти.

– Сделаем что?

Мы сидели на полночно-синем «хадсоне» 52-го. Его ветровое стекло было узким, как прорезь в танке.

– Давай возьмем эту машину. Ты сама слышала, она пригласила нас. – Я погладил бампер.

– ПОГНАЛИ, – сказала машина, открыв дверцу и приглашая садиться.

Кэти поколебалась минуту, потом коротко кивнула.

– Ладно, – сказала она. – Почему нет? Я этих парней знаю всего день-два. Только сначала я прихвачу пива и сигарет.

– Клево. – Я опустился на водительское место и утонул в мягких пыльных подушках, положив книгу рядом с собой. – Теперь вот что, – сказал я, обращаясь К пустым сиденьям. – Тебе придется начать разговаривать предложениями больше, чем из двух слов. Я не требую, чтобы ты вела интеллектуальные светские беседы, учти это, но я больше не хочу слышать эти гладкие, рубленые фразы.

– ЭТО МОЖНО, – сказала машина, и я вздохнул.

Кэти вышла с полным ящиком пивных бутылок без этикеток, но заткнутых пробками. Должно быть, Спек дал ей денег. «За что?» – полюбопытствовала уродливая часть моего разума.

– Ты думаешь, это в самом деле пиво? – спросил я, когда она открыла другую дверцу и поставила ящик на заднее сиденье.

– НАПАЛМ, – сказала машина, а Кэти со смехом впорхнула внутрь. У нее был счастливый вид.

Машина завелась без проблем и покатила вниз по улице. Никто не выбежал, чтобы остановить нас. Насколько я вообще мог судить, у машины хозяина не было.

Франкс что-то такое сказал про говорящие машины, перед тем как умереть. Мне стало интересно, воплотился ли он снова и в каком виде.

Тяжелый теплый ветер врывался в мое открытое окно.

Я заметил, что машина с удовольствием сама управляет собой, и убрал руки с баранки.

– МОЛОДЧИНА, – отреагировала машина.

Я протянул руку назад и взял две бутылки. Пиво оказалось холодным, вполне приличного вкуса, не то что виски. Возможно, они сами варили его на Саймионе.

– Хорошо снова куда-то двигаться, – сказала Кэти. – Я совсем

не хочу останавливаться. Прямо сейчас" стоя там…

– Я знаю, – сказал я, думая о людях, что махали Бобу Титеру. – Наверное, хуже смерти может быть только вечная жизнь, – Ой, не говори так. – Она высунулась в окно, подставив лицо ветру. – Что угодно лучше, чем ничего.

Мы уже выехали на центральную улицу, мимо нас проносились огни. Множество машин стояло у тротуаров, но лишь немногие ехали. Внезапное сомнение озарило мой мозг.

– Тебе нужен бензин? – спросил я машину.

– У МЕНЯ РУКА-НАДГРОБЬЕ И КЛАДБИЩЕНСКАЯ БРЕДЬ, – сказала машина в неожиданном приступе красноречия. – МНЕ ВСЕГО ДВАДЦАТЬ ОДИН, НО Я НЕ ПРОТИВ УМЕРЕТЬ.

Только потом до меня дошло, что это значило. Но я сделал вывод, что бензина у нас достаточно. Я включил радио. Шкала минуту померцала, разогреваясь. Мне стало любопытно, что сейчас зазвучит.

На шкале не было цифр, но когда Кэти покрутила правую ручку, в маленьком прямоугольном окошке задвигался туда-сюда указатель. Вдруг что-то щелкнуло, и появился звук. Саксофон, играющий короткими всплесками. Сакс умолк, и мужчина с едва заметным бостонским акцентом продекламировал хайку:

– Напрасно, напрасно обильный дождь проливается в море.

Еще саксофон, еще хайку. Через некоторое время пианино сменило сакс, а чтец принялся за более длинное стихотворение, закончившееся строчками: «Я хочу освободиться от надоевшей мясной круговерти, счастливым и мертвым на небо уйти». Радио смущенно поперхнулось.

Кэти ссутулилась на своем сиденье. Она закурила сигарету и сидела, чуть отвернувшись от меня. Потом потянулась вперед, крутанула ручку радио, и снова зазвучала первая хайку: «Напрасно, напрасно. Обильный дождь проливается в море». Она вздохнула, а саксофон утонул в тихих гитарных переборах.

– Что это, Кэти?

– То, что я хотела услышать. – Она продолжала подставлять лицо тугому ночному ветру. – В машине Спека было такое же радио. Все в эфире непрерывно.

Над звоном беспорядочно перебираемых струн зазвучал другой мужской голос. Он звучал напыщенно и самоуверенно. Трудно было понять, что он говорит. Какие-то даты, цифры. «Я знал, что надо бы одеться».

– Это Нейл, – сказала Кэти. – Сейчас его редко услышишь.

– Я все равно не…

– Это диск Кэссади и Керуака, их выступление с джазовой декламацией. Мой старший брат дал ее мне, когда я заканчивала

школу, и я часто ее слушала. Так я и увлеклась Керуаком.

Снова зазвучал первый голос – Керуак. Он рассуждал о смерти, о Пустоте, об озарении и лысых артистах в черных беретах, вешающих реальность на прутья железных заборов у Вашингтон-сквер. У него была странная манера соскальзывать то и дело в этакое мелкое хихиканье. Губы Кэти двигались, беззвучно повторяя его слова.

Я начал испытывать ревность.

– Наверное, ты хотела бы разыскать его и сесть у его ног, – сказал я.

– Хорошая мысль, – откликнулась она, щелчком отправив сигарету в окно. – Это – или способ вернуться на Землю. – Затем она смягчилась и улыбнулась мне. – Хочешь послушать что-нибудь другое?

– Конечно. А что там еще есть?

– Все, что хочешь. Просто покрути ручку, и оно поймает то, что у тебя на уме.

Я повернул ручку, пройдя сквозь невнятное бормотание вероятных возможностей, сам не зная, что я хочу услышать. В конце концов я остановился на «Лед Зеппелин», «Whole Lotta Love». Нарочито тяжелый ритм казался самым подходящим сопровождением для езды по Тракки. Я швырнул свою опустевшую бутылку в окно и открыл новую.

Сейчас мы ехали по дороге, идущей вдоль Свалки.

Падающие на нее зеленые огоньки ясно выделялись на фоне беззвездного ночного неба. Какая-то фигура, нетвердо держась на ногах, вышла на дорогу. Хич-хайкер.

Я вспомнил, как Вине задавил человека, и затаил дыхание. Но наша машина остановилась, включила свет в кабине и открыла заднюю дверцу.

– Вам не обязательно садиться, – крикнул я этой фигуре в тщетной надежде удержать хоть какой-то контроль над течением событий.

– Феликс? – откликнулся оборванец. – Это ты? – он всунул голову в машину и внимательно оглядел меня.

Это был мужчина с клочковатыми черными волосами и ввалившимися щеками. Было что-то насекомообразное в том, как выглядел его рот. Между раздвинутыми губами виднелись тонкие зубы. Его уши торчали в стороны, как антенны-тарелки, а в глазах я не смог прочитать никакого выражения. Он был одет в изношенный до лохмотьев черный костюм, которому по виду было никак не меньше полувека, и белую рубашку, но без галстука.

– Боюсь, я вас не узнаю, – сказал я. Из радио вырвалась

череда быстрых, сердитых гитарных нот.

– Он похож на Франца Кафку, – заметила Кэти, приглушая звук.

Человек влез на заднее сиденье и улыбнулся Кэти.

Его улыбка была ужасающей. Он быстро заговорил высоким голосом:

– Настоящий Грегор Самса, только в обратном смысле. Я был гигантским жуком до того, как со мной произошла неудачная метаморфоза. – Он отряхнул свой костюм жестом Оливера Гарди, его пальцы мелькали во всех направлениях сразу. Тут до меня дошло.

– Так ты Фрэнке! – воскликнул я. – Ты перевоплотился на свалке Тракки!

Он по-тараканьи дернул ртом и раздул ноздри.

– Не знаю, Феликс, как вы, люди, можете это выносить. Всю эту мягкую плоть. – Он ущипнул себя за чахлую щеку. – Туловище из зефира, косточки-зубочистки.

Мне все-таки надо бы добраться до Пражского сектора свалки и отменить эту гротескную трансформацию.

Он углядел пиво, открыл бутылку и высосал ее с влажным, смачным бульканьем. Прежде чем я успел что-то сказать, он снова заговорил::

– Я был прав, Феликс, ведь правда же, когда сказал, что мне проломят голову. Я прочитал эту страницу.

Я знал будущее. Это, наверное, твоя подруга Кэти?

Она кивнула:

– Феликс мне о вас немного рассказал…

– И могу спорить, гораздо больше о себе, – добавил Франкс. – Но он вряд ли рассказал вам про Элли, не так ли? – Влажный, отрывистый смешок.

– Франкс, может, замолкнешь? Если тебе так неприятно быть рядом со мной, я буду чрезвычайно рад высадить тебя. Вообще-то у меня почти не было времени что-нибудь рассказать Кэти.

– Я вижу, книга все еще с тобой, – сказал он, наклонившись над передним сиденьем. – Не пробовал почитать ее в последнее время?

Я и на самом деле не пробовал. По крайней мере после того, как отрубился на том горячем тротуаре. Я даже еще не показывал ее Кэти. Она взяла ее, раскрыла наугад и прищурилась, всматриваясь в страницу.

– Она вся смазана, – сказала она. – Это…

Я вытащил книгу из ее рук и посмотрел сам. Страница заканчивалась строчками, слившимися в одно пятно, точно как прежде. Неожиданно я понял, что ни разу не входил в ускорение с

тех пор, как.., как покинул дом Элли на краю Тракки. Тогда я попробовал отщелкать несколько алеф-нулей, но чувство того, как это делается, покинуло меня.

Машина резко повернула на проселок между двумя холмами мусора.

– Вот этого не надо! – , резко воскликнул Франкс. – Поворачивай назад.

– Он не ведет, – объяснила Кэш. – Это говорящая машина.

Феликс пронзительно хрюкнул и дернул ручку дверцы. Она отломилась и осталась у него в руке. Дорога была извилистой, изрытой колеями, но машина пошла быстрее, чем до этого. Ее раскачивало, как лодку в море, лучи фар плясали, как сумасшедшие, по горам мусора.

Холодильник. Матрац с торчащими пружинами. Гниющий цукини.

Я придавил педаль тормоза. Она провалилась до пола, словно под ней ничего не было. Баранка вращалась бессмысленно, как колесо фортуны. Тут радио со щелчком замолкло, и в неожиданно наступившей тишине машина сказала:

– БОГ ЕГО ЗНАЕТ.

Франкс завизжал.

Я развернулся на своем сиденье и схватил его за плечо.

– Скажи мне, что ты знаешь, – сказал я, встряхивая его.

– Я забыл, – забормотал он. – Я не хотел запоминать. Итак, ты все-таки поймал меня, ты и твоя телега, точно, как говорилось в книге. Я и думать не хотел об этом, а теперь это в самом деле происходит. О нет! Я не хочу покидать Саймион! Я не хочу уходить!

Его глаза начали стекленеть, а в уголках рта появилась пена. Я снова встряхнул его, но на этот раз потише.

– Уходить куда, Фрэнке?

Он заговорил медленно, со страданием в голосе:

– В свет. Через рубеж и в свет. Я тогда не сказал тебе правды, почему я был печален.

Я припомнил его поведение на леднике, вещи, которые он говорил в туннеле по пути к алеф-одному.

– Ты сказал тогда, что печален потому, что не смог остаться в белом свете. А теперь?

Ему понадобилась минута, чтобы ответить. Фары высветили дюжину красных крысиных глаз. И желтые кошачьи глаза, и глаза, каких я вообще раньше никогда не видел. Тут и там вспыхивали злобного вида языки пламени. Перед огнем проносились взад и вперед темные очертания. Пламя вырывалось из дыр в земле. Мне вспомнилась расселина, которую на

кладбище раскрыл Дьявол.

Франкс снова заговорил:

– Меня пугает белый свет. Я люблю себя слишком сильно, чтобы вот так раствориться. Ни один из людей на Горе Он не хочет добраться до вершины. Вот почему они идут туда. Для людей, действительно стремящихся к Богу, есть простой путь. За Свалку. Через рубеж. – Его губы дергались, а руки бегали вверх и вниз по телу, как пара живых насекомых. – Я не хочу этого, я не хочу этого… – Он зарыдал. Я отвернулся.

Стекла в окнах сами поднялись, и ни одна дверца не хотела открываться.

– Что происходит? – крикнула Кэти. – Что Там должно быть за Свалкой?

– Пустыня, – простонал Франкс. – Рубеж. – Он впал в ступор.

Кэти смотрела на меня своими глубокими глазами, так похожими на мои собственные.

– О чем это он, Феликс?

– Свалка – это полоса, отделяющая города Лицевой стороны от какой-то пустыни. Ты сама видела ее с воздуха.

Похоже, все боятся пустыни. Кроме этой машины.

– Кто послал тебя? – спросила Кэти у панели.

Ответа не было. Была машина дьяволом или ангелом?

Или еще одной пешкой вроде нас?

Дорога стала еще хуже, чем была, но машина пошла мягче. Потом мы остановились около огромного факела.

Пламя выпрыгивало из чего-то вроде каменного колодца в земле. Я подумал, не собираемся ли мы въехать в него.

Возле огня было несколько машин. Они все время перетасовывались, как грациозно струящаяся жидкость. Две бросились к нам и начали разговор с нашей машиной.

Они вздергивали и опускали капоты и взревывали моторами. Иногда какая-нибудь шина вдруг вспучивалась в пластичном жесте.

Вокруг собрались еще машины. Некоторые становились на цыпочки колес, чтобы рассмотреть нас. Они что-то вынули из нашего багажника. После заключительного рева моторов они все отъехали за исключением сексапильной красной «ягуарши» с полными плавными обводами и закрывающимися фарами.

Похоже, что она была очень близко знакома с нашей машиной. Они долго разговаривали, иногда поглаживая друг друга покрышками. Я позволил их непрерывному воркованию усыпить меня.

Я не припомню, чтобы мне что-то снилось. Я проснулся оттого, что наша машина сильно тряслась. Нос машины был

задран, и мы в ней подпрыгивали вверх и вниз. Небо было розовым.

На какое-то ужасное мгновение я подумал, что машина собирается прыгнуть в огонь. Но потом разглядел под нами сочный изгиб красного бампера.

Кэти тоже проснулась.

– Мы на что-то наскочили?

Но тут наша машина содрогнулась стремительной дрожью и соскользнула с «порше». Они устроились бок о бок, прижавшись друг к другу шинами.

– Они поженились, – воскликнула Кэти. – А вот и ребеночек!

Откуда-то появился и запрыгал маленький мягкий «фиат-500». Он был всего четырех футов в длину, а его черты еще не полностью оформились. Его куцые маленькие багажник и капот едва выступали из-под выпуклых стекол. Он поприветствовал нас коротким гудком.

Пока родители ласкали его, подтянулось еще несколько машин. Начался еще один сеанс хлопанья капотами и рева двигателей. В конце концов мы задом отъехали от огня. Почти все переднее стекло было мокрым, и по нему заметались дворники. Старый потрепанный дизельный кэб дал элегический гудок своей воздушной сиреной, а потом все стали прощально бибикать. Решительным рывком наша машина направилась дальше в глубь Свалки.

– Машине тоже не хочется ехать, – сдавленным голосом сказал Фрэнке. Он проснулся от гудков. – Это из-за тебя, Феликс. Ты всех нас тянешь за собой через рубеж. Не знаю, как я мог быть таким глупцом. Я думал только о… – Он застонал и стал заламывать руки.

Небо уже совсем посветлело, и нам хорошо была видна Свалка вокруг.

Тут и там мерцало адское пламя, не потерявшее своей яркости при свете дня. Впереди стали видны кучи мусора поменьше, и я смог разглядеть через них плоскую красную пустыню.

– Мы почти приехали, – взвыл Фрэнке. Внезапно в его голосе зазвучало ужасное напряжение. – Я вовсе не обязан уходить. Для меня все еще есть выход, все еще есть… – Он разбил пивную бутылку о край ящика и размахивал зазубренным горлышком.

Я решил, что он собирается броситься на нас, и подвинулся так, чтобы оказаться между ним и Кэти. Я выставил книгу наподобие щита и собрался с духом. Но он удивил меня: быстрым движением он прижал острое стекло к горлу и вспорол его. Выплеснулась струя крови, и он исчез.

Я посмотрел в заднее окно и увидел, как зеленый огонек, который еще недавно был Фрэнксом, полетел, извиваясь, прочь. Поблизости из земли вырывались языки пламени, и один из них, выстрелив изогнутым щупальцем, обхватил его петлей. Еще секунду было видно, как слабый зеленый огонек трепыхается посреди оранжевого пламени, а затем в слабых судорогах агонии он исчез. Он рискнул лишней реинкарнацией и попался. Я вздрогнул и отвернулся.

– Это пламя, – сказала она. – Оно того же цвета, что и огонь, который я видела на небе.

Я кивнул:

– Я тоже видел его, только еще раньше. На кладбище.

21. АБСОЛЮТНЫЙ НУЛЬ

Машина заглушила мотор сразу же, как только мы выбрались из Свалки. Перед нами расстилался бескрайний, лишенный какой-либо индивидуальности пустырь.

Обернувшись назад, я увидел Свалку, протянувшуюся бесконечной линией слева направо. Тут и там ландшафт прерывался точками человеческих фигур. Отшельники, святые люди. Но еще через несколько миль от границы Свалки не было ничего, кроме голой красной пустыни.

Ничего – до самого небосклона.

Земля представляла собой гладкую глину, спекшуюся до консистенции керамической плитки. Вектор гравитации был, видимо, направлен от Свалки, потому что мы катились все быстрее. Наше движение вздымало густое облако пыли, трепетавшее за нами, как длинный прямой хвост.

Как всегда, светом сочилось все небо, но горизонт впереди нас был особенно ярким. Белая черта, пылающая, как трещина в обжиговой печи.

Становилось жарко, и я потянул за ручку, открывающую окно. Неожиданно она поддалась, и я смог опустить стекло. Кэти последовала моему примеру, и вокруг нас закрутился поток горячего сухого воздуха. Мы ехали со скоростью миль шестьдесят в час и продолжали набирать скорость. Я проверил тормоза, руль и скорости. Никакого сопротивления, никакого эффекта.

– Мы можем выпрыгнуть, – сказал я.

Кэти покачала головой:

– И закончить, как Франкс?

– Так бывает не каждый раз. – Горячий ветер срывал слова с моих губ, и мне пришлось кричать:

– У тебя есть неплохой шанс вылезти из Свалки в своем прежнем теле. – При той скорости, с какой твердая земля проносилась мимо нас, можно было не сомневаться, что прыжок стал бы смертельным.

– Ты собираешься выпрыгнуть? – крикнула она сквозь ветер.

Я пожал плечами:

– Нет. Видишь ли, я еще ни разу не умер…

– О, Феликс, брось, – перебила она. – Только не говори мне, что ты все еще думаешь, что ты…

– Я знаю только, что хочу добраться до этого белого света впереди, – крикнул я, заглушая ее. Горизонт стал еще ярче, и на него нельзя было смотреть подолгу. – Я еду до конца.

Она высунулась из окна по плечи, пробуя силу ветра.

Мы мчались уже под сотню миль в час, а гравитация была настолько горизонтальной, что я все время сползал в своем кресле вперед. Мы были единственным движущимся объектом в этой плоской красной пустыне.

Кэти снова уселась на сиденье, потом взяла бутылку пива сзади.

– Еще есть время, чтобы решить, – сказала она. Я тоже взял пиво, и мы чокнулись в безмолвном тосте. – – Как ты думаешь, каково это? – спросила Кэти. – Счастливым и мертвым на небо уйти.

– Просто слиться. Слиться с пустотой.

– Может быть, Тракки лучше?

– На какое-то время. Но не навсегда.

Хотя мы ехали сейчас еще быстрее, ветер стал ослабевать. Как будто снаружи стало меньше воздуха.

– Но я не могу советовать, что тебе делать.

– Ты сам-то не думаешь, что останешься здесь, – Вдруг сказала Кэти. – Ты надеешься, что Белый Свет отправит тебя обратно на Землю, в твое тело.

– В общем, да, – признался я.

– Интересно, а я смогла бы вернуться? – размышляла вслух Кэти. – Может, я сумею последовать за тобой.

Моя бутылка опустела. Я выбросил ее в окно и, рез ко обернувшись, успел увидеть, как она взрывается стеклянной пылью в пятидесяти футах позади нас.

– ПОСЛЕДНИЙ КРУГ. – внезапно объявила машина.

– Ты еще с нами? – откликнулся я.

– ОТСЧЕТ.

Кэти наклонилась над панелью и спросила:

– Сколько еще осталось до.., до чего бы там ни было?

– ВРЕМЯ ЛЕТИТ.

Она пожала плечами и взглянула на меня. Вдруг порыв ветра зацепил обложку моей книги и перевернул ее. Страницы приобрели более материальный вид, и они уже не были спрессованы так плотно. Я проверил и оказался прав.

Уже больше не было континуума страниц, не было алефнуля страниц. Была обыкновенная книга в двести – триста страниц.

Я посмотрел на одну из страниц и заметил еще одну перемену: там, у Элли, на каждой странице было алеф-нуль строк. Как только я попал в Тракки, нижняя половина страницы расплылась и смазалась. Но теперь большая часть кляксы исчезла. На каждой странице было несколько сот мелко напечатанных строчек.

Внизу страницы, на которую я смотрел, что-то мелькнуло. Я

внимательно понаблюдал с полминуты и снова заметил мелькание. Одна за одной исчезали строчки! Я пролистал книгу до конца и зажал последнюю страницу в пальцах. Прошло двадцать или тридцать секунд, и вдруг между пальцами больше ничего не стало.

– У нас пропали волосы, – воскликнула Кэти.

Я провел рукой по макушке и ощутил только Кожу. Я выронил книгу и уставился на Кэти. Она почти совсем облысела. Лишь сотня длинных волосков развевалась над ее круглой белой головой.

Озарение пришло из правого полушария моего мозга.

– Кэти, мы приближаемся к нулю. К ничему. На другой стороне Саймиона это направление к Абсолютной Бесконечности. Нуль и Бесконечность. В Абсолюте они становятся одним и тем же…

Машина налетела на маленькую кочку, но не упала обратно на землю. Какая-то сила вытолкнула меня из кресла и прижала к щитку. Пока я пытался сориентироваться, перспектива сумасшедше переместилась. Плоская красная пустыня по-прежнему тянулась назад до самой бесконечной линии Свалки, но вместо того чтобы мчаться по ней, мы теперь падали вдоль нее.

Кэти с усилием оттолкнулась от ветрового стекла. Машина нырнула вперед и бамкнула о землю. Шины лопнули, и колеса заскрежетали по сливающейся красной поверхности. Задок задрался, и машина начала медленно кувыркаться, рассыпая снопы искр каждый раз, когда задевала за землю, превратившуюся каким-то образом в скалу.

Бутылки с пивом выпали из ящика и колотились по кабине вместе с нами. Кэти визжала, и я сумел обхватить ее руками. Направление гравитации снова изменилось, и теперь мы падали вверх, или поперек, или вниз по красной пустыне, упирающейся в пылающий белым горизонт.

– БОГ В ПОМОЩЬ, – сказала машина, и ее не стало. Она превратилась в шар белого света, облетела вокруг нас, а затем так быстро, что нельзя было уследить, вспышкой промчалась в горящую щель впереди.

В каком-то отношении мне в свободном падении стало легче. Сопротивление воздуха практически не ощущалось, и Кэти, и я, и книга, и дюжина пива падали сквозь ландшафт вместе. Мы медленно вращались, двигаясь параллельно земле. Внезапно я почувствовал, что один мой зуб исчез. Нам уже под сотню, наверное.

Мы с Кэти все еще летели, вцепившись друг в друга.

– Времени почти не осталось, – тихо сказал я ей. У нее были дикие от ужаса глаза, и ей понадобилась целая секунда, чтобы понять меня.

Наконец до нее дошло. У нее остались только передние зубы, и она быстро проговорила;

– Отправь меня назад, Феликс. Я к этому не готова.

Горизонт стал ярче и ближе.

– Ты уверена? Раньше или позже тебе нужно попасть сюда, или Дьявол поймает тебя.

У нас уже совсем не осталось зубов, а пивные бутылки вокруг нас лопались, как мыльные пузыри, и пропадали одна за другой.

– Отправь меня назад, Феликс! – крикнула она. – Да побыстрее.

Это было просто. Я только подождал, пока мы в своем вращении не заняли позицию, в которой она оказалась между мной и землей, и.., толкнул ее. Мы медленно разошлись. Земля удалялась от меня и приближалась к ней. Наши глаза были прикованы друг к другу. Четыре глубоких озера. А потом удар порвал ее в клочья.

Я не отвернулся. Я смотрел не отрываясь, пока не увидел, как зеленый огонек вспорхнул от земли и закружил неуверенно. Это было ее решением, но я чувствовал себя виноватым за то, что позволил ей сделать это. Что я там пообещал Иисусу? Я помолился, чтобы она благополучно перевоплотилась.

Все бутылки исчезли, а моя книга превратилась в тоненькую брошюрку, порхающую рядом со мной. Я потянулся к ней левой рукой, но остановился, увидев, что от руки остался лишь обрубок. Все пальцы на ногах и на левой руке пропали. Правая рука была еще невредимой, и я воспользовался ею.

Я крепко зажал брошюру. В ней осталось пять страниц. Если бы в ней было на страницу больше, то это было бы.., было бы.., я не смог представить себе число больше пяти.

Больше чего? Моя левая нога исчезла с большей частью живота. Голова, две руки и нога. Получалось четыре. Когда-то у меня было что-то еще, но что именно?

Правая нога и остатки туловища испарились. Я крепко держал оставшиеся три страницы в щепоти. Мне стало интересно, о чем говорилось на этих страницах. Я медленно поднес их к лицу. Левой руки не стало. Два.

Две вещи. Я и книга. Голова и рука. Большой палец и указательный. А что еще у меня было?

Обложки давно улетучились, и я мог видеть верхнюю страницу. На ней было два слова. Я напрягся, чтобы прочесть первое слово.

И прочел. Один глаз. Одна страница. Одно слово.
Единый.

ЧАСТЬ 4

"Я полагаю, что большинство людей, решивших проверить это, согласятся, что оно является центральным моментом озарения.

А именно, что здравомыслие не является фундаментальным свойством разума и есть лишь обыкновенное, причем переменное, условие, которое, как жужжание колеса, перемещается вверх и вниз по музыкальной гамме в согласии с физической деятельностью, и только в здравом рассудке существует формальное или сравнительное мышление, тогда как голая правда жизни воплощается совершенно вне здравого смысла; и вот именно немедленный контраст между «не имеющей вкуса водой души» и формальным мышлением, когда мы «приходим в себя», оставляет пациента с чувством изумления от того, что ужасная тайна Жизни стала наконец бытовым и привычным делом и что если отвлечься от чисто формальных признаков, то великое и абсурдное имеют равное достоинство".

Бенджамин Пол Блад

22. ХЭЛЛОУИН

Воздух был полон отвратительного визга. Мимо меня проносились маленькие яркие фигурки, толпой собиравшиеся у фонтана и кружившие около него. Мужчина с жирными грязными волосами склонялся над ними, делая пометки в большом блокноте и вкладывая что-то в каждую крохотную ручонку. Почему я никак не мог запомнить его имени?

Я сохранял вертикальное положение в толпе темных форм, увенчанных кивающими белыми пятнами. Белые пустые лица жадно наблюдали за судьей. Сэмми. Над головой шипели сине-белые огоньки. Они мерцали, и движения фигур в масках были порезаны на десятки застывших кадров. Телега с собачьей конурой. Серебряный куб с торчащими из него ногами. Разноцветная ткань, резина, перья, краска.

Мелкий красный дьяволенок пнул меня в ногу, протискиваясь мимо. Его лицо сияло от возбуждения. В правой руке он нес выскобленную изнутри голову. Апельсин.

Шум не прекращался. Он исходил из электрифицированной трубы. Серая металлическая музыка кишок и почек, голос, выкрикивающий имена. Щелчки статического электричества – и все само по себе.

Вокруг меня стоял гул, слова сталкивались друг с другом и слипались. Я должен был вставить что-нибудь между ними. Из моей груди вылезла опухоль, раскрылась, и мои пальцы вынули из нее белый баллончик. Огонь, теплый дым. Между.

Они шептали мое имя и проталкивали меня вперед.

Но я был слишком скор для них, слишком груб. Я взорвался, пробился сквозь их сердитые крики к рваному краю толпы. Я мог идти куда хочу. И я пошел прочь от этого ужасного шума.

Шаги за спиной и рука на моем плече.

– Феликс, что с тобой случилось?

Я обернулся, дыша дымом внутри. Минуту я рассматривал лицо. Желтоватая кожа, полные губы, пристальный взгляд. Эйприл.

Она взяла меня за руку и потащила обратно, к шуму.

Айрис сидела в своей коляске, одетая в костюм зайчика.

Ее блестящий взгляд остановился на мне.

– Да-да!

Я наклонился и пощекотал ее щечку, ее животик.

Она улыбнулась и снова стала смотреть на других детей.

Лицо Эйприл выражало смесь облегчения и злости.

Я слабо махнул рукой.

– Давай пройдем немножко вниз по улице, крошка.

Я не могу думать при таком шуме.

Ее лицо окаменело.

– Конечно, Феликс, Тебя ничто не должно расстраивать.

Я попытался обнять ее, но она отшатнулась.

– Ты пьян?

– Я.., я не знаю.

Мы прошли полквартала от мегафона, укрепленного на закусочной Сэмми, и стало легче говорить.

– Я был в «Капле»…

Глаза Эйприл метнули в меня молнии.

– – А прошлой ночью?

Я провел дрожащими руками по лицу. Кожа была сальной, а на пальцах блестела грязь.

– Мне сказали, что я спал там. Сказали, что я пришел вчера в шесть с сорока долларами, пил весь вечер, отрубился, проснулся в десять утра и весь день смотрел в телевизор. Но…

– Я так и подумала, – выплюнула Эйприл. – Я видела, как ты прокрался в дом и вытащил из моего кошелька деньги, отложенные на еду. Я видела, как ты со своим приятелем убегал по улице. И знаешь что?

Я оцепенело покачал головой. Ничего хорошего ждать не приходилось.

– Весь день я надеялась, что ты не вернешься.

Конкурс костюмов закончился, и детишки потекли мимо нас.

– Наверное, это Хэллоуин, – сказал я.

Эйприл остановилась, и я тоже встал. Она собиралась сказать, что уходит от меня. Я чувствовал, как это надвигается на меня. Я быстро заговорил, пока этого не случилось:

– Эйприл, в «Капле» был не я. Все это время я был вне своего тела. Я был в.., я был в потустороннем мире.

Он называется Саймион, и я должен был добраться до Белого света прежде, чем вернусь назад…

– Вчера вечером звонили твои родители, – сказала она, обрывая меня. – Я должна была разговаривать с. ними и притворяться, будто все хорошо. Да, мама, Феликс в библиотеке. Он очень много работает в последнее время. – Она зашагала дальше, и я потащился следом, толкая коляску. – Но она знала, что я вру. Тебя в «Капле» кто-нибудь видел?

– Эйприл, послушай, что я тебе говорю. Я только что сделал то, чего никто еще не делал. Я прославлюсь. – Мне пришло в голову поискать по карманам эту маленькую брошюрку про Саймион, которую я нашел у Солнечного Рыба. Ее не было.

– Чем прославишься, Феликс?

– Я.., я… – Мой голос затих. Должен же быть какой-нибудь способ как-то использовать то, что я пережил. – Я что-нибудь придумаю.

Мы как раз пошли вверх по Тунцовой улице. Эйприл остановилась, вынула Айрис из коляски и повела ее к чьему-то освещенному крыльцу. Стайки детей, выпрашивающих угощение, угрожая сделать какую-нибудь пакость, носились взад и вперед по улице. Мокрые листья под ногами превратились в кашу. Небо было низким и беззвездным.

На деревянном крыльце Айрис глядела с надеждой на дверь. Заячьи ушки свисали назад. С каждой стороны широкой белой двери горело по дружелюбному фонарю из тыквы с прорезанными отверстиями в виде глаз, носа и рта. Дверь открылась, стройная женщина воскликнула при виде Айрис и дала ей конфетку. Айрис уронила ее, а Эйприл, грациозная и сексуальная в своих тугих джинсах, наклонилась, чтобы ее поднять. Они с довольным видом зашагали назад по дорожке.

Я больше не пытался заговорить, просто шел следом, улыбался и дивился на простой реализм всего этого. Когда мы добрались до нашего дома, Эйприл вошла внутрь за конфетами для раздачи, а я подвел Айрис еще к нескольким домам.

Казары жили через два дома от нас, и мы были в довольно дружеских отношениях, хотя они и были постарше нас. Маргерит Казар открыла дверь, когда мы еще только подходили к ней. Айрис пискнула: «Кафет» ка!" – и бросила свою карамельку на крыльцо, чтобы посмотреть, что ей дадут теперь.

Маргерит громко рассмеялась несколько сценичным, но искренним смехом и сказала:

– Ну разве не хитруля! И могу спорить, этот костюмчик мама сшила сама.

Я кивнул, пытаясь изобразить улыбку. Похоже, лицо еще работало.

Маргерит дала Айрис конфету и подняла на меня глаза. Она была маленького роста, и у нее было симпатичное лицо.

– Бедняга! Ты похож на смерть, разогретую в микроволновке. – Она воздела руки, пародируя испуг.

– Я…я улетал.

Ее глаза расширились.

– Тебя совсем не волнуют твои хромосомы?

– Я не в том смысле улетал. – Я наклонился, чтобы подобрать рассыпавшуюся добычу Айрис. Повисла долгая вопросительная пауза, но я не стал ничего добавлять.

– Передай привет своей милой жене, – сказала Маргерит, когда мы уходили. Она была такой сплетницей, что я содрогнулся

внутри, представив, какие истории она будет рассказывать о моем «улете». В конце концов – и это было хуже всего – эти истории вернутся к Эйприл; Ну и ладно. По крайней мере мне начинало казаться, что я не сошел с ума.

Делонги снимали небольшой дом напротив нас, и я зашел к ним последним. Ник Делонг был моим единственным настоящим другом в Бернко. Он преподавал физику и тоже начал работать только в этом году. У него были редеющие светлые волосы и непременная бородка.

Он все время о чем-нибудь беспокоился.

Ник подошел к двери и махнул, чтобы мы зашли в дом. Айрис вывалила свое добро на сильно потрепанный коврик в гостиной. Подбежала такса Ника и схватила пирожок. В одно мгновение личико Айрис покраснело, и слезы брызнули из ее зажмуренных глаз.

– Собачка, НЕТ!?! – завопила она изо всех сил.

Жена Ника Джесси засмеялась удивленным смехом и заперла собаку на кухне.

– Пива? – спросил Ник, и я кивнул. Джесси разбиралась с новой группой детишек, пришедших за угощением, и мы пошли на кухню сами. Такса вынырнула из кухни, Айрис заорала, я втащил собаку обратно.

В конце концов я уселся в деревянное кресло-качалку, потягивая пиво. Айрис сидела на диване рядом с Ником и жевала. Джесси стояла за диваном и с интересом рассматривала Айрис. Они ожидали первенца этой весной.

– Эйприл по-настоящему разозлилась на тебя, – сказала, не глядя на меня, Джесси.

– Она заходила вчера вечером, – с тревогой на лице добавил Ник, Он очень серьезно воспринимал взаимоотношения между людьми.

Я жадно присосался к пиву. Когда я очнулся в «Капле» сегодня днем, мне пришлось приводить себя в форму кока-колой и гамбургерами. Но теперь я решил, что могу позволить себе несколько порций пива.

– Это длинная история, – сказал я, – а мне пора возвращаться к Эйприл.

– Почему бы ей не присоединиться к нам? – предложил Ник. – Джесси, позвони ей, чтобы приходила!

– Это было бы неплохо, – согласился я. – Так даже лучше будет.

Джесси пошла на кухню звонить. Собака снова выбежала, но Айрис уже успела собрать все конфеты в свою сумочку. Собака встала передними лапами на диван и принялась с голодным

видом принюхиваться. Айрис каменным взглядом уставилась на нее.

– Ввадная, – оценила она наконец. Собака вернулась на свою подстилку у батареи.

Я открыл дверь для Эйприл, и она одарила меня призраком улыбки. Надежда еще была. Джесси дала ей пива, и она села рядом со мной в складное полотняное кресло.

– Надеюсь, детки не нападут на наш дом, – заметила она.

– Ты внесла тыкву? – спросил я, стараясь звучать, как ответственный член семьи.

Эту попытку она пресекла с ледяным взглядом.

– Откуда тебе знать, есть ли у нас вообще тыква?

– Я сегодня сильно расстроен, – вставил Ник.

– Почему? – спросила отзывчивая Эйприл.

– Ну, во-первых, мою статью отвергли, а потом председатель сказал, что он думает расторгнуть мой контракт на следующий год. – Он мрачно уставился в пол. – Я так старательно трудился над своими лекциями, а такое впечатление, что всем наплевать.

– О чем была статья? – спросил я, дабы отвратить долгую дискуссию по поводу карьеры Ника. Если его не остановить, он может обсуждать свои перспективы до глубокой ночи. А Эйприл будет сидеть с таким видом, будто ей очень интересно. Вот этого я терпеть не мог.

Стоило мне пожаловаться на что-либо, как она тут же начинала сердиться, что я могу быть несчастным, когда она идет на такие жертвы. В нашей семье Эйприл владела монополией на страдания, точно так же как Ник держал лицензию на это в своей.

Тут я заметил, что Ник что-то рассказывает мне, и попытался сосредоточиться на его словах.

– ..теорию эфира. Дьявол, я специально сделал упор на том, что она совместима со специальной теорией относительности, но я не думаю, что они дочитали до третьего абзаца, я уж не говорю о приведенных данных. А идея на самом деле правдоподобна. Должны существовать два типа основного вещества.

В моей голове зазвенели колокола. Я слышал об основных веществах на Саймионе. Кантор упоминал свою Статью 1885 года и предложил провести физическое испытание гипотезы континуума. Ник обсуждал эту статью со мной раньше, но тогда ее смысл ускользнул от меня.

Я возбужденно наклонился к нему.

– Ты работал с материей и эфиром. Ник, а не может ли быть еще и третьего основного вещества? – г Я тарахтел, как погремушка, не давая ему ответить. – Потому что если оно есть, то мы будем знать, что гипотеза континуума ошибочна. Так мне

сказал Кантор, когда я разговаривал с ним на Саймионе.., прежде Чем он отправился в Страну Снов. Мне надо только прочитать его статью 1885 года, и готов спорить, мы сумеем поставить эксперимент. Мы станем знаменитыми! – Они все смотрели на меня, а я продолжал говорить:

– А еще я знаю, куда уходят люди после смерти. Вы не поверите В то, что я видел…

– Феликс всего-навсего провел последние сутки в «Капле», и я думаю… – ехидно вставила Эйприл, – и я думаю, он ко всему еще и улетал.

И тут я вспомнил про сон, который я показывал Эйприл.

– Я и вправду улетаю, – сказал я, пристально вглядываясь в нее, – но не от фальшивых наркотиков. Мне всего-то и нужно, что чистое лобовое стекло, чистый бензин и начищенные ботинки.

Эйприл заколебалась.

– Ты помнишь, Эйприл? Мужчина в аэроплане?

Это приснилось тебе сразу после сна о том, как я отрубился на тротуаре. Я и вправду улетаю, но не от фальшивых наркотиков.

– Разве это не из «Театра Файерсайн?» – вставил Ник. – Мы с Джесси смотрели его в…

– Пожалуйста, – крикнул я, жестом показывая, чтобы они замолчали. – Это так важно. Я видел то, что снилось Эйприл. Я знаю, что ей снилось. Это – единственный способ доказать, что… – Я замолчал, ожидая, что скажет Эйприл.

Наконец она заговорила:

– Это так странно, Феликс. Как только ты сказал эти слова, мне вспомнился мой сон. Я задремала сегодня перед обедом, и это было совсем как…, – Она посмотрела на меня удивленными глазами.

Я стал приводить все новые и новые подробности обоих снов, и Эйприл признала их все. Когда мы закончили, она в самом деле снова разговаривала со мной. Она поверила мне.

– Так где ты был, говоришь? – переспросил Ник.

Он улыбался, потому что был счастлив, что мы помирились. Крошка Айрис заснула на диване, а Джесси принесла пирог.

Весь следующий час я говорил непрерывно, пересказывая свое сумасшедшее путешествие. Они завороженно слушали, и тут я понял, что у меня есть сюжет для убойного сюрреалистического романа. Ник несколько раз вставал, чтобы принести еще пива, но я досказал до конца и только потом выпил вторую бутылку.

– Что же это было за слово, которое ты прочитал в самом конце? – спросила Джесси. – Мне просто необходимо знать это слово.

– Здравствуйте, – предположил Ник со смехом. – Как в книге Воннегута, где робот несет через всю Галактику послание из одного-единственного слова. Здравствуйте.

– Или Привет, – сказала Эйприл, хихикнув. Они меня выслушали, но я все еще был их безумным Феликсом. Это было большим облегчением.

– В нем должна была быть всего одна буква… – размышляла вслух Джесси.

– Я не помню, что это было за слово, – сказал я. – Когда я добрался до него, то всего было по одному. Это значит, что это и слово, и я, и Абсолют – все были идентичны. Как если бы больше не было никаких различий, никаких мыслей.

– Но тогда тебе все равно надо было попасть в Ничто, – заметил Ник. – Я так понимаю, тебе нечего особенно сказать на эту тему?

– У Феликса всегда есть что сказать на тему – какая бы эта тема ни была. – Теперь Эйприл улыбалась мне.

23. ИЗЫСКАНИЯ

Я долго не мог уснуть. Почему-то страшновато было снова покидать свое бодрствующее сознание. Эйприл провалилась в сон сразу после того, как мы позанимались любовью. Это был хороший, основательный половой акт… даже лучше, чем с Элли. Во всех моих опытах на Саймионе не хватало какого-то элемента материальности. Но уж материальное, чем Эйприл, не бывает. Я любил ее так же безусловно, как люблю Землю.

Мы лежали, прижавшись друг к другу, как ложки в наборе столового серебра, и я ощущал все ее длинное теплое тело. Она что-то промычала во сне и прижалась ко мне поплотнее. Мимо проехала машина, и веер света фар промел по потолку. Следя за движением света, я почувствовал, что мои глаза дернулись. Мне постоянно; казалось, что я вижу колобошек.

Когда мы переходили улицу, возвращаясь от Делонгов, я был уверен, что вижу одного, парящего над нашей трубой. Но стоило присмотреться попристальнее, как он исчез. А сейчас я заметил какое-то мерцание в кладовке.

Я попробовал убедить себя в том, что это просто-напросто световые круги у меня в глазах.

Эйприл и Делонги не спорили со мной, но было совершенно очевидно, что они не приняли мою историю за чистую монету. Похоже, что их невысказанная трактовка событий заключалась в следующем: я отключился на каком-то тяжелом наркотике и пересидел его действие в «Капле». Было во сто раз проще объяснить мое знание снов Эйприл прямой телепатией. Необычно, однако при этом не ставится под вопрос твое чувство реальности.

Мои астральное и физическое тела двигались по одной и той же линии времени, пока я оставался на Земле, Но двое суток, проведенных на Саймионе, были равны всего одному часу здесь. Со второй половины среды до второй половины четверга я призраком мотался по Бернко и Бостону. Я шлепнулся на Саймион примерно в пять часов вечера по земному времени, а в шесть я уже снова был на Земле. Толстый бармен Вилли сразу заметил произошедшую перемену.

– Ходячий мертвец, – взревел он, когда я нетвердо поднялся на ноги. До этого я сидел за пустым столиком, уставясь в телевизор. Несколько посетителей в баре повернулись посмотреть на меня. – Мы тут все время пытались решить, что это – кататония, аутизм, афазия или обыкновенное сумасшествие, – бодро добавил Вилли. Несколько лет назад он окончил колледж

по специальности «Психология».

Тогда-то я и выпил пару стаканов кока-колы и съел пару гамбургеров.

Я был слишком опустошен, чтобы говорить. В семь я выполз наружу и оказался в толпе, глазевшей на хэллоуинский парад. Завтра мне надо будет вернуться и поговорить с барменшей Мэри.

Проехала еще одна машина. И снова я уголком глаза заметил мелькание света. Лицо. Я рывком сел на краю кровати. Лицо – похоже на Кэти. У меня было из-за нее какое-то нехорошее чувство. Я должен был довести ее до самого Абсолюта. Я знал, что сама она никогда туда не отправится и что рано или поздно Сатана поймает ее. Это было единственное, о чем Иисус попросил меня, – привести Кэти к Богу – ив последнюю минуту я облажался. А он ведь предупреждал меня, чтобы я точно не привел ее назад. Но как она смогла вернуться?

На Землю? Она же мертва.

И Эйприл, и Джесси были в курсе этой истории, как ее отец покупал самый дорогой гроб. Тот факт, что я тоже узнал об этом, не произвел на них никакого впечатления.

– Я же рассказывала тебе, Феликс, – настаивала Эйприл. – Просто ты не слушал меня.

Я снова поразмышлял над тем, могла ли Кэти проследить мой путь назад, до Земли. Я ведь на самом деле не заметил, в какую сторону полетел ее огонек, когда я убил ее.

Но сейчас все выглядело нормально. Я пошел на кухню за бутербродом и стаканом молока. Когда я ел, часы на башне колледжа пробили полночь. Я испытал невероятное облегчение. Хэллоуин закончился. Может быть, все вернется к тому, что было раньше.

Я заглянул в комнату, где спала Айрис. Она лежала на спине, а обе руки были вытянуты над головой. У нее был такой вид, будто она делает зарядку или изображает заглавную букву "Y". При виде ее совершенства мои глаза увлажнились, и я поблагодарил Бога за то, что смог вернуться.

Где-то в середине ночи я проснулся в Стране Снов. Я был шаром красного света, пробирающимся в знакомом континууме возможных видений. Подчиняясь внутреннему побуждению, я выбрал одно и снова оказался на кладбище Темпл-Хилл с Иисусом и Сатаной. Плохой сон.

Сатана держит пенопластовый судок, обтянутый целлофаном. Обыкновенная мясная расфасовка, какие можно увидеть в любом супермаркете. В упаковке лежит что-то зеленое. Ощипанная чайка. Кэти. Увидев меня, он показывает зубы.

– – Ты или она, Рэймен. Что скажешь? – Его голос звучит как

ржавое железо, ползущее по бетону.

Я смотрю на Иисуса в надежде, что он придет на помощь. В земле, как и в тот раз, зияет трещина. Мы с ним на одной стороне, Кэти и Сатана – на другой.

От Иисуса исходит ровное золотое сияние. Его глаза – как глубокие черные дыры. Он слегка улыбается и протягивает вперед одну руку. На запястье рваная рана с засохшей кровью.

Я делаю шаг назад и трясу головой.

– Я так не могу. Я – не ты.

Сатана смеется, и эхо разносит его смех.

Я проснулся весь в поту. Светало. В соседней комнате радостно лопотала Айрис.

Я встал и покормил ее, а когда поднялась Эйприл, я сделал нам с ней яичницу.

– А ты знаешь, что мне снилось этой ночью? – спросила Эйприл, когда мы пили кофе.

Я покачал головой:

– Я не смотрел. – Эйприл с надеждой ждала продолжения, поэтому я рассказал ей свой сон:

– Мне снилось, что Дьявол заполучил эту девушку. Кэти.., как ее фамилия?

– Кэти Скотт. Не пойму, почему ты все время говоришь про нее. Ты ведь даже не встречался с ней, да?

– Только на Саймионе.

Эйприл прикурила сигарету и с тревогой посмотрела на меня.

– Может быть, Феликс, нам надо переехать отсюда. Мне кажется, это неподходящее место для тебя. Эти дикие мысли ни с того ни с сего. – Ее лицо задрожало, она чуть не плакала. – Ты таким не был.

Я обошел стол и обнял ее.

– А как мне-то хочется, чтобы все это закончилось,".

Она загасила сигарету.

– Вчера вечером, у Делонгов, это выглядело забавным приключением. Но если ты действительно ничего не принял… – Она поколебалась, потом, запинаясь, продолжила:

– В смысле, просто так забыться на целый день. Это ненормально. – Она с мольбой заглянула мне в глаза. – Пожалуйста, Феликс, сходи к врачу. По-моему, сейчас это тебе необходимо. Ты слишком далеко зашел.

С ее точки зрения, в этом, конечно, был смысл. Но ее предложение меня раздражало. Очень сильно раздражало. Изо всех сил сохраняя самоконтроль, я ровным голосом сказал:

– Если я когда-нибудь и отправлюсь в дурдом, то исключительно в смирительной рубашке. Я сам впутался во все

это, и я могу сам выпутаться.

– Muy macho – настоящий мужчина, – с горечью произнесла Эйприл. – А тем временем пусть моя жизнь пропадает.

В моих легких вырастал горячий шар гнева, а солнечное сплетение превратилось в тугую пружину заводного утенка. Мне нужно было уйти прежде, чем я скажу что-нибудь ужасное.

– Прошу тебя, Эйприл, – сказал я, пятясь от стола. – Ну не надо так на меня давить. Мне нужно все обдумать. Мне все равно, чем ты считаешь мое путешествие на Саймион. Но у меня есть идея, или идея насчет идеи, которая могла бы в самом деле…

Внезапно она обмякла.

– Ох, Феликс, не надо так волноваться.

Она встала, подошла ко мне и обхватила руками. Мы с минуту держали друг друга в объятиях. Тут приползла Айрис и червячком пробралась между нашими ногами.

Эйприл подхватила малышку с пола и прижала светлую головенку к нашим. Минуту мы так стояли и целовались.

На кухонном полу было солнце.

По моему расписанию у меня в четверг занятий не было, поэтому мое отсутствие в колледже прошло незамеченным. В пятницу утром у меня были дифференциальное исчисление и математика для начальной школы.

Они прошли довольно гладко. На занятии для начальной школы мы немного поповторяли для контрольной, которую я наметил на понедельник, а на исчислении мы освоили формулу для расчета длины дуги на кривой.

После уроков я поспешил в библиотеку, чтобы найти статью, про которую мне говорил Кантор. Собрание его работ есть только на немецком, поэтому мне понадобилось какое-то время, чтобы найти и перевести нужный мне отрывок. В нем говорилось примерно следующее.

Трехмерное пространство нашей вселенной состоит из "c" идеальных математических точек. И в этом пространстве движутся субстанции двух типов – масса и эфир.

Мы все довольно хорошо представляем, что такое масса, но как быть с эфиром? Эфир – это очень тонкий вид субстанции, связанный с передачей энергии. Совсем не обязательно полагать, что эфир заполняет все пространство между комками массы. Мы знаем только, что одни области пространства содержат массу, другие содержат эфир, а третьи – пусты.

Теперь любой объект, имеющий массу, – например, камень, – можно бесконечно разрезать на все меньшие и меньшие части. В пределе мы будем иметь алеф-нуль бесконечно малых частиц массы. Эти неделимые частицы называются монадами массы.

Тогда в общем случае любой объект, имеющий массу, может быть описан как совокупность алеф-нуля монад массы точечного размера.

Эфир также бесконечно делим, даже более того! Любой эфирный объект должен мыслиться как совокупность алеф-одной эфирной монады точечного размера. Поскольку в пространстве имеется "с" точек и поскольку "с" по крайней мере не меньше алеф-одного, в нем, безусловно, достаточно места для всех этих монад.

Тогда в любой момент состояние дел в нашей вселенной может быть охарактеризовано указанием на то, какие из "с" возможных положений в нашем пространстве заняты монадами массы, а какие – эфирными монадами.

Другими словами, пространство содержит множество М из алеф-нуля точек, занимаемых массой, и множество Э из алеф-одного точек, занимаемых эфиром. Состояние вселенной в любой момент зависит только от свойств этих двух множеств точек – М и Э.

Большую часть статьи 1885 года Кантор посвящает описанию особого способа разделения М и Э на пять значащих подмножеств. Завершает работу он такими словами: "Следующим шагом станет выяснение того, насколько взаимоотношения между этими четко различаемыми множествами могут быть ответственны за все раз-, личные способы бытия и действия, демонстрируемые материей, такие как физическое состояние, химические различия, свет и тепло, электричество и магнетизм.

Я бы предпочел не формулировать прямо мои дальнейшие рассуждения в этом направлении до того, как подвергну их более тщательному рассмотрению". Кантор обожал курсив.

Закончив чтение, я какое-то время просидел неподвижно; глядя в окно. За ночь ветер унес облака, и было похоже, что нас ждет еще один, последний, кусочек бабьего лета. Синее небо напоминало туго натянутую цветную пленку. Сухие листья стайками носились по асфальтовым дорожкам колледжа.

Мой разум был необыкновенно ясен, и я мог припомнить каждое слово из того, что Кантор сказал мне в туннеле, ведущем на алеф-один: "Если бы существовала третья основная субстанция в дополнение к массе и эфиру, мы бы знали, что мощность "с" по меньшей мере равна алеф-двум".

Я поразмышлял над этим. Скажем, существует третья субстанция.., назовем ее сущностью. Масса, эфир, сущность. На что может быть похож объект-сущность? Если масса – это куча песка, то эфир похож на воду. Сущность должна быть еще тоньше, еще непрерывнее. Может быть, белый свет состоит из сущности.

Высшие уровни.

– Одно было ясно. Чтобы отличаться от массы и эфира, сущностные объекты должны состоять из алеф-двух монад каждый. Но если в нашем пространстве существуют сущностные объекты, тогда пространство должно заключать в себе как минимум алеф-две точки.., и тогда гипотеза континуума о том, что пространство состоит из алеф-одной точки, будет опровергнута.

Хорошо-прекрасно. Но как.., тут я услышал, как часы пробили два. Время проводить занятие по основам геометрии. Я торопливо собрал листки, на которых делал записи, оставил книгу Кантора на столе у окна и вылетел из библиотеки.

Порывы легкого ветерка гоняли стайки разного мусора. Бледно-оранжевые листья тыкались мне в лодыжки.

Я попробовал представить, что вокруг меня были и более тонкие формы. Эфирные тела, астральные тела, призраки, колобошки.

Казалось рациональным представить, что большая часть того, что я видел на Саймионе, состояла из эфира. Каждый объект – алеф-одна эфирная монада. Мне пока не хотелось думать о возможности присутствия сущностных объектов. На сегодня хватит и того, что я ухватил смысл первоначальной идеи Кантора о массе и эфире.

В класс, где я должен был проводить занятие по основам геометрии, нужно было долго спускаться под гору.

По странному капризу учебной части это был кабинет физкультурной подготовки, примыкающий к спортзалу.

А спортзал был в самой нижней части территории колледжа.

Озеро Бернко часто разливается, поэтому его окружает плодородная ровная почва. Поля зигзагами извиваются вокруг озера и питающих его ручейков. Самый крупный из притоков обсажен с одной стороны деревьями, вдоль которых проходит грунтовая дорога.

Шагая на урок, я видел облачка пыли, поднимаемой машиной фермера на дороге вдоль ручья. В воздухе было полно мух, и их жужжание казалось звуком солнечного света. Я все время спрашивал себя, что это значило бы для призрака, будь он сделан из алеф-одного атома эфира. В голову пришли две идеи.

Во-первых, имея обувную коробку, мы можем наполнить ее либо алеф-нулем монад массы, либо алеф-одним эфирных монад. Даже при том, что монады обоих типов исчезающе малы, неизбежно получается, что монады массы ведут себя так, будто они грубее, шершавее, менее плотно упакованы. Предположительно, эфирное тело может просочиться сквозь

промежутки в твердом объеме массы.

Поэтому привидения могут проходить сквозь стены. Хорошо.

Во-вторых. Животное о четырех лапах без труда может сосчитать до трех. Физическое тело имеет алеф-нуль монад массы и прекрасно себя чувствует, имея дело с меньшими числами, как, например, десятки или десятки тысяч. Если астральное тело имеет алеф-одну эфирную монаду, тогда разумно допустить, что оно оперирует алеф-нулем. Поэтому астральные тела должны быть способны достичь бесконечного ускорения, но испытывают проблемы с алеф-одним. Опять хорошо.

Студенты ждали меня возле пристройки к спортзалу.

Некоторые засмеялись, увидев, что я иду к ним. Подходя, я надел профессиональную маску бодрого дружелюбия.

Высокий парень с усиками… Перчино.., заговорил со мной:

– Как вы себя чувствуете, доктор Рэймен?

– Прекрасно, – ответил я как можно безразличнее.

Я вспомнил, что Перчино был дружком той барменши в «Капле». Мэри. У меня все еще не было случая спросить ее, что мое тело делало там в среду ночью.

Я отпер дверь, и класс проследовал за мной в тихий зал. Солнечный луч пробивался под углом сквозь окно в конце зала, высвечивая пляску мириада пылинок. Мне в голову пришло кое-что из когда-то читанного про пифагорейцев. Они верили, что вокруг нас столько же духов, сколько пылинок в солнечном луче. На мгновение я почувствовал, как вокруг меня толпятся бесконечные иерархические уровни духов.

– Мэри говорит, вы были такой странный прошлой ночью, – послышалось доверительное бормотание. Рядом со мной шагал Перчино. Он явно ждал моего ответа.

– Я выпил пару кружек пива, – сказал я, каменея.

К счастью, мы уже подошли к аудитории, и я был избавлен от продолжения. Я уже начал просматривать полуоформившийся план шантажирования меня ради хорошей отметки, сочившийся из его мрачных темных глаз.

Это был тот самый парень, который писал курсовую работу по НЛО. Я рассчитывал на то, что он снимет меня с крючка, написав хорошую работу.

Студенты вошли и расселись. Я начал лекцию, медленно шагая взад и вперед перед доской.

24. ОБУЧЕНИЕ

– В прошлый раз, как вы помните, я говорил о трудах С.Х. Хинтона. Самой большой проблемой в его жизни было, как сделать четвертое измерение чем-то реальным. Я сегодня оказался в похожем положении. Я хочу убедить вас в том, что бесконечность реальна.

Некоторые студенты почему-то сконфузились при этих словах. Особенно это относилось к одной девушке, эдакой тугой пышечке со светлыми волосами, подстриженными еще короче, чем у меня. Она регулярно интересовалась, что общего имели мои лекции с геометрией, которую она собиралась когда-нибудь вколачивать в головы старшеклассников.

Бросив на нее взгляд, я солгал:

– Концепция бесконечности принципиально важна для правильного понимания основ геометрии.

Некоторые студенты почуяли отмазку и хихикнули. Я уже пользовался этим оправданием, целых три недели рассказывая им о четвертом измерении.

– Ну хоть сегодня, – сказал я и сделал примирительный жест. – Мне просто необходимо поговорить 6 бесконечности сегодня.

Кто-то улыбнулся, кто-то вздохнул, но все были готовы слушать. Я начал:

– Идея, которую я собираюсь развить сегодня, заключается в том, что человеческий разум бесконечен. Я говорю буквально. Если урок пройдет успешно, вы все выйдете из класса со способностью думать о бесконечных вещах.

Итак, люди часто утверждают, что нам не дано полностью постичь бесконечность, поскольку наш мозг конечен. На это имеется два возражения. Прежде всего откуда вам известно, что мозг конечен? В конце концов, вполне возможно, что любой материальный объект состоит из более мелких частей – так что любой кусочек материи содержит в себе бесконечно много более мелких кусочков материи. Как раз перед тем как идти сюда, и был в библиотеке и прочитал статью Георга Кантора. Он заявляет, что каждый кусок материи содержит алеф-нуль неделимых частиц.., он называет их монадами массы.

Студенты тупо смотрели на меня, и я пошел на попятный.

– Я говорю это к тому, что мозг, вполне возможно, не является конечным объектом. Может быть, в нем бесконечное множество крохотных частиц, поэтому в вашей голове могут складываться бесчисленные сложные модели. Вы их чувствуете?

В голове у меня начинало потихоньку звенеть. Толстая девушка в заднем ряду одобрительно кивала, и я продолжил:

– Это первая линия защиты. А теперь перейдем ко второй.

Допустим, мозг все же совершенно конечен.., что-то вроде ограниченной сети, имеющей ограниченное множество возможных конфигураций. Я хочу заявить, что и тогда имеется возможность пережить бесконечное множество мыслей.

Причина в том, что мы состоим не только из массы – плоти и крови. У нас есть душа, дух, астральное тело – есть другой порядок бытия. И на этом уровне мы, несомненно, бесконечны.

Некоторые студенты начали, усмехаясь, переглядываться. Один из них, парень по имени Хокинс, специализирующийся в физике, высказал общее сомнение вслух.

Он говорил с тягучим лонг-айлендским акцентом;

– Это всего лишь ваше мнение, доктаар Рэймен. Вы думаете, что у вас есть душа. Я думаю, что вы лишь сложная машина. Мы могли бы проспорить об этом всю ночь, но зачем зря тратить время? Тут невозможно победить.

Мне стали видеться зеленые и розовые вспышки. Я постарался собраться с мыслями. Должен существовать способ доставить бесконечность на Землю.

– Да, на первый взгляд, в этом заявлении есть определенный смысл, – сказал я, улыбаясь. Мне Хокинс нравился именно тем, что никогда не соглашался со мной. – Видимо, это случай из серии «докажи или заткнись». Либо я прямо сейчас покажу вам бесконечность, либо признаю, что это просто удобная математическая фикция. А теперь посмотрим…

Я на секунду, задумавшись, посмотрел в окно. Тренировалась футбольная команда. Глядя на одного из дальних игроков, я испытал моментальный скачок сознания.

Я видел его глазами, чувствовал мяч на бутсе. Я перемещался между одинарным и двойным сознанием, между Одним и Многим. Я начал что-то чувствовать. Внезапно я увидел снаружи колобошек, Я повернулся к классу.

Кэти сидела в первом ряду и неуверенно улыбалась мне. Она состояла из зеленоватого эфира, а по всему потолку висели розовые колобошки. Ее губы шевелились.

Я слышал только стук собственного сердца. Она действительно вернулась на Землю следом за мной. И Сатана не схватил ее. Я подошел и попробовал дотронуться до нее, но моя рука прошла сквозь ее голову.

Тут я заметил, с каким любопытством студенты наблюдают за мной. Я продолжил лекцию, говоря первое, что приходило в голову.

– Возьмем самосознание. Вы знаете, что вы существуете. У вас есть мысленный образ себя самих. В особенности у вас есть мысленный образ своего настроения. – Я нарисовал на доске пузырь, изображающий мысль, а в нем множество разных фигур. – Допустим, это ваше сознание.

Теперь предположим, что вы решили подумать о своем сознании так же, как вы думаете о других вещах. – Я втиснул маленький пузырь мыслей в большой и также заполнил его фигурами.

Несколько студентов засмеялись.

– Вы видите, в чем проблема, – сказал я, поворачиваясь к ним лицом.

Кэти держала на коленях пакет с чем-то. Я не позволял себе надолго задерживать на ней взгляд, я боялся утонуть в ее глазах. Я подобрал нить своего доказательства.

– Идея заключается в том, что, если вы формируете образ своего сознания, он содержит в себе образ вашего сознания, который содержит образ, в котором содержится образ.., и так далее. Мы способны мыслить бесконечными регрессиями.

Хокинс сказал:

– Вы не можете нарисовать картину глубиной больше пяти уровней.

– Но я могу продумать ее всю насквозь. Вот в чем и заключается суть настоящего высшего сознания. Это первый шаг на пути слияния с Абсолютом..

На этом коротко подстриженная блондинка потеряла терпение:

– Разве это не должен был быть урок геометрии?

Класс заорал, а я запнулся, подыскивая ответ.

– . – Ну не надо на меня так давить, – сказал я во второй раз за этот день.

Тем временем Кэти встала и вывалила содержимое своего пакета на мой стол. Дурман-трава. Целый курган дурман-травы. Я энергично закивал ей. Она пришла мне помочь.

– В последнее время я очень много думал про бесконечность, – говорил мой голос. – И вам следует помнить, что пространство состоит из бесконечно многих точек – хотя никто не знает, каков именно уровень этой бесконечности.

Кэти достала зажигалку и подпалила кучу дурман-травы. Она задымилась, как осенние листья. Светло-голубые струйки потянулись к студентам.

– Я действительно думаю, что некоторые из вас сумеют уловить суть понятия «бесконечность» прямо сейчас. – Я подошел к окну и закрыл его. – Расслабьтесь и постарайтесь представить

себе свое сознание. – Кто-то хихикнул, но я повысил голос:

– Я серьезно. Давайте пару минут помедитируем вместе, а потом все пойдем по домам. Я обещаю, что в понедельник будет более организованная лекция.

Я сел и подпер голову руками. Некоторые студенты последовали моему примеру, некоторые начали листать свои записи, а другие уставились в окно. На самом деле это не имело значения. Дымок дурман-травы голубым туманом наполнил комнату.

Я потянулся лицом к струйке дыма и вдохнул. По всему телу разлилось ощущение свободы. Кэти тоже вдохнула дыма, исчезла, потом снова вернулась. Мы улыбались друг другу.

Вид у студентов был немного одуревший. Перчино зевнул, потом вытянул руки вперед. Только это были не настоящие его руки. Он это заметил и от удивления вскочил. Его тело осталось сидеть на стуле. Он поспешно вернулся в него.

И тут это стало происходить со всеми подряд. Мы не белели, просто выскальзывали из своих тел и входили в эфирное сознание.

Нельзя было терять времени. Можно уловить множество алеф-нулевого размера, уже находясь в эфирном теле, но нужно иметь, на что смотреть. Моя работа заключалась теперь в том, чтобы генерировать бесконечности.

– Ля, – сказал я. – Ля, ля, ля… – Я попробовал войти в ускорение, но мой физический язык заплелся об астральный, и я замолк. Придется придумать что-то другое.

Я выскользнул из своего физического тела и начал бегать кругами по комнате. Я сделал алеф-нуль кругов, взял Кэти за руку, и мы пробежали еще алеф-нуль. Перчино выскочил из своего тела и присоединился к нам в следующем забеге, а потом и весь класс побежал, даже блондинка со строгим лицом.

По мере того как дурман-трава распространяла свой дым между двумя пластами реальности, мы все быстрее и быстрее скользили по классу. Мы побежали по стенам.

Сначала мое тело выглядело как моя обычная бледно-зеленая копия, но на бегу я становился все более обтекаемым.

Везде по стенам бежали люди – невозможно было сказать, кто первый, кто последний. Некоторые студенты тоже стали обтекаемыми, как я, другие, наоборот, усложнили свои формы. Мимо просвистел гигантский омар, потом грифоны и птицы додо.

Все это время наши физические тела сидели с отвисшими челюстями на своих стульях. Мы промчались еще алеф-нуль кругов и повалились хохочущей грудой в углу класса, слишком возбужденные, чтобы говорить.

Я поискал глазами Кэти, но она исчезла. Дурман-трава на моем столе догорела, не оставив даже пепла.

Мое сознание металось между моим физическим и астральным телом. Расстояние между ними действовало на меня удручающе.

Я подошел к своему телу и скользнул в него, дожидаясь ощущения тугого соприкосновения, которое подтвердило бы, что я снова подключен. Студенты – омары, черепахи, обнаженные фигуры – тоже влезли в свои тела. Мне стало любопытно, что было бы, если бы двое из них поменялись.

Вдруг все утратило свое эфирное сияние, колобошки исчезли, я снова оказался заперт в своем мясе. Я пожалел, что не могу покидать его и возвращаться по своему желанию. Еще минуту я пытался вызвать у себя это чувство освобождения, которое давала дурман-трава, но что-то не получалось. Было в этом переходе что-то такое простое и все же.., такое неуловимое.

– Что это было? – спросил паренек в очках и перхоти. – Вы нас загипнотизировали?

– Это были наркотики, – сказала блондинка с расстроенным видом. – Он что-то жег у себя на столе. – Она поднялась, чтобы уйти, возможно, к декану.

– На столе ничего нет, – сказал Перчино. – Это был близкий контакт третьего рода. Разве вы не видели это зеленое светящееся существо?

– Главное – то, что вы видели бесконечность, – сказал я, вставая. – Надеюсь, в понедельник увидимся. – Я должен был пойти найти Ника Делонга.

Некоторые студенты ушли, некоторые продолжали сидеть на своих стульях, а один или два подошли ко мне, чтобы поговорить со мной. У каждого была своя интерпретация того, что произошло. Было в этом что-то тревожащее, потому что заставляло задуматься над тем, какие у меня основания считать, что моя версия была правильной.

Самое симпатичное объяснение всего выдала толстая девушка, которая всегда сидит сзади. Она все понимала в писала прекрасные экзаменационные работы, но редко высказывалась.

– Это была предвыборная гонка, – сказала она низким голосом. – Прямо как в «Алисе в Стране Чудес».

Я поднимался от спортзала в одиночестве, все время пытаясь поймать в точности то ощущение, которое я испытал, перед тем как увидеть Кэти. Впереди, ярдах в пятидесяти от меня, в гору поднимался Перчино. Рассеянно разглядывая его спину, я снова ощутил этот скачок сознания.

Я чувствовал, как ему жмут ботинки, смотрел на мир его

неопытными глазами. Я в равной мере присутствовал в обоих наших телах. На территории колледжа видны были еще другие фигуры, и я потянулся к ним тоже. Я превратился в желеобразное существо с дюжиной глаз, одинаково важных. И тут меня осенило, как мне следует покидать свое тело. Много в Одном.

Я выдернул себя из всех этих тел резким рывком. Я консолидировался в свое астральное тело в двадцати ярдах от своего физического тела – примерно на полпути между ним и Перчино. Вдруг нас оказалось двое на склоне холма: один я – из эфира, другой я – из массы.

Мы смотрели друг на друга, то есть астральный я смотрел на физического себя, а физический я глазел на то место, где находился я астральный. «Получилось!» – сказал астральный я. Мимо проплывали колобошки.

Слияние тоже не представляло собой никаких проблем. Все дело было в том, чтобы сконцентрировать оба сознания на Одном и выйти в том же месте. Я разделялся и сливался несколько раз, чтобы убедиться, что хорошо выучил урок, потом пошел дальше в гору. Мне нужно было найти Ника.

Я повстречал своего напарника по кабинету, Стюарта Левина, на дорожке поблизости от корпуса Тодда. Он изобразил церемонный китайский поклон и сверкнул ироничной улыбкой сквозь бороду. Последний раз мы с ним виделись в среду утром.

– Как дела, Феликс? Обходишь Дьявола стороной?

Я чуть улыбнулся.

– Пожалуй, да. Он пару раз почти достал меня. Но я смылся.

– Могу себе представить, – засмеялся Стюарт. —Послушай, давай соберемся на выходных. Мне не терпится послушать про твои последние галлюцинации. Они поинтереснее телевизора.

– Я собираюсь поработать с Ником Делонгом. Заходи в его лабораторию завтра после обеда, может, у нас будет что-нибудь интересненькое для тебя.

– Я приду. – И он ушел, беспечно махнув классным журналом.

25. ДЕЛЕНИЕ ПО БАНАХУ – ТАРСКОМУ

Кабинет Ника был размером с кладовку для швабр, зато у него был доступ к хорошо оснащенной лаборатории. Правительство приобрело для них все самое лучшее оборудование в обмен на контракт, дававший ему право на все открытия и изобретения. Они полагали, что физический факультет в Бернко занимался разработкой устройств для борьбы с загрязнением атмосферы. Физический факультет полагал, что Ник занимается исследованием, результаты которого будут достойны опубликования.

А Ник располагал всеми игрушками, о которых он когда-либо мечтал.

Я застал его за экспериментом. Свет был пригашен, а сам он изучал происходящее на экране маленького осциллоскопа, засунув при этом руки по локоть в устрашающего вида жидкость. Я заглянул в чан. В нем были провода, переплетение стеклянных трубок и несколько угрожающе тлевших пирамидок. На дне деловито пыхтело нечто, напоминающее миниатюрную паровую машину.

– Чарльз называет это не иначе, как моим fondue chinoise, китайским фондю, – сказал Ник, не отрывая взгляда от осциллоскопа. Внезапно зеленые загогулины сцепились в устойчивую, зубчатую, как пила, кривую.

Он удовлетворенно вздохнул. – Это должно продержаться с полчаса. – Он вынул мокрые руки из ванны и, капая на пол, подошел к раковине, чтобы смыть с них вещество.

– Ник, это что, кулинарный жир?

– Господи, нет, конечно. Это жидкий тефлон. Единственное вещество, обладающее подходящей плотностью и электропроводностью. – Он вытер руки и раскатал рукава рубашки. – Ты говорил, у тебя есть идея?

Прежде чем я смог ответить, на другом конце стола замигал красный огонек.

– Погоди, – сказал он. – Разогрелся лазер.

Он подошел и перебросил рубильник. Тут же возник и повис над столом узор из пересекающихся рубиновых лучей. Система зеркал и светоделителей была организована так, чтобы луч лазера переплелся в «кошачью колыбельку». Конец последнего отрезка упирался в тонкое кварцевое окошко в стенке чана.

Ник быстрыми, твердыми шагами подошел к стене и перебросил еще один рубильник. Под столом что-то загудело. Звук был, как у вентилятора. По телу поползло покалывание, а

волосы попытались встать дыбом. – – Ионизатор воздуха, – объяснил Ник. – Хуже не будет, если попробую с ним.

Зеленый зубчатый узор стойко держался на экране осциллоскопа, а над столом ровно светилось переплетение лучей. Ник перебросил еще один рубильник и тяжело сел.

– Этот процесс займет с полчаса. На автоматике.

" – А что именно ты проверяешь?

– Как тебе известно из моей статьи, я работаю над теорией гиперматерии.

Я не очень внимательно читал статью Ника, но тем не менее кивнул ему, чтобы он продолжал.

– Моя идея заключается в том, что существует отличный "от других тип материи, шары невидимого желе, плавающие вокруг нас. Эта сетка лазерных лучей должна, по идее, загонять эти шары в чан, а маленькая машинка на дне – конденсировать их. Все остальное нужно лишь для того, чтобы выявлять сконденсированные шары гиперматерии.

– Колобошки, – сказал я.

– Что?

– Представь черную воду, представь белое небо.

Представь остров и пролетающих над ним колобашек, – продекламировал я. – Это из «Доктора Севеа». Ты ловишь колобошек!

– Ну что ж, можно и так сказать, – ответил Ник. – Хотя мне не хотелось бы афишировать этот факт. – Но тут его поразило явное соответствие. – Разве ты не говорил, что видел кучи колобошек, когда выходил из своего тела?

Я кивнул:

– А еще я научился управлять этим выходом. – И я потянулся к сознанию Ника, его учености и одиночеству. Я ухватил Множество и превратил его в Одно, потом рванул назад с вывертом, благодаря которому мое астральное тело осталось вне тела физического. Я осмотрелся. Возле шкафа у противоположной стены толпилась стайка колобошек.

Я подлетел поближе и попробовал согнать их в фондю Ника. При первой попытке моя рука просто прошла сквозь них. Тогда я сделался поменьше и поплотнее и попробовал снова. На этот раз, когда моя рука проходила сквозь них, я ощутил легкое сопротивление. Они едва заметно шевельнулись. Я снова и снова прорезал рукой колобошек, понемногу подталкивая в нужную мне сторону.

Тогда я вошел в ускорение и после алеф-нуля гребков мне удалось загнать шесть маленьких серебьких колобошек в окошко чана. Мне на это понадобилась пара минут. Закончив, я

совместил свои тела и сообщил Нику.

Он склонился над оборудованием. Только тусклые циферблаты освещали его лицо. Он быстро повернул какую-то ручку и перепроверил показания приборов, потом заулыбался.

– Ты в самом деле сделал это, Феликс. У меня сейчас самые лучшие данные за все время!

Я с улыбкой откинулся на спинку стула.

– Я могу наловить тебе столько колобошек, сколько пожелаешь, Ник.

Внезапно его улыбка погасла, – А что толку? Если кто-нибудь попытается проверить мои данные, у него ничего не получится, если тебя не окажется рядом. А если я им скажу об этом, они запишут меня в сумасшедшие исследователи-псионики. – Он мрачно запустил пальцы в редеющую светлую шевелюру. – Я в любом случае сумасшедший, потому что воспринимаю твои россказни всерьез. Может быть, тебе это и сойдет с рук, Феликс, но только не мне.

Мои мысли умчались вперед, изучая возможности.

Нику требовалось физическое подтверждение его теории.

Физическое доказательство, доступное для общего восприятия. Мне тоже нужно было доказательство. Физическое доказательство существования бесконечности.

– Ник, – спросил я, наклоняясь вперед, – насколько хорош этот твой конденсатор? В смысле, сможет он, если я накидаю в него достаточно колобошек, слепить из них кусок эфира.., или гиперматерии.., достаточно большой и плотный, чтобы его мог увидеть любой?

Ник пожал плечами:

– Не вижу, почему бы и нет. Однако для этого потребуется чертова уйма.., колобошек. И потом я не уверен, что гиперматерия будет на вид отличаться от обычного вещества.

– Еще как будет, – возбужденно воскликнул я. – Она будет состоять из алеф-одной частицы, поэтому ее можно будет нарезать на алеф-нуль кусков, достаточно больших, чтобы их можно было разглядеть. – Я вскочил на ноги. – Вот оно, Ник! Мы сделаем куб из этого вещества, и я нарежу его на бесконечно много долек. Пусть попробуют списать это на пристрастность экспериментатора!

Мы проработали до вечера. После того как я загнал в аппарат всех колобошек, сшивавшихся в лаборатории, Нику пришло в голову послать меня в подвал проверить топку котельной. Там оказалось множество довольно крупных колобошек, которых я поднял наверх сквозь этажи по одному. Когда пришло время ужинать, мы позвонили женам и договорились встретиться в

местной пиццерии.

За столом говорил в основном Ник. Он расфантазировался по поводу. Нобелевской премии на нас двоих.

– Тогда-то пусть попробуют меня уволить, – злорадствовал он, заказывая еще один кувшин пива.

Эйприл и Джесси держались оживленно, счастливые, что их вывели развлечься в пятницу вечером. Они не брали всерьез оптимистические прогнозы Ника, но были рады, что мы так увлечены работой. Айрис радостно колотила кулаками по своему ломтику пиццы, время от времени покусывая корочку;

Я чувствовал себя уставшим. Несколько раз мне казалось, что я слышу голос Кэти – где-то внутри себя.

Мне стоило некоторого усилия держать свои тела вместе.

Я все время забывал, кто из сидящих за столом был мною.

Мы ели и пили около часа, потом все вместе пошли к нам послушать диски. Было еще пиво и немного травки.

Вечер закончился как-то путано. Я уснул, как только лег.

Мне приснился тот же сон, вернее, следующая его серия. На этот раз Дьявол перестал смеяться и вонзил зубы в упаковку, которую он держал. Пенопласт издал хрустящий звук, а мясо задергалось. Он спрыгнул в ту трещину в земле. Я наклонился посмотреть. И Иисус пинком отправил меня следом за ним.

Я кубарем лечу вниз мимо отвердевших воплей и хриплого света. Как-то оказалось, что я в пасти Дьявола.

Кэти тоже там, тоже падает. У нее сумасшедшая улыбка;

Она обхватывает меня ногами и летит на мне верхом, как ведьма на помеле.

Впереди показалось что-то вроде негатива пламени. В него устремляются весь жар и весь свет.., вытекая из всего и исчезая в абсолютно черном узле на брюхе Сатаны.

Я впервые припомнил, как это было – падать в Белый свет на Ничто. Но память ускользает. Из моих пальцев вырываются языки пламени, черного пламени, и мы летим по спирали вокруг сердца тьмы.

Там есть и другие. Они вывернуты наизнанку, опутаны бахромой вен и комками органов, как отвратительные новогодние елки. Кэти все еще прижимается к моей спине, и я никак не могу вывернуть шею, чтобы посмотреть на нее.

У меня все время шевелится чувство, будто здесь какой-то трюк, зрительный обман, что существует некий Четырехмерный реверс, при помощи которого я могу вернуть все на свое место – свернуть вывернутых, заставить свет вытекать, а не втекать, обратить черное в белое. Я борюсь, зная, что, если я перестану, я уже никогда не начну опять.

Я проснулся с таким ощущением, будто вовсе не спал.

Настала суббота. Эйприл и Джесси решили провести этот день вместе в походе по магазинам, а мне была отведена роль няньки при Айрис.

Когда женщины ушли. Ник зашел за мной и мы втроем отправились в лабораторию. Все здание было в нашем распоряжении. Мы положили несколько столов набок и сдвинули их вместе, соорудив таким образом манеж для Айрис. Сначала ей это дело не понравилось, но мы подбрасывали ей туда все новые и новые штуки, пока она не успокоилась. Как оказалось, ее заинтересовала коробка с медными гирьками.

Когда Ник перенастроил свое оборудование, мы вновь занялись работой. По всей лаборатории были свежие колобошки, особенно возле места, где хранились радиоактивные материалы. Когда эти были переловлены, мы открыли все окна и поставили термостат на 80, чтобы топка котельной разогрелась как следует.

Все утро я только и делал, что набивал колобошек в конденсатор Ника. Мое физическое тело заползло в манеж к Айрис и там заснуло, к огромному удовольствию ребенка. Около полудня Ник сказал, что, на его взгляд, колобошек уже достаточно.

По какой-то причине мне было немного сложно вернуться в свое тело. В мозгу вертелись какие-то странные, чужие мысли, которые мне пришлось прогнать, чтобы освободить место для себя. Когда я совсем включился, я взял на руки Айрис и подошел к чану с тефлоном посмотреть, что у нас получилось. Когда мы начинали, жидкость была прозрачной, но сейчас она кишела тысячами пылинок. Мы надеялись, что это и есть сгущенный эфир.

Мы хорошенько взболтали жидкость и слили ее сифоном в пустую пластмассовую ванну, чтобы дать ей отстояться. Раз уж все равно приходилось ждать, мы сходили в «Сэммиз» перекусить. Там была та же самая толстуха официантка. Она притворялась, будто кормит Айрис, а сама поедала ее жареную картошку. А мы все притворялись, будто не замечаем этого. Айрис не была голодна, она даже положила свой гамбургер отдохнуть мне на колени.

Когда мы вернулись в лабораторию, дно белой пластмассовой ванны покрыла симпатичная пленка осадка. М" откачали верхний слой – жидкий тефлон – при помощи сифона и слили осадок в маленькую стеклянную мензурку.

Вещество было невероятно скользким на ощупь. Ник принес из химической лаборатории фарфоровый всасывающий фильтр, и мы выдавили последний тефлон из осадка.

Мы вывалили осадок на лист бумаги. Он немного напоминал графит – серый скользкий порошок, невообразимо мелкий.

– Интересно, – сказал Ник, растирая пудру между большим и указательным пальцами.

– Эфир, – ответил я. – Гиперматерия. Колобошковый концентрат.

Он с сомнением понюхал щепоть.

– Не знаю. У меня дурное предчувствие, что это углерод или какая-нибудь такая же дрянь.

– Давай нагреем его, – предложил я. – Может быть, он сплавится.

Ник нашел фарфоровый тигелек. Мы наполнили его серым порошком и раскалили добела на горелке. Подержав его на огне несколько минут, я щипцами снял с тигеля крышку и аккуратно перевернул его.

Идеальная блестящая сфера покатилась по столу.

Айрис наблюдала за происходящим из другого конца комнаты. Она протянула к шарику руку и крикнула:

– Мой!

Шарик был слишком горяч, чтобы взять его руками, поэтому мы по очереди тыкали в него щипцами. В процесс плавления порошок сжался в то, что на вид было идеально правильной сферой. Шариком от большого подшипника. :.

Со стороны главного входа в здание донесся настойчивый стук. Я спустился посмотреть. Это был Стюарт. Я уже успел позабыть, что приглашал его зайти сегодня. Я впустил его и провел наверх.

– Сумасшедшие алхимики, – прокомментировал Стюарт, обведя взглядом сумрачную лабораторию.

– Ты вот на это посмотри, – сказал Ник, подходя к нему с нашим новеньким блестящим шариком. Его голос звенел от возбуждения. – Мы думаем, что это новая субстанция.

Мы одновременно со Стюартом потянулись, чтобы взять шарик у Ника. Наши руки столкнулись, выбив драгоценный мячик из руки Ника. Однако шарик не упал.

Он просто повис в воздухе. Он оказался нечувствительным к земному притяжению. У шарика была инерция, и довольно мощная, но гравитационное поле на него никак не действовало.

Ник впал в экстаз.

– Боже мой! – воскликнул он. – Он просто висит себе в воздухе и начисто отменяет эйнштейновскую общую теорию относительности. А подумайте только о возможных применениях!

Стюарт положил палец на шарик, и тот пошел вниз.

– Он все равно не может никого удержать, – пожаловался он.

– Да ты представь себе самолет, не имеющий гравитационной массы, – захлебывался Ник. – Представь, какая экономия топлива!

Айрис показывала на шарик и визжала, поэтому я подошел к ее загону и взял ее на руки. Но прежде чем я успел дать ей шарик гиперматерии, Ник схватил его и побежал в угол лаборатории.

– Я так и знал! – крикнул он мгновение спустя. – Это еще и сверхпроводник!

Стюарт вопросительно поднял брови и посмотрел на меня. Он всю жизнь избегал физики.

– Он хочет сказать, что у вещества совсем нет электрического сопротивления, – объяснил я. – Так что если пустить ток по такому кольцу, он будет идти вечно.

Может стать хорошим магнитом.

Айрис вопила так громко, что трудно было разговаривать.

– Ну же, Ник, – сказал я. – Отдай шарик Айрис.

Нехотя Ник отцепил блестящее маленькое сокровище от прибора и принес его на стол. Айрис жадно схватила его и сжала в своей толстенькой ручонке.

– Салик! – закричала она, дико размахивая руками.

Неожиданно ее рука раскрылась, и шарик полетел через всю комнату. Он шмякнулся о стену и словно раскололся.

– О нет! – взвизгнул Ник надтреснутым голосом.

Он явно немного перевозбудился.

– Ник, успокойся. Мы всегда сможем сплавить его опять.

Шарик раскололся на две части, которые от удара о стену медленно поплыли по воздуху обратно.

– Ух ты, – сказал Стюарт, схватив один осколок. – Колется. – Он опустил его на стол, и я склонился, чтобы рассмотреть.

Осколок был такой же сферой, как и до удара, но некоторые ее части отсутствовали. По виду она напоминала каштан или шарик платана. Из сердцевины исходили лучи. По структуре шарик не был однородным. Там и сям лучи образовывали более плотные сгустки, а на поверхности виднелся какой-то смутный узор, делая шарик похожим на глобус неизвестной планеты.

Ник поймал второй обломок и принес его на стол. Он был очень похож на первый, такая же невесомая сфера, только плотные зоны были расположены там, где у первого были светлые пятна. Можно было подумать, что это негативное отражение первого куска.

– Может быть, их просто сложить? – предложил Стюарт.

Тут меня что-то осенило, и я остановил его руку.

– А как насчет небольшого действа в стиле Банаха – Тарского, Стюарт! Два по цене одного!

Стюарт знал, о чем я говорю, и понимающе ухмыльнулся.

– Часть А и часть Б, – сказал он, поочередно дотронувшись до осколков.

Я снял туфель и ударил каблуком по двум шарикам изо всех сил.

Ник проорал хриплое «НЕТ!» и бросился на стол, чтобы поймать разлетающиеся обломки. Четыре обломка.

– Парни, вы что, свихнулись? – крикнул он, выстраивая четыре кусочка в линию и оберегающе прикрывая их ладонями.

– Да брось. Ник, – сказал Стюарт. – Давай посмотрим.

Ник немного отодвинул руки, и мы наклонились над осколками. На столе лежали четыре маленькие колючие сферы, все такого же размера, как до деления. Два осколка выглядели точно, как часть А, два – как часть Б.

– Пожжалстуй продолжжайте демонштраццию, брофессор Рррэймен, – сказал Стюарт, подражая, как умел, польскому акценту.

Айрис дергала меня за штанину, и я посадил ее на стол, чтобы ей было видно.

– Не волнуйся, Ник, – сказал я, подбирая четыре осколка. – Я их сейчас сложу.

– Ты думаешь, они сольются в один шарик? – с надеждой спросил он.

– Да бардзо лучше, – встрял Стюарт.

– Салик, салик, салик, салик, – скандировала Айрис.

Я выбрал один осколок А и один Б и повернул их так, чтобы более плотные зоны одного оказались напротив более светлых зон другого. Потом я стал прижимать их друг к другу.

Ядра сцепились, и какое-то мгновение они больше не поддавались. Я продолжал давить, нежно потряхивая их.

Две части вошли одна в другую и образовали идеальный плотный блестящий шар, как раньше.

Я вручил его Айрис, которая радостно чирикнула «Пасиба!» Потом я сложил оставшиеся две части, и получилась еще одна идеальная сфера. Я отдал ее Нику. Мы разбили первоначальную сферу на четыре части и получили две сферы, идентичные исходной.

– Почему бы вам, математикам, не посвятить меня в; тайну, – спросил Ник, изумленно подвешивая свой шарик в воздухе.

– Это получается потому, что сфера из гиперматерии имеет неисчислимое количество точек, – сказал я. – Объекты из обычной массы имеют алеф-нуль точек, тогда как эфирные объекты имеют алеф-один. В 1924 году Банах и Гарский доказали, что любая такая сфера может быть разбита на конечное число частей, которые могут затем быть собраны в две сферы, идентичные

первоначальной. Благодаря сделанному в 1947 году Рафаэлем Робинсоном уточнению мы знаем, что необходимыми являются лишь четыре осколка.

– Парни, вы что это все, всерьез? – сказал Стюарт, забыв про акцент. – Почему бы вам не посвятить меня в подробности?

– О'кей, – сказал я. – Как насчет пообедать в «Капле»?

– Я готов! – воскликнул Ник. – Иисусе! Да нам теперь можно всю жизнь не работать.

26. КРОВАВАЯ ЖВАЧКА

«Капля» представляет собой квадратное помещение со стороной, скажем, футов сорок, вдоль одной из которых расположился бар. Пол покрыт грязной асфальтовой плиткой, за исключением полосы голого цементного пола, до которой у хозяина просто не доходят руки. На тротуар выходит большое окно, и если вам так нравится, вы можете занять столик у этого окна и служить зрелищем для вышедших за покупками жителей Бернко.

Табуреты у стойки бара были все заняты, и мы вчетвером сели за столик у окна. Ник отправился к бару взять кувшин пива и апельсиновый напиток для Айрис.

Я не знал, можно ли ей было находиться с нами. В штате Нью-Йорк никогда не знаешь, нарушаешь ты какой-нибудь закон или нет. Из-за похмелья, плохого сна и всех этих ускорений при ловле колобошек я чувствовал себя очень вялым. Вялым, но счастливым.

Было около четырех. Скоро должна была вернуться Эйприл. Я решил пойти домой после первого кувшина. Стюарт выманил у Айрис ее шарик и колол его на части, собираясь размножить его. Каждый данный кусок А может быть расколот на два идентичных куска А. То же самое относится к Б. Стюарт занимался этим, пока не сложил семь одинаковых шаров из колобошкиного вещества.

Один он положил себе в карман, два дал Айрис, а мне четыре. Я развлекался тем, что вешал свои в воздухе перед собой. Было забавно, как они оставались на том же месте, куда я их помещал. Они были слишком массивны, чтобы реагировать на воздушные потоки. Я расположил их по вершинам тетраэдра – пирамиды с треугольным основанием. Смотрелось это красиво.

Послеобеденное солнце медом разлилось по улице за окном. Я посмотрел на знакомый пейзаж со счастливым вздохом. Лучше уже быть не могло. Тут как раз вернулся Ник с кувшином пива и соком для Айрис. Следом подошла барменша Мэри со стаканами.

Увидев меня, она понимающе улыбнулась:

– Удивляюсь, что жена еще выпускает вас из дома.

– Толстый Вилли сказал, что ты была здесь, когда я вернулся в среду, так? – спросил я.

– Такое не забывается, – сказала она, тряхнув головой. – У вас в руке были скомканы две бумажки по двадцать долларов. И такой вид, будто Дженис Джоплин умерла.

Стюарт еще не слышал этой истории, поэтому с интересом кивал. Она сообщила ему:

– Входит Феликс, как зомби, – она изобразила два-три нетвердых шага, – кладет деньги на стойку бара и просто сидит там.

– Ты дала ему выпить? – поинтересовался Стюарт.

– Конечно. А он и слова не сказал. Он здорово нагрузился к концу моей работы, и Вилли сказал, что его пришлось уложить в сарае с мусором, когда настало время запирать. – Похоже, что это казалось ей особенно забавным.

– Я все время хотел спросить у тебя кое-что, Мэри, – встрял я в их беседу. – Если ты скажешь, я обещаю, что не рассержусь, поэтому, пожалуйста, скажи правду. Ты мне что-нибудь подсыпала в пиво, когда я заходил сюда в среду после обеда?

– Эйприл думает, что ты опоила его, – объяснил Ник.

– Как будто ему это требовалось, – вставил Стюарт, – С какой бы это стати? – спросила Мэри с искренним на вид удивлением. – Будь у меня кислота, я сама бы приняла.

Итак, по-прежнему не было объяснения тому, как все началось. Сияющий тетраэдр парил над столом. Это было в действительности, и в этом не оставалось никаких сомнений. Но почему я? Возможно, это никогда бы не произошло, не найди я эту брошюру, «Саймион и как туда попасть. Ф.Р.» Но где она теперь? Откуда она взялась?

Какой-то клиент требовал, чтобы его обслужили, и Мэри повернулась, чтобы уйти.

– Постой, – окликнул я. Она оглянулась. – Еще один вопрос… – начал я.

Парень у бара продолжал орать: «Мэри, пива!», поэтому я встал и пошел рядом с ней через зал.

– Со мной был кто-нибудь, когда я зашел?

Она на мгновение задумалась – ее отвлекал крик пьяницы, требующего пива.

– Да. Был тут парень, который, наверное, и привел тебя. Старый хиппи в хитоне. Но он сразу ушел.

Я едва слышал ее из-за шума.

Я обернулся на источник воплей и увидел плотного блондина в джинсах, армейской рубашке и охотничьем жилете.

– Ты не мог бы помолчать десять секунд? – окрысился я.

Его толстые щеки покраснели от злости.

– Ты тут хозяин, что ли, дружок?

Я уже готов был сцепиться с ним, но что-то во мне будто оборвалось. Я почти нежно потрепал его по плечу.

– Ладно-ладно, пей свое пиво.

Я вернулся к нашему столику и сел. Мне было немного стыдно, что я отступил перед этим стриженым толстяком так

быстро. Что-то в его лице произвело на меня странное действие. Он был из тех людей, один вид которых я ненавижу. Но у меня возникло моментальное желание угодить ему, успокоить его. Фу-у.

– Я просто хотел выяснить, кто привел меня сюда, – сказал я Нику, садясь. – По-моему, это был Иисус.

– Ну, Феликс, у тебя и связи, – поддел Стюарт. – То с Сатаной встречаешься, то с Господом нашим.

– Ты и половины всего не слышал, – сказал Ник. Он разглядывал свое отражение в одном из шариков, висящих над столом. – И я начинаю думать, что все это правда.

– Ну так давайте послушаем, – сказал Стюарт.

– Сначала тост. – Ник поднял свой стакан. – За величайшее открытие столетия!

Мы с ним выпили залпом, Стюарт только наполовину.

– Вас, парни, ждут теперь богатство и слава, наверное. – Он безуспешно пытался скрыть зависть в голосе.

Я ощущал эмоции Стюарта так же ясно, как свои.

– Почему бы не взять его в долю? – предложил я.

Вид у Ника стал не самый радостный. Он собрался было что-то сказать, но Стюарт заговорил первым.

– Подожди, – сказал он. – Я только что понял, что я уже в доле. – Он вынул свой эфирный шарик из кармана. – Каждый, у кого есть хоть один из этих, имеет доступ к неограниченному источнику вещества. Пока ты ходил за пивом, я из одного сделал семь.

Ник сморщился. Я попробовал утешить его.

– Смотри, Ник, мы можем запатентовать процесс.

Пройдет какое-то время, пока кто-нибудь еще додумается использовать деление Банаха – Тарского. А тем временем мы будем держать это в тайне и станем выделять образцы вещества по предельным ценам. Стюарт может быть нашим юристом.

– У него есть степень? – неуверенно спросил Ник.

– Практически, – сказал Стюарт, щедро подливая в наши стаканы. – И я согласен на двадцать процентов.

Вам каждому достается по сорок. Выпьем за это.

– Какого черта, – сказал Ник. – Почему бы и нет.

Айрис положила оба шарика в свой напиток. У нее были большие апельсиновые усы, и она, несомненно, была рада сидеть вот так со взрослыми. Я улыбнулся ей, а она улыбнулась в ответ.

Я выпил свой второй стакан пива и открыл было рот, чтобы что-то сказать. Внезапно меня охватило странное чувство, будто я не мог контролировать то, что собирался произнести.

– «Как искры жар растет в желудке, давая силу и превращая

весь мир из места, где царит сосредоточенность до скрежета зубов, в гигантскую изнутреннюю радость», – продекламировал я с легкостью. – Это Джек К.

– Я и не знал, что ты читал Керуака, – сказал Стюарт. – Кстати, Феликс, у меня всегда было такое ощущение, что самой стимулирующей литературой для тебя были комиксы по мультикам Уолта Диснея.

– У меня.., тоже, – сказал я, запинаясь. Откуда возникла эта фраза про Керуака? Я знал только одного человека, который…

– Ох, Боже ж мой! – воскликнул Ник, вскакивая на ноги. – По-моему, я оставил включенной свою машину. Она сгорит. – Эта мысль явно привела его в панику. – Если это случится, меня возьмут за задницу.

– Ник, успокойся. Ты вот-вот станешь таким знаменитым, что до твоей задницы никто не дотянется. – Мне в голову пришла неожиданная идея. Послушай, ты собираешься лететь туда сломя голову, только чтобы увидеть, что ты ее все-таки выключил. Давай я сэкономлю твои силы. Я расщеплюсь и слетаю туда в своем астральном теле.

– О'кей, – сказал Ник. – Я присмотрю за Айрис.

Стюарт с интересом наблюдал. Я выпустил свое восприятие и коснулся им каждого, кто был в комнате. Крошку Айрис, Ника, Стюарта, блондина у бара. Этот парень был так полон печали – он потерял кого-то, кто был ему очень близок.

Часть моего разума мимолетно усомнилась в безопасности затеянного, ведь я собирался так сильно удалиться от своего тела. Но тут расщепление закончилось. Мое тело бессмысленно обмякло в кресле, и я невидимкой выскользнул в окно.

Мне понадобилось всего несколько секунд, чтобы попасть в здание физического факультета. Я быстро нашел лабораторию и проверил машину Ника. Она была выключена, как я и ожидал. Он уж слишком всегда тревожится. Я поплыл обратно в «Каплю». Солнце опустилось низко, и из него потоком вылетали колобошки. В двух кварталах отсюда я заметил нашу машину, поворачивающую с Центральной улицы. Мне пора было вместе с Айрис возвращаться к Эйприл. Я влетел в «Каплю» сквозь потолок.

Что-то было не так. Я понял это по выражению лица Ника. Моего тела не оказалось в кресле, где я его оставил. Я в панике оглядел комнату. К моему облегчению, я увидел свое тело возле бара. Но почему?

Я простер свое сознание до Абсолюта и влетел в свое тело, рассчитывая сразу же включиться. Но что-то дало мне тумака, и я отскочил. Только сейчас я обратил внимание на то, что мое тело

снова разговаривало с этим упитанным блондином. Как оно могло разговаривать без меня?

Даже не побеспокоившись прислушаться к чепухе, которую оно наверняка несло, я снова попробовал влезть в него.

Снова удар, и я отлетел прочь. Снова. Как будто кто-то другой завладел моим телом – какой-то другой дух.

Наконец я замер достаточно надолго, чтобы услышать, что говорит мой рот.

– Фрэнк. Ты должен поверить мне. Я та же самая Кэти, только вернулась сюда в другом теле. Я могу это тебе доказать.

Толстое лицо Фрэнка выражало смесь горя и злости.

– У тебя довольно странное чувство юмора, приятель.

А теперь вали отсюда, пока никто никого не покалечил.

Ник с озабоченным выражением направился к этой паре.

Вдруг мое тело обхватило Фрэнка руками.

– Ох, милый, я так по тебе скучала. Я.., я могла бы стать твоей женщиной.

Фрэнк издал вопль, достойный раненого слона.

– Ты, ПИДОР, – протрубил он, отталкивая мое тело. – Ты, больной, придурочный извращенец! – Один кулак он всадил в живот моему телу, а вторым приложил в висок. Моя одержимая оболочка осела на пол «Капли»:

Фрэнк был готов растоптать бывшую мою голову, но Ник быстро отодвинул его от моего тела. Айрис визжала.

Мое тело поднялось и попыталось высвободиться из хватки Ника, но он крепко держал его.

– Стюарт, иди сюда, – позвал он. – Надо отвести его домой.

Они вдвоем повели мое тело по улице, каждый держал меня под руку. В свободной руке Ник нес Айрис.

Стюарт сгреб все наши эфирные шарики и нес их за пазухой. Я дрейфовал рядом, наблюдал и слушал.

– Что ты сказал этому парню? – спросил Стюарт у моего тела. Но оно не ответило, и Ник слегка его встряхнул.

– Ну давай же, Феликс, что случилось?

Губы несколько раз шевельнулись, потом заговорили:

– Я не Феликс. Меня зовут Кэти. Кэти Скотт.

Эйприл выбежала из дома, когда увидела, как Стюарт с Ником ведут тело ее мужа. Оно обзавелось незнакомой танцующей походкой, а лицо сложилось в гримасу, которой я никогда раньше не видел.

– Привет, Эйприл, – сказало оно. – Я не уверена, что ты меня помнишь. Я – Кэти Скотт, женщина, которую похоронили месяц назад.

Эйприл, окаменев, кивнула:

– Феликс все время говорил о тебе. Он сказал, что он…

– Он ни за что не хотел оставить меня в покое, – сказала Кэти, повышая голос. – Сначала он уволок меня с Земли, а: потом хотел сбросить меня в ужасное белое ничто. Когда он вернулся на Землю, я последовала за ним. – Ее руки все время нервно порхали, пока она говорила.

Как ни странно, никто не усомнился в ее словах.

– Как тебе досталось тело Феликса? – спросила Эйприл.

Кэти улыбнулась, не показывая зубов.

– Он все время бросал его. Наконец я решила пере" хватить его. А он может отправляться к своему Белому свету. Все равно это единственное, что ему нужно.

– Нет! – крикнул я. – Это не все, чего я хочу. Я хочу свою семью, свою жизнь на Земле! – Но никто из них меня не слышал.

– Как ты думаешь, где он теперь? – спросил Ник, озираясь. Они стояли на нашем крошечном переднем дворике. Айрис уже выкатывала свою тележку из гаража. Взрослые смотрели на Кэти в ожидании ответа.

– Я не знаю, – сказала она. – Чтобы выяснить это, мне придется покинуть тело. Но я не покину его.

Никогда.

Они отпустили ее руки, и она повернулась, собираясь уйти.

– Подожди, – сказал Стюарт, снова хватая ее. – Это же безумие какое-то. Просто у Феликса нервный срыв. Мы не можем просто позволить ему вот так уйти.

Ник! Вызови «скорую».

Неожиданная убежденность Стюарта нарушила чары.

Ник рванул в дом. Эйприл сделала шаг к моему телу.

– Феликс? – произнесла она неуверенно.

Тогда Кэти ударила Стюарта в промежность и вырвалась из его ослабевшей хватки. Она бросилась бежать по улице, размахивая руками на уровне плеч.

Стюарт выпрямился и бросился за ней. Тут из дома вышел Ник, запыхавшийся от возбуждения.

– Они едут, – крикнул он Эйприл. – Стюарт прав. Мы должны… – Но тут он заметил выражение лица Эйприл, рассмотрел две бегущие по Тунцовой улице фигуры и присоединился к погоне.

Мне было ясно, что они поймают мое сбежавшее тело.

Оно бежало по-девчачьи. Было тошно смотреть, как она мной виляет, и я решил не следить за погоней. Мне даже расхотелось оставаться на Земле. Они уволокут мое тело, стянутое смирительной рубашкой, запрут его где-нибудь, устроят шоковую терапию, накачают транквилизаторами… а что потом?

У меня было такое чувство, что Кэти не отпустит мою плоть, пока она не умрет. Я вспомнил, как она действовала во время нашей первой встречи на кладбище, какой она была прямо перед тем, как мы отправились к Белому свету в Ничто. На взгляд Кэти, все было лучше, чем небытие, даже сорок лет в психушке.

И ей вовсе не обязательно оставаться там так долго.

Рано или поздно она поймет, что ей только и надо-то называть себя Феликсом Рэйменом. У нее не будет моих воспоминаний, но они назовут это амнезией и выпустят ее.

Я слышал завывание приближающейся сирены. В паре кварталов от нас раздались слабые крики. Эйприл тоже услышала их. Она стояла, окаменев, на краю нашей лужайки. На ее лице маской застыло напряженное выражение. Айрис нагружала в свою тележку опавшие листья, один листок за другим. Я не мог оторваться от этого зрелища, я мог бесконечно смотреть на этих двух, таких дорогих мне, таких реальных. Я направился было к ним.

Воздух разрезал визг. Листья.., лицо Эйприл заколебалось и растаяло. Два лица, испуганные перевернутые овалы.

Горелая резина, бензин, у меня в горле ком. Гудит клаксон, заклинило. Сломанные зубы, скользкие куски, не хватает воздуха. Оцепенение сжимает со всех сторон. Шум удаляется. Ног нет, руки, глаза пропали в тумане – красно-черном. Только биение сердца, конвульсии, еще одна. Замерло. Покой.

27. НИКОГДА НЕ БЫВАЕТ СОВСЕМ (КОНЕЦ)

– Мне очень жаль, – говорил Ник, – ноя так никогда и не собрался прочитать ту часть контракта, что написана мелким шрифтом.

– Десять тысяч долларов? – повторил Стюарт. – Всего-то десять штук – и ничего больше?

– Это еще не все, – сказал Ник, нервно пощипывая свою бородку. – Если мы опубликуем хоть что-нибудь о гиперматерии, нас обвинят в государственной измене.

– Это же смертельная ловушка, – вставил я. Мне было трудно говорить, я мог лишь шептать.

– Ну ты-то по-прежнему можешь написать свой роман, – сказала Эйприл, сжимая мою руку. – Просто скажи, что ты все это придумал.

– Или работай на правительство – они уже предложили мне должность в Лос-Аламосе. И Феликса им очень хочется заполучить, а если ты сможешь получить допуск, Стюарт…

– Только не я, – заявил Стюарт со смехом. – Отдайте мне мои две тысячи баксов, и я исчезаю. – Его скользкая усмешка говорила, что тут не все чисто.

– Только не пытайся продать эти колобошарики первому встречному русскому шпиону, – предупредил Ник. – Потому что он наверняка окажется агентом ЦРУ, – О, помилуй, Ник, я ничего подобного делать не буду. Я просто хочу исчезнуть из поля зрения и строить свои НЛО. Может быть, Феликс захочет мне помочь.

Я попробовал покачать головой, но сковавший все тело гипс не позволил мне даже этого.

– Я пойду с Ником, – прошептал я. Из-за капы на передних зубах было какое-то странное ощущение – онемения и большей гладкости, чем у настоящих зубов. – Мне хочется еще позаниматься лабораторными опытами.

Должен быть и третий уровень субстанции тоже. Бесконечно много. Число точек во вселенной АБСОЛЮТНО БЕСКОНЕЧНО. Это лишь вопрос…

– Феликс, – напомнила Эйприл. – Ты обещал мне, что больше не станешь покидать свое тело.

– Пока смерть не разлучит нас, – пробормотал я, причем совершенно серьезно.

– У тебя еще бывают видения? – спросил у меня Стюарт.

– Теперь нет. Но после несчастного случая мне показалось, что я умер.

– Всем показалось, – сказал Ник. – Машина шла на сорока пяти, а ты, то есть Кэти.., выбежала прямо перед ней. Просто повезло, что я как раз вызвал «скорую».

– Кто был за рулем? – спросил я.

– Водитель скрылся, – сказал Ник. – Машину нашли брошенной на территории колледжа. У нее продолжал гудеть застрявший клаксон. Когда проверили по номерным знакам, оказалось, что машина была угнана полчаса назад со стоянки у «Макдоналдса».

– Я хочу послушать, что Феликс видел, пока был в коме, – перебил Стюарт.

Ник и Эйприл нахмурились, но я начал рассказывать;

– Я был на большом таком заводе, он весь был забит всякими странными машинами, которые все время гудели. Вообще-то это были даже не машины. В смысле некоторые были просто электронными схемами. Но все они были выстроены вдоль стен огромного зала. И там был по-настоящему большой седоволосый парень…

– Бог? – спросил, улыбаясь, Стюарт.

– Конечно. Не БОЖЕСТВО, а именно Отче наш, Он показывал мне машины. Некоторые из них были идеями, одна была парадоксом Зенона, другая проблемой континуума. Там были разные места тоже – наша вселенная, Саймион. И были маленькие машины тоже, которые были просто каким-нибудь человеком или атомом.

Там было всего по одному. – Это был первый раз, когда я кому-либо рассказывал о том, что я видел, находясь в коме, а они сидели тихо, чтобы слышать мой шепот. – Я заметил, что из каждой машины выходил какой-то провод. Как электрический шнур. И я спросил Бога, на чем они работают, А он спросил меня: «Хочешь увидеть?» Все провода вели в люк в полу посреди зала, и мы вместе подошли к нему. Пока мы шли, я увидел, что из Бога и из меня тоже выходили провода и тоже вели в люк. – Я сделал паузу, чтобы глотнуть воды. У меня были трещины в ребрах, и мне было трудно говорить.

Медсестра заглянула в палату.

– Этим двум джентльменам придется уйти сейчас.

Вы можете задержаться еще на полчаса, миссис Рэймен.

Я был рад этому вмешательству. Я слишком устал, чтобы закончить рассказ.

Стюарт и Ник встали, чтобы уйти.

– Ты серьезно насчет переезда в Лос-Аламос? – спросил Ник,

задержавшись у двери.

– Ты что, не слышал? – спросил его Стюарт.

Ник виду не подал, что заметил колкость, и Эйприл объяснила:

– Нам приходится уезжать. На рождественские каникулы. Феликса увольняют за отклонения от официальной программы по курсу основ геометрии, – Он не прошел с ними даже транспортир, – прокурорским тоном заявил Стюарт.

Ник даже ухнул от радости:

– Мы с Джесси тоже уезжаем в декабре. Погода там замечательная. Больше никаких нью-йоркских туманов! Мы поедем вместе!

Медсестра снова заглянула в палату, и они ушли.

Ник крикнул:

– Так я скажу им, что ты едешь.

Мы с Эйприл молчали несколько минут. Это был всего лишь второй день, как сознание вернулось ко мне.

И первый день, когда мне разрешили увидеться с Ником и Стюартом. Было бы неплохо уехать из Бернко и начать все сначала.

Эйприл просидела рядом со мной все отведенные полчаса, гладя меня по руке, рассказывая об Айрис, разворачивая планы на новую жизнь в Нью-Мексико. Она даже не подумала спросить меня, что было там, в люке.

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ФАНТАЗИИ РУДИ РЮКЕРА

То, что из всех научных дисциплин математика, вероятно, самая фантастическая, долго распространяться нет нужды. Читатели с естественнонаучным образованием и так понимают, что имеется в виду, для гуманитариев же вообще все, что связано с формулами и математическими символами, лежит за гранью понимания. Да и сами математики не станут отрицать, что занимаются материями воображаемыми, хотя и не лишенными некоторых черт реальности. Особенно если на подхвате окажутся представители смежной специальности – физики-теоретики, которым в XX веке не раз пришлось убеждать и себя, и коллег, что абстрактные миры математиков на самом деле куда как реальны, только мы этого раньше не замечали…

Труд математиков и писателей-фантастов (тех, что претендуют на приставку «научные») удивительно схож прежде всего в методе. И те и другие для начала формулируют какую-нибудь аксиому – сколь угодно «нереальную», даже, на первый взгляд, абсолютно бредовую, – а затем с помощью логически выверенных теорем на базе этой аксиомы строят целый мир. Внутренне непротиворечивый и, как говорят математики, «полный».

С единственной оговоркой: как раз для профессионалов-математиков их «миры» (системы) полными никогда не будут, на то существуют знаменитые теоремы Геделя.

Если грубо, то говорят они о следующем: в любой замкнутой системе обязательно найдется утверждение, которое невозможно ни доказать, ни опровергнуть, находясь в рамках этой же системы.

Фантасты этого ограничения не знают – да и никто не станет требовать от их построений «математической» строгости. По крайней мере для обыденного сознания достаточно того, что и писатели-фантасты, и ученые-математики заняты построением миров – цельных, многомерных, внутренне непротиворечивых, на каких бы невероятных основаниях эти миры ни покоились.

Чтобы закончить с этой «теоретической» вводкой, приведу любимый Пример. Писатель-фантаст волен вообразить себе любой мир – даже тот, где люди ходят на головах. Однако если автор захочет писать научную фантастику, а не какую-то иную, то он хотя бы озаботится тем, что у обитателей этого мира мозоли будут на затылках… И у ученого-математика такой поворот дел

удивления не вызовет: а как же иначе?

Вот, собственно, и все. Из произведений мировой литературной фантастики можно составить неплохую библиотечку фантазий математических. Начиная с классических примеров XIX века – «Плосковии» (или «Флатландии») английского теолога и литератора Эдвина Эббота и «Зазеркалья» преподавателя математики и поэта Льюиса Кэрролла, – и продолжив этот ряд до современных произведений, которые уважающий себя знаток фантастики выпишет сам. Списки получатся разные, в зависимости от владения материалов и личных предпочтений; но он наверняка окажется досадно неполным без романов и рассказов сравнительно новой звезды на американском научно-фантастическом небосклоне: Руди Рюкера.

Он родился 22 марта 1946 года в городке Луисвилле (штат Кентукки). Отец будущего писателя владел небольшой фирмой по производству мебели, а мать была домохозяйкой и в свободное от домашних обязанностей время занималась садоводством, рисованием и керамикой. Оба родителя корнями происходили из Германии, мать, урожденная фон Биттер, там и родилась. Поэтому полное имя их сына звучало так: Рудольф фон Биттер-Рюкер, – и только в студенческие годы он стал называть себя на американский манер кратко и емко – Руди Рюкер.

Воспитанный в протестантской вере (отца даже избрали пастором местной епископальной общины), мальчик тем не менее был отдан родителями в католическую частную школу. По их мнению, подобная религиозная «смесь» должна была помочь их отпрыску в будущей научной карьере, ибо та предполагает наличие в исследователе таких качеств, как разумный скепсис, терпимость к иной точке зрения и умение – и желание – всегда и во всем находить альтернативы. А то, что сын, рано проявивший способности к математике, станет университетским профессором, отец с матерью не сомневались.

Впрочем, результат их религиозно-педагогического эксперимента, как часто бывает, оказался неожиданным.

Руди Рюкер с молодых лет стал убежденным если не атеистом, то во всяком случае агностиком. То есть человеком, принципиально сомневающимся во всем, включая любую религию. Это приобретенное Рюкером качество действительно помогло ему в обеих жизненных ипостасях: научной и литературной.

После окончания Суортморского колледжа в штате Пенсильвания перед дипломированным математиком встала первая альтернатива в жизни: идти служить в армию (и, вполне вероятно, отправиться во Вьетнам, на войну) или продолжать

образование? Он выбрал последнее: поступил в аспирантуру Университета Ратжерса в Нью-Брансвике (штат Нью-Джерси), где позже защитил диссертацию по математической логике. В год защиты новоиспеченный профессор женился на своей бывшей сокурснице, а спустя несколько лет был уже счастливым отцом двух дочерей и сына.

Первым местом работы стал для Рюкера университет штата Нью-Йорк в городе Дженисео. Именно там будущий писатель, вдобавок к обязательному курсу – аналитической геометрии, начал читать еще один – факультативный, посвященный исключительно четвертому измерению. Это было что-то среднее между высшей математикой, теоретической физикой и философией естествознания, и от желающих записаться на курс Рюкера не было отбоя. В конце концов увлекательные лекции легли в основу его первой книги – монографии под названием «Геометрия, относительность и четвертое измерение», вышедшей в солидном академическом издательства Dover в 1977 году.

Так, аккурат к своему тридцатилетию Руди Рюкер смог посчитать собственную литературную карьеру открытой. Чуть позже последовали другие, не менее увлекательные книги на стыке науки, научной популяризации и философии – и на грани того научного «безумия», на котором настаивал Нильс Бор: «Бесконечность мысли: наука и философия бесконечного» (1982) и «Четвертое измерение: к геометрии высшей реальности» (1984). Но к тому времени в Америке и за рубежом уже хорошо знали «другого» Руди Рюкера – писателя-фантаста.

К художественной литературе он впервые обратился еще летом 1976 года. Абстрактно-философские размышления молодого математика потребовали, очевидно, какой-то иной, более адекватной формы реализации, – и тут он весьма кстати вспомнил о своем увлечении научной фантастикой.

"Когда я начал писать первый научно-фантастический роман под названием «Пространственно-временные бублики, – вспоминает Рюкер, – то не был уверен, что эта затея мне по силам. Но все-таки добил рукопись до конца, после чего приступил к планомерной осаде всех существовавших на то время специализированных журналов. Увы, ни одно не захотело печатать мой роман, и лишь в только что явившемся на свет журнальчике „Unearth“ рукопись приняли для публикации с продолжением. Они разбили роман на четыре части, но, как это часто бывает, журнал „лопнул“ после первых трех подач». Полностью роман вышел сразу книжным изданием в 1981 году.

Нельзя сказать, что роман-дебют Рюкера поражал особой новизной темы. Конфликт «искусственного разума» с носителями

разума естественного заканчивается в результате однозначной победой компьютеров, получивших полный контроль над повседневной жизнью людей…

Подобное описывалось в научной фантастике бесчисленное количество раз, начиная с пионерского романа Мэри Шелли о чудовище Франкснштейна.

Тем не менее автор-дебютант не отчаивался и продолжил свои упражнения в «математической фантастике». К тому же в 1978 году он получил грант от немецкого правительственного Фонда Александра фон Гумбольдта и смог на два года покинуть «холодный, дождливый и промозглый штат Нью-Йорк, в котором жить можно только по приговору суда». Молодой ученый отправился с семьей на историческую родину – в Германию. Самостоятельная исследовательская работа и чтение лекций в знаменитом Гейдельбергском университете не занимали много времени, и Рюкер за свои «немецкие каникулы» успел закончить еще одну монографию, «Бесконечность мысли», два фантастических романа, «Белый свет» и «Софтуха.exe» *<Точный перевод названия романа (как и последующих в той же серии – см, ниже) затруднителен, поскольку в названии имеет место игра слов и смыслов. Сегодня каждому школьнику известно, что английское слово software означает просто «программное обеспечение» (в противоположность hardware – компьютерному «железу»). Однако последующие, созвучные названия других романов цикла – «Wetware», «Freeware» и «Realware» – явно связаны с первоначальным значением слова ware: товары, изделия (скобяные, стеклянные и т.п.). – Здесь и далее примеч. авт.>,* и несколько рассказов.

На сей раз молодому автору повезло: сначала издательство Ace Books, в котором фантастику тогда вели такие корифеи, как ныне покойные Терри Карр и Дональд Уоллхейм, приобрело «Белый свет». А затем, войдя во вкус, – и «Софтуха.exe» вкупе с дебютными «Бубликами»! Новым именем, хотя и с запозданием, заинтересовались журналы, в одном из которых вышла первая официальная (и законченная) публикация Руди Рюкера – рассказ «Глаза прощаются» (1980). За последующие два года увидели свет три его романа, после чего профессор математики мог по праву считать себя одновременно и профессиональным писателем.

Однако по возвращении в Штаты Рюкер не рискнул сразу начать нелегкую жизнь свободного художника. Он пошел преподавать математику в небольшой женский колледж Рэндольф-Мэкон в городе Линчберге (штат Вирджиния), знаменитом на всю Америку тем, что там находилась штаб-квартира ведущего телепроповедника, ультраконсерватора

Джерри Фолуэлла. И только поработав в колледже два года и укрепив свою репутацию в мире science fiction, Рюкер решил, что созрел исключительно для творческой деятельности.

Впрочем, последняя всегда оставалась для него симбиозом науки и научной фантастики. Сам писатель, хотя и признает подобный гибрид явлением не рядовым и даже необычным, с другой стороны, видит в нем нечто абсолютно естественное. А именно – взаимовыгодный для обеих ипостасей симбиоз: «В определенном смысле научная фантастика служит мне своего рода лабораторией для мысленных экспериментов, связанных с моими научными и философскими исследованиями. И в этом нет ничего необычного. Необычно другое: большинство моих фантастических произведений автобиографичны – опять-таки в определенном смысле. Я называю этот метод (научно-фантастическое описание реальной жизни – моей, к примеру) „трансреализмом“ и стараюсь развивать его во всех своих литературных произведениях».

Впрочем, к своему «трансреализму» Руди Рюкер пришел не сразу. Первые его опубликованные произведения критики поспешили зачислить в другой популярный субжанр научной фантастики, стремительно стартовавший как "раз в начале 1980-х – киберпанк, – и к тому были основания. Вместе с тем отличие творчества Рюкера от произведений Уильяма Гибсона, Брюса Стерлинга (в соавторстве с которым Рюкер написал несколько рассказов) и иже с ними видно невооруженным глазом.

Для последовательных киберпанков новое измерение жизни, привнесенное компьютерами, сетями и прочими высокими технологиями, – называй его киберпространством, виртуальной реальностью или как-то иначе, – лишь изменившаяся окружающая среда. В ней приходится жить героям электронного «дивного нового мира», в ней можно строить карьеру, «ловить кайф» или решать новые же проблемы, – но ее совершенно не обязательно постигать умом. В то время как для Рюкера, идейного наследника Кэрролла и Эбботта, эта новая реальность – объект серьезного изучения или, на худой конец, интеллектуальной игры с метафизическими сущностями.

Дань киберпанку Рюкер отдал и в серии романов, явно навеянных творчеством его кумира – покойного Филиппа Дика. Ему же посвящено обстоятельное эссе Рюкера, «Фил Дик жив», опубликованное в 1984 году.

Как и Дика, Рюкера также интересует многомерность окружающей реальности и «внутренней реальности» человеческой психики. Их изощренные столкновения и пересечения, рождения в результате таких коллизий фантомов и симулякров,

мучительные попытки героя пробиться к «истинной» реальности и его же принципиальная неспособность разобраться, в какой именно он в данный момент находится, – все это темы, драмы и образы, постоянно присутствующие в творчестве Рюкера. И ему ли, математику, бояться дурной бесконечности типа «зеркало, отраженное в зеркале, которое отражается в зеркале, которое…», и так далее!

Не случайно первая Премия имени Филиппа Дика, с 1982 года присуждаемая лучшему роману года, вышедшему сразу в мягкой обложке, досталась не кому-нибудь, а Рюкеру – за роман «Софтуха.exe» (1982). В этом искрометном, провоцирующем романе, как и в его продолжении, «Мокруха.exe» (1988), также принесшем писателю премию имени его любимого автора, сюжет тоже не нов: все тот же конфликт искусственного интеллекта с «естественным», – но каково исполнение! Да и драму, лишь сформулированную, но так и не завершенную до самого финала: способны ли мы отказаться от нашей несовершенной и более чем хрупкой биологической оболочки ради иной жизни – в виде записанных и сохраненных в памяти ставших совершенными машин? – расхожей и тривиальной не назовешь.

Мир ранних произведений Руди Рюкера очень напоминает мир киберпанка, в котором традиционная триада хиппи 60-х – «drugs, sex, rock-n-roll» дополнена еще одной составляющей: Сетью. Какой, надеюсь, пояснять не нужно… Однако затем писатель отошел от киберпанка, создав собственный субжанр – «трансреализм», сущность которого сам объяснил как «описание чьей-то реальной жизни на языке научной фантастики».

В трилогии, состоящей из романов «Белый свет, или Что такое проблема континуума по Кантору?» (1980), «Сексуальная сфера» (1983) и «Секрет жизни» (1985), макротосмос иных измерений сопряжен с «внутренним космосом» человеческой личности, а жизнь после смерти – с почти «нереальными» сексуальными фантазиями. Сам автор характеризует эти романы так: «Первый представляет собой попытку пересказать традиционный роман-воспоминание героя о его переживаниях, связанных с переходным возрастом, на языке не менее традиционных, квазиреальных докладах о контактах с НЛО. Второй, если заглянуть под научно-фантастический покров, – это не что иное, как описание моей научной деятельности в Дженисео. Роман можно даже считать реалистическим – если вы хотя бы на мгновение можете допустить, что я вел в американском университете курс некоей „мистической математики“. Наконец, третий роман посвящен Гейдельбергу, знакомому мне не понаслышке, – хотя в повествование и

включены домысленные мною „высшие измерения“ и ядерный терроризм, приводящий к глобальной катастрофе».

Вот так: автобиографическая рутина (достаточно сказать, что главного героя – точнее, одно из его воплощений в иных измерениях! – зовут Элвином Биттером), но завернутая в возбуждающие обертки из модных теорий, находящихся, с точки зрения современных наук, «на грани фола». В этом весь Рюкер, и, если бы читатель предварительно не узнал, что первая специальность автора – математика, нетрудно было бы догадаться.

В качестве еще одного примера вторжения математики в научную фантастику можно привести роман Рюкера «Хозяин пространства и времени» (1984), местом действия которого выбрано абстрактное математическое Гильбертово пространство, используемое в квантовой механике. А также многие рассказы из сборников «Пятьдесят седьмой Франц Кафка» (1983), «Трансреально!» (1991) и «Упрямлюсь!» (1999). Достаточно выписать одни названия рассказов, чтобы читатель ясно представил себе круг интересов Рюкера-писателя: «Котенок Шредингера» (1981), «Истории о Гудини» (1981), «Пятьдесят седьмой Франц Кафка» (1982), «Новый эксперимент со временем» (1982), «Объяснение индийского фокуса с веревочкой» (1983), «Инерция» (1983), «Последний мост Эйнштейна-Розена» (1983), "Послание, обнаруженное в томике «Плосковии» (1983), «Пи в небе» (1983), «Памятник Третьему Интернационалу» <*Речь идет о знаменитом архитектурном проекте нашего соотечественника и большого фантазера Владимира Татлина.*> (1983), «Человек, который был космической струной» (1987), «Трубка вероятности» (1988), «Квадратный корень из Пифагора» (1999).

Остается добавить, что Рюкер составил тематическую антологию «Матеманавты: рассказы о математических чудесах» (1987), а также, в соавторстве с Робертом и Питером Уилсонами, антологию «Семиотекстуальная научная фантастика» (1989).

Несколько особняком стоит роман «Полая Земля» (1990), в котором Рюкер предпринял попытку реанимации одной из популярных тем ранней научной фантастики (среди героев этой альтернативной истории присутствует сам Эдгар По). Кроме того, в последние годы писатель выпустил романы «Хакер и муравьи» (1994) и «Тарелочная мудрость» (1999) и продолжил свою «диковскую» серию романами «Freeware» (1997) и «Realware» (2000).

А на июнь 2002 года намечен выход нового романа Руди Рюкера. Его название снова представляет собой игру слов – и обещает головную боль будущим переводчикам: английское

Spaceland может быть при желании переведено и как «Космическая земля», и как «Пространственная земля».

Очевидно, интеллектуальные игры Руда Рюкера с иными реальностями продолжаются, и писатель испытывает ни с чем не сравнимый кайф, рассказывая нам не только об этом «лучшем из миров», но и обо всем множестве альтернативных. Потому что для профессионального математика и истинного писателя-фантаста как раз все то, чему нет альтернативы, – не реальность, а ее тень, фантом. Фантастика, одним словом.

Вл. Гаков